

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Носко Карина Геннадьевна

УДК 930.85(44)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САЛОНОВ ФРАНЦИИ XVIII В.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Экземпляр диссертации идентифицирован всеми,
существующими у ученого секретаря
Диссовета Д 01.007.02
Удасова Л. И.

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент

Крысенко Дмитрий Сергеевич

ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ

Донецк – 2021

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М. Н. МИХАЛЬЧЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1. Историография проблемы	9
1.2. Источниковая база исследования	28
1.3. Методология исследования	39
ГЛАВА 2. САЛОННАЯ КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.	46
2.1. Предпосылки и условия формирования французского салона	46
2.2. Салон как форма социальной коммуникации.....	63
2.3. Общественно-политический салон баронессы де Тансен	87
ГЛАВА 3. САЛОНЫ ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.	98
3.1. Социально-экономическое и политическое развитие Франции во второй половине XVIII в.	98
3.2. Тематика салонных бесед	115
3.3. Социальная взаимозависимость в пространстве французского салона	133
3.4. Салоны и придворные группы	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	174
ПРИЛОЖЕНИЕ	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. В настоящее время в исторической науке сформировалась устойчивая тенденция к изучению идей, идеологических систем, форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения в их конкретно-историческом социокультурном контексте. Это обусловлено трансформацией одного из направлений исторической науки – интеллектуальной истории. С последней трети XX в. расширяется ее познавательное поле, обновляется методологическая база, укрепляются позиции сторонников контекстуального подхода. В активный научный оборот введено понятие «интеллектуальная культура». Она стала новым объектом исследований.

Важным этапом развития интеллектуальной культуры является эпоха Просвещения. Она знаменовала собой переход от традиционных средневековых, теологических представлений к новоевропейскому рациональному мировоззрению. Показателем значительной интеллектуальной силы воздействия идей Просвещения является их повсеместное распространение в Европе (от Португалии на западе до России на востоке) и за ее пределами (американский континент). Порожденные конкретными историческими условиями конца XVII–XVIII вв., просветительские концепции, содержащие оригинальные ценности, стали фундаментом для идей современной эпохи.

Научным сообществом признается, что наряду с интеллектуалами ведущая роль в процессе создания, хранения, интерпретации и трансляции интеллектуальной традиции как социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению, принадлежит интеллектуальным сообществам. Особое место среди них занимают салоны, сыгравшие важную роль в истории Франции периода нового времени.

Собрание представителей высшего света в частном доме с целью беседы на различные темы получило название «салон». В условиях

«интеллектуальной революции» XVIII в. салоны служили пространством для кристаллизации, а также трансляции новых философских и общественно-политических идей, концепций, теорий. Объединяя интеллектуалов своего времени, салоны оказывали непосредственное влияние на формирование общественного мнения во французском государстве. Салоны XVIII в. сыграли важную роль в утверждении нового мировоззрения – философии Просвещения.

В свете современных реалий актуальность приобретают проблемы формирования коммуникативного пространства в XVIII в. и воздействия салонного сообщества на общественное сознание, мировосприятие и формирование общественной психологии.

Ввиду многоаспектности объекта исследования, деятельность салонов в диссертации рассматривается с позиции трех исследовательских парадигм: социальной истории, интеллектуальной истории и коммуникативного подхода. Это позволило соотнести требования дворянства, недовольного политикой королевской власти, с формой и методами их реализации. В этом отношении салоны, как традиционно дворянская форма коммуникации, использовались для формирования активного и деятельного общественного мнения посредством трансляции просветительских идей и наработки методов управления массами.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено на кафедре всемирной истории Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» в рамках научно-исследовательской темы: «Современные проблемы всеобщей истории» (номер государственной регистрации – 0117D000079).

Степень разработанности темы. Интерес к изучению французских салонов и салонной культуры возник еще в XIX в. и на сегодняшний день накоплен значительный материал по данной проблематике. При этом как в зарубежной, так и в отечественной историографии малоисследованным

остается общественно-политический аспект деятельности французских салонов XVIII в. Отсутствуют комплексные специальные исследования данной проблемы, хотя ее изучение имеет важное значение для понимания структурных изменений, происходивших во французском обществе XVIII в., и формирования предпосылок Французской революции.

Цель диссертационной работы – охарактеризовать общественно-политическую деятельность салонов Франции XVIII в.

Для достижения цели работы были поставлены следующие **задачи**:

- выяснить степень научной разработанности проблемы;
- проанализировать источниковую базу;
- обосновать основные концептуально-теоретические подходы, принципы и методы данной работы;
- охарактеризовать предпосылки и условия возникновения салонов во Франции;
- выявить характерные черты французского салона, отличающие его от других форм светского общения;
- определить территориальное размещение салонов, состав их гостей и тематику обсуждений;
- охарактеризовать патрон-клиентские отношения, оформившиеся в рамках французского салона;
- показать связь салонов и придворных групп;
- выявить, проанализировать и определить характер изменений в деятельности французских салонов XVIII в.

Объектом исследования являются французские салоны XVIII в.

Предметом исследования выступает общественно-политическая деятельность французских салонов XVIII в.

Хронологические рамки исследования охватывают XVIII в., период правления двух монархов – Людовика XV и Людовика XVI.

Географические рамки исследования охватывают территорию французской столицы XVIII в. – г. Парижа и его пригородов.

Научная новизна исследования обусловлена постановкой проблемы. Она конкретизируется тем, что:

впервые:

- определена терминология, использовавшаяся в исторических источниках для обозначения салонов XVIII в.;
- охарактеризована тематика салонных бесед, определена роль политической информации в ней;
- дан анализ патрон-клиентским отношениям, оформившимся в рамках французского салона;
- проанализирована связь салонов и придворных групп;
- рассмотрена трансформация салонной культуры в период Просвещения.

уточнены:

- предпосылки и условия формирования французского салона;
- характерные черты французской салонной культуры;
- количество и локализация салонов;
- группы посетителей французских салонов XVIII в. (состав, мотивация).

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном исследовании факторов, обусловивших особую значимость салонов в условиях социально-политического кризиса, распространения просветительской идеологии во Франции XVIII в. Выявленные характеристики и социальное значение салона углубляют современные представления о специфике интеллектуального движения XVIII в., формах коммуникации аристократии через неформальные собрания, механизме регулирования межсословных отношений и адаптации социальных групп к новым социально-экономическим и политическим условиям.

Практическое значение диссертации состоит в том, что ее основные положения и результаты могут использоваться при написании научных работ по истории Франции XVIII в. Материалы исследования могут привлекаться в процессе подготовки учебных пособий и лекционных курсов по всемирной истории, а также спецкурсов по интеллектуальной культуре, социальной истории.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры всемирной истории исторического факультета Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», а также нашли свое отражение в докладах на следующих научных конференциях: 66-й Международной научной конференции «Каразинские чтения» (г. Харьков, 26 апреля 2013 г.), Научной конференции Донецкого национального университета (г. Донецк, 2013 г.), Международной научной конференции «Формы и механизмы социально-исторической преемственности» (г. Донецк, 22 апреля 2016 г.), I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности» (г. Донецк, 16–18 мая 2016 г.), II Международной научной конференции «Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса» (г. Донецк, 17–20 октября 2017 г.), III Международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура» (г. Донецк, 25 октября 2018 г.).

Публикации. Результаты диссертационного исследования изложены в двенадцати научных публикациях, общим объемом 3,5 печ.л., из них пять статей в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК ДНР, одна статья в научном сборнике, шесть публикаций апробационного характера.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения,

списка использованных источников и литературы (254 позиции), приложения. Общий объем работы составляет 211 страниц, из них основного текста – 171 страница.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография проблемы

Степень научной разработки проблемы определяется значительным количеством работ, посвященных изучению французской салонной культуры. При этом общественно-политическая деятельность французских салонов не была предметом специального исследования как в зарубежной, так и в отечественной исторической науке. Важно отметить, что в отечественной историографии интерес к французской салонной традиции появился достаточно поздно, только в конце XX в. Первостепенная роль отводилась изучению революций конца XVIII–XIX вв. во Франции, рабочего движения, классового противостояния, национально-освободительной борьбы французских колоний. Салоны как важная и неотъемлемая составляющая французской дворянской культуры на протяжении долгого периода времени не были включены в проблематику исторических исследований.

«История салонов» не сразу сложилась как самостоятельное тематическое направление. Говорить о салонной культуре как о научной проблеме можно, начиная с XIX в.

В истории изучения французской салонной культуры в соответствии с проблемно-хронологическим принципом можно выделить три этапа, которые отличаются репрезентативностью источниковой базы, теоретико-методологическими подходами и проблематикой исследований.

На первом этапе, охватывающем XIX – первую треть XX вв., преобладающим является нарративный дискурс. Салоны соотносятся с дворянскими светскими практиками, связанными с придворным обществом.

Произведения первой трети XIX в. отличаются крайне негативной характеристикой салонов XVII в. Вслед за Мольером и Буало, Ж. Делиль¹ и Д.Ж. Гара² осуждали их за смешную прециозность, тем самым обосновывая их безызвестность.

Со второй трети XIX в. (период Июльской монархии) появляются работы, которые формируют новое видение салонов. Прежде всего, следует отметить многотомный труд герцогини Л. Ж. д'Абрантес «История салонов Парижа»³, опубликованный в 1837–1838 гг. Он представляет собой серию беллетризованных рассказов, основанных на устной традиции французского светского общества. Пространные и кропотливые описания салонных собраний, которые достаточно сложно поддаются проверке, формируют восторженно-ностальгический образ салона.

Постановке и исследованию проблем роли салонов во французском обществе, а также положения женщин в них посвящены работы В. Кузена⁴, Ш.О. де Сент-Бёва⁵, братьев Гонкуров⁶.

Литературный критик Сент-Бёв в своем произведении «Беседы по понедельникам» разместил портреты хозяек салонов XVIII в.: мадам де Граффины, маркизы дю Деффан, мадам Жоффрен, маркизы де Ламбер, Ж. де Леспинас, мадам Неккер, маркизы дю Шатле, мадам д'Эпине. Характеризуя литературное творчество этих женщин, Сент-Бёв представляет салоны в качестве институтов литературной жизни, идеализируя и восхваляя их. Именно он определил круг влиятельных салонов и связанных с ними светских, любопытных историй. Со временем это становится историографической традицией и наследуется следующими поколениями

¹ Delille J. La conversation. – Paris: Michaud frères, 1812. – 235 p.

² Garat D.J. Mémoires historiques sur la vie de M. Suard, sur ses écrits et sur le XVIIIe siècle: En 2 vol. T. 1. – Paris: A. Belin, 1812. – 263 p.

³ Abrantès L.J., duchesse d'. Histoire des salons de Paris: En 6 vol. T. 1-2. – Paris: Ladvocat, 1837. – Т. 1. – 406 p.; Т. 2. – 415 p.

⁴ Cousin V. La société française au XVIIe siècle d'après «Le grand Cyrus» de Mlle de Scudéry: En 2 vol. – Paris: Michaud, 1858. – Т. 1. – 443 p.; Т. 2. – 480 p.

⁵ Sainte-Beuve Ch.-A. Causeries du Lundi: En 15 vol. T. 1-4. – Paris: Garnier frères, 1851-1868. – Т. 1. – 1851. – 474 p.; Т. 2. – 1851. – 564 p.; Т. 3. – 1851. – 422 p.; Т. 4. – 1852. – 586 p.

⁶ Goncourt E. et J. La femme au XVIIIe siècle. – Paris: Fermin Didot frères, fils et Cie, 1862. – 459 p.

исследователей. При этом отметим, что достоверность используемых в работе Сент-Бёва источников вызывает сомнения. Французский историк А. Лилти указывает, что упоминаемые им свидетельства частично имеют анонимный характер и основаны на устной традиции (использование безличных выражений: «on cite d'elle», «dit-on», «on cite ce mot»)⁷.

В отличие от В. Кузена и Ш.О. де Сент-Бёва, братья Гонкуры в своем произведении «Женщина XVIII в.» различают «салоны» и «бюро ума». Тем самым литературные салоны, объединяющие писателей, философов, художников, музыкантов и т.д., противопоставляются аристократическим салонам, которым присущи светские развлечения. Это деление имеет достаточно условный характер и основывается на идее автономии литературной жизни по отношению к власти аристократов. Важное значение для диссертационного исследования имеет тезис о политизации бесед в аристократических салонах накануне революции. Братья Гонкуры отмечали потенциальную опасность этого обстоятельства, разрушающего изящество салонных разговоров.

Эмиль и Жюль Гонкуры, вслед за В. Кузеном и Ш.О. де Сент-Бёвом, признавали женское влияние во французском обществе посредством организации салонов. Восхваление и идеализация женщин-аристократок XVIII в. – характерная черта их произведения.

В рамках первого этапа изучения истории салонов особо выделяется биографическое направление. Начиная с 70-х гг. XIX в. увеличивается число биографий хозяек салонов⁸, авторами которых являются не профессиональные историки, а главным образом светские люди, дворяне. Писательской манере авторов присуща свободная компоновка материала. Произведения имеют единообразную структуру: портрет хозяйки/хозяина,

⁷ Lilti A. *Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle.* – Paris: Fayard, 2005. – P. 35.

⁸ Lomenie L., de. *La Comtesse de Rochefort et ses amis: Étude sur les mœurs en France au XVIIIe siècle, avec des documents inédits.* – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – 370 p.; Maugras G. *Le duc et la duchesse de Choiseul, leur vie intime, leurs amis et leur temps.* – Paris: Plon, 1902. – 473 p.; Ségur P., de. *Le royaume de la rue Saint-Honoré.* – Paris: Calmann-Lévy, 1897. – 503 p.; Ségur P., de. *Julie de Lespinasse.* – Paris: Calmann-Lévy, 1906. – 651 p.

перечень посетителей, пересказ интересных случаев, произошедших в салоне. Со временем данная компиляция превратится в историографическую традицию. Основное внимание в работах уделено анекдотичным историям, любовным интригам, связанным с именами хозяек салонов. Биографические очерки отличаются восторженным и ревностно-нравоучительным тоном. Ценность представляют размещенные в этих трудах неопубликованные источники (прежде всего, эпистолярные), доступ к которым авторы имели ввиду семейных связей или социального статуса. На фоне остальных особо выделяется работа Ф.-С. Фейе де Конша⁹. Следуя заветам Сент-Бёва, автор представляет наиболее полную серию портретов хозяек известных салонов XVII-XVIII вв.

В 1905 г. вышла книга Дж. Алдис, посвященная биографии мадам Жоффрен¹⁰. Описывая жизнь неординарной личности, автор раскрывает широкую панораму жизни Парижа, Франции третьей четверти XVIII в. Дж. Алдис указывает на особое положение салона мадам Жоффрен («оплота партии реформ»), характеризуя причины его уникальности и факторы влияния самой хозяйки салона.

В ряде работ второй половины XIX в. получает разработку проблема соотношения салонов и философии Просвещения, салонов и революции. Прежде всего, следует упомянуть произведение А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856 г.)¹¹. Он отмечал, что в XVIII в. писатели достигают наибольшей популярности и фактически становятся политиками. Они внесли существенный вклад во Французскую революцию. При этом отсылка к салонам как пространству писателей у него отсутствует.

Проблема формирования общественного мнения, его политизации накануне революции и роли писателей рассматривается в труде Э. Дешанеля

⁹ Feuillet de Conches F.-S. Les salons de conversation au dix-huitième siècle. – Paris: Charavay frères éditeurs, 1882. – 227 p.

¹⁰ Aldis J. Madame Geoffrin, her salon and her times, 1750-1777. – New York: G.P. Putnam's Sons; London: Methuen & Co., 1905. – 1167 p.

¹¹ Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

«История беседы» (1857 г.)¹². Он отмечал, что XVIII в. становится периодом господства салонов, которые распространяли философские идеи и приближали революцию. Г. Лансон в своей работе «История французской литературы»¹³, опубликованной в 1895 г., также подтверждает тезис о важной роли салонов в распространении философских доктрин. Обращение к характеристике деятельности наиболее известных салонов XVIII в., маркизы дю Деффан, Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен, позволило автору отметить роль женщины во французском обществе.

Впервые в научно-справочной литературе собрания представителей высшего французского общества с целью беседы на различные темы стали обозначаться термином «салон» («salon») с конца XVIII в.¹⁴ Впоследствии он становится общепринятым в зарубежной и отечественной историографии. При этом следует заметить, что систематически термин «салон» использовала в своих произведениях еще мадам де Сталь¹⁵.

Второй этап изучения «салонов» охватывает 30–70-е гг. XX в. Начавшийся на рубеже XIX-XX вв. методологический кризис, усиленный Первой мировой войной, стал причиной пересмотра позитивистских основ исторического знания. С позиций релятивизма и презентизма происходила смена научных парадигм, принципов и методов познания. Важную роль в этом сыграла научная революция, произошедшая в к. XIX – начале XX вв. в физике и математике. Л. Февр отмечал: «Недуг, постигший историю, явился всего лишь одним из аспектов, а именно историческим аспектом великого кризиса человеческого духа. Или, точнее говоря, недуг этот был одним из признаков и в то же время одним из последствий недавней и весьма ощутимой перемены в отношении ученых к Науке. Ясно как день, что

¹²Deschanel É. Histoire de la conversation. – Paris: M. Lévy, 1857. – 216 p.

¹³Lanson G. Histoire de la littérature française. – Paris: Hachette, 1895. – 1166 p.

¹⁴Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIX siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc.: En 17 vol. T. 14. – Paris: Administration du Grand dictionnaire universel, 1875. – P. 133.

¹⁵Staël-Holstein G., de. Corinne ou l'Italie: En 2 vol. T. 1. – Londres: M. Peltier, 1807. – P. 293; Staël-Holstein G., de. De l'Allemagne: En 3 vol. T. 1. – Paris: H. Nicolle, 1814. – P. 67, 73, 76, 78, 246; Staël-Holstein G., de. Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française: En 3 vol. T. 1. – Paris: Delaunay; Bossange et Masson, 1818. – P. 69, 115, 127, 270.

фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными (или, вернее, исследователями, теми, кто создает, кто движет вперед науку и чаще всего бывает поглощен именно исследованиями, а не их осмыслением), – этой отправной точкой была великая и драматическая теория Относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности»¹⁶.

Подлинную методологическую революцию в исторической науке с целью преодоления ее кризисного состояния произвела школа «Анналов», у истоков которой стояли известные французские историки Л. Февр и М. Блок. Был взят курс на междисциплинарную историю и привлечение к совместной исследовательской работе представителей общественных наук – экономики, социологии, социальной психологии и др. На этой междисциплинарной основе ученые школы «Анналов» продолжали расширять и совершенствовать содержание и методологию исторической науки в русле всеобъемлющей «тотальной истории», которая является предельным воплощением истории целостной¹⁷. Л. Февр указывал: «Экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности. История, которая является социальной в силу самой своей природы...История – наука о человеке, не будем забывать об этом. Наука о непрерывных изменениях человеческих обществ, об их постоянном и неизбежном приспособлении к новым условиям существования – материальным, политическим, моральным, религиозным, интеллектуальным»¹⁸.

Ученые школы «Анналов» заменили традиционную историю-рассказ концепцией истории-проблемы. Тем самым был отвергнут событийный подход к изложению исторического прошлого.

¹⁶ Февр Л. Бои за историю / пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. – М.: Наука, 1991. – С. 32.

¹⁷ Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – С. 226.

¹⁸ Февр Л. Указ. соч. – С. 25, 36.

Значительное влияние на исследования французской салонной культуры оказали работы Р. Пикара «Литературные салоны и французское общество»¹⁹ и М. Глотц, М. Мэр «Салоны XVIII в.»²⁰. Несмотря на научно-популярный характер монографий, важным является постулирование идеи о литературном и политическом влиянии салонов в предверии Французской революции.

В работе Р. Пикара указывается, что салоны являлись одновременно социальным, интеллектуальным и национальным институтом. «Именно там воссоединяется элита всех классов и семей французской нации. Именно там из общих страданий, глубоких размышлений в периоды испытаний, чувств, очеловеченных реакцией на воздействие грубости, культурное французское общество изменит свои философские действия, свои правила духовной жизни»²¹. Важным представляется тезис о том, что салоны являются сугубо французским феноменом «из-за этого духа общительности, этой любви к беседе, которые кажутся типичными элементами национального характера»²². Р. Пикар отмечает также, что салоны были пространством общественного и национального согласия, которым руководили прогрессивные и открытые элиты. Таким образом, акцентируется внимание на равенстве представителей всех сословий в рамках салона. Объединительной основой, по мнению Р. Пикара, служат: дружба, «интеллектуальная близость» и «единственная радость от обмена идеями»²³.

М. Глотц и М. Мэр, в свою очередь, настаивают на философской и политической эволюции салонов с середины XVIII в. «Великое, увлекательное занятие салонов, особенно с 1750-х гг., – это говорить о философии и политике, поставить под сомнение великую систему Вселенной и систему, которая называется королевством Франция»²⁴.

¹⁹ Picard R. Les salons littéraires et la Société Française (1610-1789). – Paris: Brentano's, 1943. – 361 p.

²⁰ Glotz M., Maire M. Salons du XVIII siècle. – Paris: Nouvelles Éditions latines, 1949. – 341 p.

²¹ Picard R. Op. cit. – P. 14.

²² Ibid. – P. 19.

²³ Ibid. – P. 11.

²⁴ Glotz M., Maire M. Op. cit. – P. 45.

После двух десятилетий фактического забвения новый интерес к изучению феномена салонов появляется с 1960-х гг. Прежде всего, салоны становятся объектом пристального исследования культурной истории. В этой связи салон тесным образом сопряжен с фигурой писателя. Признавалась зависимость писателя от социальной элиты, поэтому салоны рассматривались в качестве площадок для апробации их литературного таланта и поиска покровителей²⁵.

В 60 – начале 70-х гг. XX в. появляются гендерные исследования, акцентирующие внимание на роли женщин в общественно-политической и культурной жизни французского государства через организацию салонных встреч. М. Гужи-Франсуа²⁶ и К. Лужи²⁷ рассматривают салоны в качестве легитимного, не осуждаемого общественным мнением инструмента социализации женщин во французском государстве.

Третий этап (80-е гг. XX в. – настоящее время) историографии салонной культуры связан с переосмыслением существующих гипотез и концепций в контексте пересмотра объектов исследования исторической науки, ее инструментария, методологических подходов, а также междисциплинарных связей.

1980-е гг. ознаменованы кризисом школы «Анналов», доминирующего в исторической науке направления. Постмодернисты критиковали ее социально-экономическую и структурную проблематику. По мнению главы Центра исторических исследований при Высшей школе общественных наук Р. Шартье, она была вызвана упадком «великих объяснительных концепций», которые в свое время обеспечили огромный успех школы «Анналов» – структурализма и марксизма²⁸. На смену им приходит либеральная

²⁵Bourdieu P. Champ intellectuel et projet créateur // Les Temps modernes. – 1966. – № 246. – P. 865-906; Darnton R. The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-Revolutionary France // Past & Present. – 1971. – vol. 51. – P. 81-115.

²⁶Gougy-François M. Les Grands salons féminins. – Paris: Debresse, 1965. – 190 p.

²⁷Lougee C. Le Paradis des femmes, women salons and social stratification in 17th Century France. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 265 p.

²⁸Репина Л.П. Указ. соч. – С. 244-245.

парадигма, ориентированная не на коллектив, а на индивида. Общество же рассматривается как результат взаимодействия участников общественных процессов, как социальная практика лиц, которые действуют в рамках этих процессов.

Определяющими тенденциями развития зарубежной историографии становятся, во-первых, приоритет «микроподхода» (исследование социальных практик отдельных «акторов» исторического процесса) над «макроподходом» (изучение структур на протяжении длительного времени), во-вторых, плюрализм методологических подходов в исторических исследованиях.

Важное значение в истории французских салонов имеет работа немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы»²⁹. Она была опубликована в 1962 г., однако на французский язык переведена в 1978 г., а на английский язык только в 1989 г. В отечественной исторической науке широкий интерес к его взглядам проявляется только в начале XXI в., когда появляются переводы на русский язык его фундаментальных трудов «Проблема легитимации позднего капитализма» (2010 г.)³⁰ и «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества» (2016 г.)³¹.

На основе анализа исторического развития Англии, Франции и Германии в XVIII-XIX вв. Ю. Хабермас формирует понятие публичной сферы. Ее зарождение ученый связывал с развитием капиталистических отношений, в результате чего информация начала распространяться как товар. Он доказывал, что пресса, став общедоступной, трансформировала докапиталистическое частное общество в социальное общество, в котором

²⁹ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied. – Berlin: Luchterhand, 1962. – 291 p.

³⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.

³¹ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

проявляется взаимозависимость людей друг от друга. Ю. Хабермас отмечал тесную связь публичной сферы с экономической и правовой сферами, указывая, что изменения в них приводят к преобразованиям в публичной сфере, а также политическом поведении общества.

Важную роль Ю. Хабермас отводил Французской революции XVIII в., которая привела, по его мнению, к политизации публичной сферы во всей Европе, развивавшейся до этого в русле литературной традиции. Общественность стала открыто выражать свои взгляды, призывая к обсуждению важнейших вопросов. Ученый отмечал, что салоны во Франции, как и кофейни в Англии, стали площадками для обмена мнениями, дискуссий, сыграв решающую роль в возникновении буржуазной публичной сферы, контрастирующей придворному обществу. Ю. Хабермас указывал также на эволюцию французских салонов. Если в XVII в. они представляли собой места для светских развлечений, то в XVIII в. превратились в пространства осуждения и критики существующих нравов и обычаев (политизация публичной сферы).

Концепция Ю. Хабермаса открыла поле для множества дискуссий о природе салонов и их роли в предреволюционном обществе. Ее критика восходит к работе немецкого социолога Н. Элиаса «Придворное общество»³². Он утверждал, что ключевые характеристики салонного общения – учтивость (*politesse*), вежливость (*civilité*), порядочность (*honnête*) – использовались придворными для обозначения качеств собственного поведения. Следовательно, салоны проистекали из придворного общества, а не являлись частью оппозиционной публичной сферы.

Ж. Ландес в своей работе «Женщины и публичная сфера в эпоху Французской революции» соглашается с точкой зрения Н. Элиаса, указывая: «салон был просто продолжением институализированного двора». Автор отмечает, что салоны не только не были частью, а, наоборот, конфликтовали

³² Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой, А.К. Судакова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.

с публичной сферой³³. Дальнейшее развитие данная точка зрения получила в труде Э. Харт «Картезианские женщины: версии и ниспровержения рационального дискурса при Старом режиме». Исследовательница указывает, что государство «присвоило неформальную академию, а не салон»³⁴. С. Кейл ставит под сомнение принадлежность салонов к Республике ученых, усматривая в них древний аристократический институт³⁵.

Важное значение в контексте отстаивания и развития концепции публичной сферы Ю. Хабермаса имеет работа Д. Гудман «Республика ученых: культурная история французского Просвещения»³⁶, опубликованная в 1994 г. Исследовательница подчеркивала важность салонов для французской истории, Республики ученых и публичного пространства Просвещения. «Под руководством М.-Т. Жоффрен, Ж. де Леспинас, С. Неккер парижские салоны становятся пространством, работающим над проектом Просвещения». Д. Гудман отмечала, что публичная сфера была структурирована салоном, прессой и другими институтами общения.

Размышляя о роли женщин в салонах, она указывала: «Хозяйки салонов не были социальными альпинистками, являясь умными, самоучками и воспитанными женщинами, которые восприняли и реализовали ценности просвещенной Республики ученых и использовали их для преобразования салона в соответствии со своими социальными, интеллектуальными и образовательными потребностями»³⁷. Этот тезис Д. Гудман вызвал волну критики. В частности, И. Пекач отрицала прогрессивную роль женщин, замечая, что салоны относятся к консервативному строю как в социальном, так и в культурном плане³⁸.

³³ Landes J. *Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988. – P. 23-25.

³⁴ Harth E. *Cartesian Women: Versions and Subversions of Rational Discourse in the Old Regime*. – Ithaca: Cornell University Press, 1992. – P. 61-63.

³⁵ Kale S. *Salons français: Haute société et sociabilité politique de l'Ancien Régime à la Révolution de 1848*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 12.

³⁶ Goodman D. *La République des Lettres: Une histoire culturelle des Lumières françaises*. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – P. 1-11.

³⁷ Ibid. – P. 76.

³⁸ Pekacz J.T. *Conservative Tradition in Pre-Revolutionary France. Parisian Salon Women*. – New York: Peter Lang, 1999. – 256 p.

Биографический жанр представлен работой М. Хэмон, посвященной мадам Жоффрен³⁹. Автор относит ее к женщинам, разрушившим традиционную модель «супруги-матери». Используя неопубликованные архивные материалы (в частности, концерн «Сен-Гобен»), М. Хэмон опровергает и оспаривает многие устоявшиеся представления не только о мадам Жоффрен, но и в ряде случаев о французском обществе XVIII в. в целом.

Дискуссионный характер приобретает также вопрос датировки салонной культуры во Франции. Большинство ученых считает временем существования салонов XVII–XIX вв. Д. Гудман заканчивает свое исследование началом Французской революции XVIII в., когда «публичная литературная сфера превратилась в публичную политическую»⁴⁰. С. Кейл ведет свое повествование до 1848 г., указывая, что: «Существование французских салонов поддерживалось целым комплексом социальных механизмов и отношений: праздная аристократия, амбициозный средний класс, активная интеллектуальная жизнь, социальная плотность крупного городского центра, традиции общения и определенный аристократический феминизм. Этот мир не исчез в 1789 г.»⁴¹. При этом предпринимаются отдельные попытки продлить этот период. Так, Ж. Кальве фиксирует появление первых салонов во Франции в XVI в. (придворные кружки Маргариты Наваррской и Маргариты Валуа)⁴².

С начала 90-х гг. XX в. в *отечественной историографии* наблюдается рост интереса к изучению салонов как важной составляющей культурной жизни Франции XVII–XIX вв. В работах Ю.М. Лотмана⁴³, А.В. Никоновой⁴⁴, М.С. Неклюдовой⁴⁵, И.П. Азерниковой⁴⁶ рассматривается проблема

³⁹ Hamon M. Madame Geoffrin: Femme d'influence et femme d'affaires au temps des Lumières. – Paris: Fayard, 2010. – 782 p.

⁴⁰ Goodman D. Op. cit. – P. 280.

⁴¹ Kale S. Op. cit. – P. 9.

⁴² Calvet J. Les salons de Marguerite de Navarre (1492-1549) à Suzanne Necker (1740-1794). – Québec: la Plume d'oise Édition, 2000. – 256 p.

⁴³ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

⁴⁴ Никонова А.В. Салон в культуре Франции // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 508-519.

⁴⁵ Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: век Людовика XIV. – М.: ОГИ, 2008. – 438 с.

возникновения и развития французских салонов. В частности, известный литературовед и культуролог Ю.М. Лотман в работе «Культура и взрыв» отмечал, что по своей сути культура салона во Франции была принципиально неофициальной и неофициозной, в отличие от культуры королевских академий. В своем труде ученый также дает определение понятия «французский салон», обозначая его как «собрание знаменитостей, умело и со вкусом подобранных, так, чтобы излишнее единомыслие не уничтожило возможность дискуссий, но одновременно, чтобы дискуссии эти были диалогами друзей или, по крайней мере соратников»⁴⁷. Таким образом, судя по определению, главной целью салонных собраний М.Ю. Лотман считал общение в форме диалогов и дискуссий. Автор работы подчеркивает литературную (XVII в.), а впоследствии философскую (XVIII в.) направленность французских салонов, при этом не затрагивая общественно-политический аспект. М.Ю. Лотман отмечает определяющую роль хозяйки салона, которая была словно «солнце» для своих «гостей-планет». Интересно замечание ученого по поводу отношений хозяйки салона и ее подопечных (философов, писателей, ученых). По словам М.Ю. Лотмана, она являлась, как правило, представительницей аристократии, т.е. того мира, разрушения которого они так жаждут и приближают, но «к счастью для них, большинство из них не доживет до этой вожаделенной эпохи»⁴⁸.

М.С. Неклюдова в своей монографии «Искусство частной жизни. Век Людовика XIV» предлагает свою трактовку процесса зарождения салонной традиции во Франции. Исследовательница вводит новое понятие, «частная публичность», для объяснения сущности французской салонной культуры. Частная публичность – это промежуточная форма между частным (в кругу семьи) и публичным (в рамках двора короля) пространством, в которой французское дворянство испытывало потребность. По мнению автора, такое

⁴⁶ Азерникова И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02) / Науч. рук. Л.Г. Березовая; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2011. – 231 с.

⁴⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 54.

⁴⁸ Там же. – С. 55.

пространство позволяло отказаться от привычной социальной роли, не опускаясь до быта.

Подробно останавливается на характеристике наиболее известных и влиятельных французских салонов XVII–XIX вв. И.П. Азерникова в своей работе, посвященной салонной культуре дворянства в России в первой половине XIX в. В частности, интерес вызвала деятельность маркизы де Рамбуйе, баронессы де Тансен, мадам Рекамье и т.д. При этом особое внимание уделяется биографиям, чертам характера, способностям хозяек салонов, поскольку, по мнению автора, именно от них в большей степени зависели облик салона, состав гостей и тематика бесед.

На основании изучения особенностей французской и русской салонных культур автор пришла к выводу о наличии большого количества сходных черт, что объясняется, по ее мнению, двумя факторами. Во-первых, сходство положения дворянства во Франции в преддверии революции и в России накануне Великих реформ вызвало аналогичную потребность в общении. Во-вторых, российские светские салоны обнаружили в определенной степени заимствованный характер, поскольку создавались по примеру французских.

Ряд ученых обращается к изучению проблематики французской салонной традиции в рамках *гендерных исследований*. Определенный интерес для нас представляет статья «Женские салоны в Европе XVII–XVIII вв.» В.И. Успенской, написанная в контексте гендерных исследований в социальных и гуманитарных науках⁴⁹. В своей работе автор поднимает вопросы о происхождении салонов, социальном положении их хозяек, а также основных принципах салонной культуры, опираясь на материалы Англии и Франции. При анализе деятельности отдельных французских салонов, исследовательница подробно останавливается на характеристике салона маркизы де Рамбуйе, которая открыла в Париже первый салон.

⁴⁹ Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII вв. // Женщины. История. Общество. – Вып. 2. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 2002. – С. 171–199.

В.И. Успенская отмечает, что салоны являлись женским пространством, в отличие от других культурных институтов, таких как мужские литературные кружки, клубы в кабаре и кофейных домах. Тем самым она подчеркивает доминирующую роль женщин, поскольку именно они возглавляли салоны, приглашали гостей и руководили беседой. При этом автор обходит вниманием салоны, которые организовывались мужчинами. В частности, во Франции XVIII в. широкой популярностью пользовались салоны философа Гольбаха, маршала де Субиза, маршала де Бирона. Конечно, мужские салоны были малочисленны, но сам факт их существования опровергает суждение о том, что салоны – это сугубо женское явление. Просто салон как форма организации досуга, светского общения, на наш взгляд, был менее популярен в мужской среде, ввиду существования обширного списка альтернативных светских мест времяпрепровождения. Для женщин же, исходя из реалий XVII–XVIII вв., салон был одним из немногих (а в XVII в. единственным) мест подобного назначения. В XVII в. салоны были единственным местом, где мужчины и женщины встречались вместе и открыто общались, при этом общество не воспринимало такое общение как нарушение приличий или как общение с целью заключения брака. Таким образом, по ее мнению, салоны являлись тем институтом, который уменьшал разрыв между раздельным существованием мужчин и женщин.

Исследовательница представляет также салон как образовательное пространство для женщин, где они могли слушать лучших мыслителей того времени, обмениваться идеями, читать свои собственные произведения и заслушивать работы авторитетных писателей, критиковать и подвергаться критике. Таким образом, салоны выступали «естественным способом» для женщин получить образование ведь «в обществе, созданном мужчинами и для мужчин» им был закрыт доступ к высшему образованию. Салонная деятельность отождествлялась В.И. Успенской с общественной активностью женщин.

Для нашего исследования особый интерес представляют рассуждения автора об общественно-политической деятельности французских салонов. Так, по мнению В.И. Успенской, в XVIII в. салоны из института досуга трансформируются в институт просвещения. Они становятся более политизированными, активно распространяя идеи Просвещения и либерализма. Здесь находит себе приют политическая оппозиция монархии. «В салонах, – как указывает исследовательница, – обсуждались способы лечения французской экономики, определялся выбор королевских министров, делались и обрывались карьеры государственных мужей, послов, писателей и художников»⁵⁰. На наш взгляд, несколько преувеличено общественно-политическое влияние салонов, особенно в деле назначения и снятия с должностей королевских министров и дипломатов.

В целом, автор приходит к выводу, что в истории феминистского движения французские салоны XVII-XVIII вв. представляют собой первые опыты расширения социального пространства для женщин, интеллектуального общения женщин и мужчин вне семьи, а также первые попытки женских объединений по интересам, способствовавших в определенной степени формированию коллективного женского сознания.

Проблеме участия женщин в интеллектуальной жизни Франции XVII–XVIII вв. посвящены работы А.В. Стоговой. Это участие, по мнению автора, реализовывалось женщинами путем организации салонов. Для объяснения сущности салонной культуры исследовательница в своей статье «Салонная культура XVII в. и женское творчество» дает характеристику салона маркизы де Рамбуйе как нового пространства интеллектуальной культуры⁵¹. Она подробно останавливается на причинах, побудивших маркизу открыть салон, интерьере дома, где проводились регулярные встречи, и основных принципах салонной жизни.

⁵⁰Там же. – С. 195.

⁵¹Стогова А.В. Салонная культура XVII в. и женское творчество // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое Время / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 151-202.

А.В. Стогова предпринимает попытку воссоздать образ хозяйки французского салона, анализирует черты характера и личные качества, которые ей были присущи. При этом автор указывает на необходимость использования особого термина для характеристики женщин-хозяек салонов, которые играли большую роль во французской культуре XVII–XVIII вв. А.В. Стогова предлагает термин «*femme d’esprit*» (дословно «умная женщина»). Он, в отличие от остальных (*femme de lettres*, *intellectuelle*, *femme savante*), по мнению исследовательницы, отражает не какую-то одну черту или особенность, а нечто общее, некое особое мироощущение и видение себя – собственную идентичность.

В другой статье «Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции» А.В. Стогова отмечает, что салоны как важные элементы культурной и интеллектуальной жизни обеспечили признание авторитетности суждений женщин и их влияния на интеллектуальную культуру⁵². Примечательно утверждение автора о том, что изменение положения женщин (когда они не стремились больше скрыть свою образованность) в интеллектуальной культуре XVIII в. произошло только благодаря салонам. Кроме того, А.В. Стогова подтверждает тезис В.И. Успенской о трансформации французской салонной культуры на протяжении XVII–XVIII вв. Она указывает, что салон, будучи местом встреч и интеллектуальных развлечений в XVII в., становится местом интеллектуальных, прежде всего, философских диспутов в XVIII в. При этом значительных изменений претерпела и роль хозяйки салона. Если в середине XVII в. ее влияние определялось протектированием интеллектуалов, то в XVIII в. она обладала авторитетом в вопросах интеллектуальной культуры. Доказывая изменение роли салонов и их хозяек в интеллектуальной культуре Франции XVII–XVIII вв., А.В. Стогова обходит стороной причины этих изменений. Она упоминает лишь о постепенном изменении модели

⁵² Стогова А.В. Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/stogova-salony.htm>

поведения, приемлемого для светской женщины, не указывая, чем это было обусловлено.

Признание определяющей роли хозяйки салона предопределило появление биографических исследований, авторами которых являются Е.А. Куцева⁵³ и С.А. Лосев⁵⁴. Эти работы посвящены изучению жизненного пути хозяек наиболее известных и влиятельных салонов своего времени. При этом исследователи акцентируют особое внимание на характеристике черт характера, а также умений и способностей хозяек салонов, получивших широкую известность не только во Франции, но и за ее пределами.

В ходе работы над поставленной в диссертации проблемой была привлечена группа исследований, посвященных истории французского дворянства. В труде Л.А. Пименовой освещены следующие проблемы: социальная сущность французского дворянства Старого порядка, его социально-политическая программа, дворянская идеология и политическая культура XVIII в.⁵⁵ В диссертационном исследовании Е.А. Куцевой, посвященном аристократии во Франции в конце Старого порядка (1787-1789 гг.), рассматриваются салоны как одна из форм организации аристократического общества⁵⁶. По мнению автора, салоны способствовали распространению просветительских идей в обществе, в частности о преобразовании режима французской монархии, уничтожении остатков феодализма, что создавало идеологические основы революции. Следовательно, аристократия, будучи в оппозиции абсолютистскому режиму, использовала салоны как средство давления на короля, имея целью усиление своих политических позиций и приобретение большего веса в государстве.

⁵³ Куцева Е.А. Маркиза дю Деффан и ее салон // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 16. – Самара, 2014. – № 3. – С. 166-169.

⁵⁴ Лосев С.А. Женщина и революция: трагедия Манон Ролан // История и историография зарубежного мира в лицах. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – С. 65-88.

⁵⁵ Пименова Л.А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.): Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.03) / Науч. рук. д.и.н., проф. А.В. Адо; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова (МГУ). – М., 1984. – 282 с.

⁵⁶ Куцева Е.А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.03) / Науч. рук. д.и.н., проф. С.Б. Семенов; ГОУ ВПО Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2006. – 217 с.

Ценность данного исследования для нашей работы заключается в том, что автор акцентирует внимание на общественно-политическом аспекте деятельности французских салонов XVIII в. А.В. Чудинов затрагивает в своих работах проблему просвещенной элиты как социо-культурного сообщества представителей всех трех французских сословий, объединенных идеалами Просвещения, общим менталитетом и дискурсом⁵⁷. Именно просвещенная элита выступила инициатором движения против абсолютной монархии и тем самым обеспечила институциональный переход от Старого порядка к Новому. По словам исследователя, элита, будучи политически активным меньшинством, сформировалась во второй половине XVIII в., когда вся территория Франции покрылась сетью разнообразных общественных объединений, среди которых значатся салоны. А.В. Чудинов отмечает, что эти объединения имели внесословный характер и демократическую организацию.

Обзор научной литературы, посвященной салонной культуре Франции, демонстрирует высокий интерес исследовательского сообщества к изучению французских салонов XVIII в. Данная проблематика прослеживается в трудах не только историков, но и культурологов, социологов, философов. Отмечая видное место, которое собрания аристократии занимали во французском обществе XVIII в., авторы чаще всего обращались к исследованию происхождения и значения данного явления, фоном которого служит распространение идей Просвещения. Развитие получили темы, связанные с гендерными исследованиями, такие как расширение социального пространства для женщин, интеллектуальное общение полов. В отечественной историографии история французской салонной культуры XVIII в. является малоисследованной темой. Салоны как важная и неотъемлемая часть французской дворянской культуры на протяжении долгого периода времени не были включены в предметное поле

⁵⁷ Чудинов А.В. Просвещенная элита (к истории понятия) // Французский ежегодник. – 2001. – С. 266-279; Чудинов А.В. Мифы о Французской революции: [Электронный ресурс] // Историк. – июль-август 2015. – № 7-8. – Режим доступа: <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/7/mifyi-o-frantsuzskoj-revoljutsii-9f.html>

исследований. На современном этапе в отечественной историографии приоритетным является изучение салонов русского дворянства XIX в., которые создавались по образцу французских в общем контексте заимствования элементов французской культуры в России.

Следует отметить, что общественно-политическая деятельность салонов XVIII в. не была предметом специального комплексного исследования как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Вне исследовательского поля остаются и такие проблемы, как эволюция салонной культуры и деятельности, а также механизмы воздействия на общество.

1.2. Источниковая база исследования

Для решения исследовательских задач, поставленных в диссертационной работе, был проработан широкий круг разнообразных источников. Большая часть используемых источников опубликована в XIX в. В основной своей массе они являются франкоязычными и за редким исключением переведены на русский язык.

Все источники, использованные в диссертации, можно разделить на семь групп: законодательные акты, документы делопроизводства, документы личного происхождения, произведения художественной литературы, публицистика, периодическая печать, научно-справочная литература.

К первой группе источников относятся *законодательные акты*. В нее входят королевские указы⁵⁸ и ремонстрации парламентов⁵⁹. Они привлекались в контексте изучения социально-экономического и политического развития Франции XVIII в. Это позволило определить и охарактеризовать факторы, которые оказывали влияние на трансформацию французской салонной культуры на протяжении XVIII в.

⁵⁸Recueil général des anciennes lois française: En 29 vol. T. 22. / par Mm Isambert, Decrusy, Taillandier. – Paris: Belin-Leprieur, 1830. – 564 p.

⁵⁹Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle: En 3 vol. T. 1, 3. / par J. Flammermont. – Paris: Imprimerie nationale. – T. 1. – 1888. – 718 p.; T. 3. – 1898. – 804 p.

Вторая группа источников представлена *документами делопроизводства*. Наибольшую ценность для изучения французских светских практик представляет комплекс документов под названием «Contrôle des étrangers»⁶⁰. Он состоит из отчетов генерал-лейтенанта полиции Парижа государственному секретарю по иностранным делам Франции, посвященных жизни иностранных дипломатов в столице. Хронологически эта серия документов охватывает период 1774-1789 гг. Интерес для нашего исследования представляют отчеты, содержащие сведения о посещении послами иностранных государств парижских салонных собраний.

В структуре полиции функции надзора за иностранцами выполняли два отделения: второе, осуществлявшее контроль за нравами города, и шестое, которое должно было обеспечивать безопасность и общественный порядок. С приходом графа де Верженна на пост государственного секретаря по иностранным делам (1774 г.) полицейские отчеты, имея ранее эпизодичный характер, стали систематическими. Фактически в последней трети XVIII в. во Франции была создана организованная система надзора за служащими иностранных дипломатических ведомств, характеризующаяся регулярным (каждую неделю) обменом точной информацией между полицией Парижа и государственным секретариатом по иностранным делам. Однотипные, структурированные индивидуальные или коллективные отчеты, собирающиеся каждую пятницу, информировали о передвижении иностранных дипломатов по Парижу.

В целом, полицейские отчеты в силу своей специфики содержат детальную, достоверную информацию. Они позволяют проанализировать динамику количества французских салонов за фиксированный период (последняя треть XVIII в.), выявить наиболее популярные и влиятельные из

⁶⁰ Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 20 mars 1779 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 380; Rapport du 19 avril 1782 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 43. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 65; Rapport du 8 décembre 1786 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 62. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 378.

них, установить персональный состав участников салонных собраний, а также получить представление о тематике обсуждаемых вопросов.

Третью группу составляют *документы личного происхождения* (мемуары, дневники, письма). Это наиболее многочисленная и информативная группа источников ввиду того, что французские салоны являлись неформальными, негосударственными объединениями. Они содержат значительный фактологический материал, их авторы фиксируют не только общеизвестные события, но и интересные подробности, детализирующие их. Данный вид источников дает уникальные факты для реконструкции тех или иных исторических событий, явлений, позволяющих изучить обстановку в обществе того времени в целом и внутренний мир отдельных личностей, в частности. Специфика документов личного происхождения проявляется в их субъективном характере, поскольку они отражают личный опыт автора, его память, эмоции и чувства. В связи с этим информация, содержащаяся в них, требует критического анализа.

К источникам личного происхождения относятся прежде всего воспоминания и дневники писателей, философов, государственных и политических деятелей, которые посещали французские салонные собрания XVIII в. Среди таких следует отметить мемуарные свидетельства Ж.-Ф. Мармонтеля⁶¹, А. Морелле⁶², Ш. Колле⁶³, герцога де Сен-Симона⁶⁴, кардинала Ф.-И.-П. де Берни⁶⁵, Ш.-Ж.-Ф. Эно⁶⁶, Р.-Л. маркиза д'Аржансона⁶⁷,

⁶¹Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. / par M. Tourneux. – Paris: Librairie des bibliophiles, 1891. – Т. 1. – 297 p.; Т. 2. – 378 p.; Т. 3. – 377 p.

⁶²Morellet A. Mémoires inédits de l'abbé Morellet, ... sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution: En 2 vol. / par M. Lémontey. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1822. – Т. 1. – 472 p.; Т. 2. – 516 p.

⁶³Collé Ch. Journal et mémoires de Charles Collé: En 3 vol. Т. 3. / par H. Bonhomme. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1868. – 430 p.

⁶⁴Saint-Simon L., duc de. Mémoires du duc de Saint-Simon: En 22 vol. Т. 16. / par Mm. Chéruel, Ad. Regnier fils. – Paris: Hachette et Cie, 1874. – 472 p.

⁶⁵Bernis F.-J. de Pierre de. Mémoires et lettres de François-Joachim de Pierre cardinal de Bernis (1715-1758): En 2 vol. / par F. Masson. – Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1903. – Т. 1. – 478 p.; Т. 2. – 503 p.

⁶⁶Hénault Ch.-J.-F. Mémoires du président Hénault / par M. le baron de Vigan. – Paris: E. Dentu, 1855. – 436 p.

⁶⁷D'Argenson R.-L. Journal et mémoires du marquis d'Argenson: En 9 vol. Т. 1. / par E.J.B. Rathery. – Paris: Mme V. Jules Renouard, 1859. – 389 p.

М.Маре⁶⁸, М.-М. маркиза де Бомбелля⁶⁹, К.Л.Э. де Виллара⁷⁰, герцога де Ришелье⁷¹.

Особую ценность представляют мемуары известных французских писателей Ж.-Ф. Мармонтеля и А. Морелле. Будучи активными участниками светской жизни Парижа, они детально описывают деятельность отдельных салонов (степень детализации зависит от того, были ли они в числе приглашенных), характеризуют личные качества их хозяев, а также оценивают их коммуникативные навыки и организаторские способности. По свидетельству мадам де Вандель, Мармонтель отдавал предпочтение только тем салонам, посещение которых способствовало бы реализации его амбициозных целей, литературному успеху или материальному достатку. Из этого можно сделать вывод, что он был завсегдатаем наиболее популярных и влиятельных французских салонов. При этом она отмечала, что в случае необходимости Мармонтель менял общество «без печали или сожаления» и не имел привычки привязываться к кому-либо настолько (речь идет о хозяевах салонов), чтобы это могло помешать его целям⁷². Л.-П. Родерер указывал: «Он привык постигать нравы будуаров и кулис, а также хорошо изображал характеры женщин и мужчин света»⁷³.

Своеобразной формой мемуарной литературы являются автобиографии. В них наряду с биографическими данными автора содержатся важные сведения, характеризующие особенности общественно-политической жизни и мировоззрения людей того времени, к которому относится автобиография. Так, «Исповедь» французского философа Ж.-Ж. Руссо, написанная во второй половине 1760-х гг., представляет собой ценный источник для изучения не только жизни и деятельности автора, но и

⁶⁸Marais M. Journal et mémoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris, sur la régence et le règne de Louis XV (1715-1737): En 4 vol. / par A. de Lescure. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie. – Т. 1. – 1863. – 491 p.; Т. 2. – 1864. – 491 p.; Т. 3. – 1864. – 596 p.; Т. 4. – 1868. – 328 p.

⁶⁹Bombelles M. Journal: En 2 vol. Т. 2. / par J. Grassion, F. Durif. – Genève: Droz, 1982. – 414 p.

⁷⁰Villars L.-H. de. Mémoires du maréchal de Villars: En 5 vol. Т. 5. / par M. de Vogüé. – Paris: Renoard, 1892. – 440 p.

⁷¹Richelieu L.-F.-A., duc de. Mémoires du maréchal duc de Richelieu: En 4 vol. Т. 2. – Liege: De l'imprimerie du Journal général de l'Europe, 1790. – 304 p.

⁷²Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 1. – P. 13.

⁷³Ibid. – P. 15.

французской салонной культуры⁷⁴. В своем произведении Руссо изображает жизнь богатых и нищих кварталов Парижа, описывая быт представителей разных слоев французского общества (от служанки до аристократа). Следует отметить лиризм, эмоциональность и социальный пессимизм повествования, что объясняется жизненными обстоятельствами автора. Не имея источника регулярного дохода, Жан-Жак постоянно пребывал в поиске покровителя, тем самым приобщаясь к светской жизни французской столицы, неотъемлемой частью которой являлись салоны. Руссо часто менял место жительства, принимая помощь состоятельных дворян, хозяев известных французских салонов. Поэтому в «Исповеди» встречаются многочисленные характеристики, в большей степени ироничные, салонных собраний Парижа.

Важное значение для диссертационного исследования имеют *эпистолярные источники*. В условиях XVIII в. переписка выступала не только средством коммуникации, но и источником актуальной информации, заменяющим регулярную прессу. Повествование личных писем характеризуется непринужденным тоном и эмоционально-личностным восприятием действительности. Частная переписка рассчитана на узкий круг читателей (родственники, друзья, знакомые) и функционально не предполагает опубликования. Ввиду этого она может содержать откровенные высказывания автора, а также отражать его подлинные взгляды, интересы, запросы.

Наиболее информативной и значимой для нашего исследования является корреспонденция хозяек известных французских салонов: Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен и маркизы дю Деффан. Этот эпистолярный материал содержит сообщения о важных событиях общественно-политической и культурной жизни Франции XVIII в., о светской жизни привилегированных сословий (нравы, обычаи, практики).

⁷⁴Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова. – М.: Изд-во худ. л-ры, 1949. – 705 с.

Ж. де Леспинас переписывалась с математиком, философом, политическим деятелем маркизом де Кондорсе, математиком и философом д'Аламбером, генералом Ж.-А.-И. де Гибером и графом де Крийоном⁷⁵. Она сообщала своим адресатам светские новости, а также описывала события, встречи и беседы, которые происходили в ее съемных апартаментах, где собирался узкий круг интеллектуалов.

Мадам Жоффрен в своих письмах к королю польскому и великому князю литовскому Станиславу II Августу Понятовски не только описывала, но и давала собственную оценку событиям, происходившим во французском государстве⁷⁶. В частности, бурную реакцию мадам Жоффрен вызвала судебная реформа канцлера де Мопу, датированная 1770–1774 гг. Важно, что в переписке хозяйки известного парижского салона и правителя Речи Посполитой запечатлена субъективная точка зрения, которая передает не только ощущение самой мадам Жоффрен, но в определенной степени и настроения, свойственные ее великосветскому окружению, которое было оппозиционно настроено по отношению к ряду государственных деятелей.

Обширное эпистолярное наследие оставила маркиза дю Деффан. Оно включает письма, адресованные философам Вольтеру, Монтескье, д'Аламберу, президенту парижского парламента Ш.-Ж.-Ф. Эно, английскому писателю Х. Уолполу⁷⁷. Однако наибольшую ценность для нашего диссертационного исследования представляет переписка маркизы с герцогиней де Шуазель (супругой государственного секретаря по иностранным делам 1758–1763 гг., 1766–1770 гг., государственного

⁷⁵ Lespinasse J. de. Lettres inédites de mademoiselle de Lespinasse à Condorcet, à d'Alembert, à Guibert, au comte de Crillon / par Ch. Henry. – Paris: E. Dentu, 1887. – 408 p.

⁷⁶ Poniatowski Stanislas II Auguste, Geoffrin M.-T. Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764-1777) / par Ch. de Moüy. – Paris: E. Plon et Cie, 1875. – 529 p.

⁷⁷ Du Deffand M. Correspondance complète de la marquise du Deffand avec ses amis: le Président Hénault, Montesquieu, d'Alembert, Voltaire, Horace Walpole: En 2 vol. / par M. de Lescure. – Paris: H. Plon, 1865. – Т. 1. – 591 p.; Т. 2. – 794 p.

секретаря по военным делам 1766–1770 гг.) и ее помощником аббатом Бартелеми, которая составляет три тома, содержащих 772 письма⁷⁸.

Переписка, охватывающая 19 лет, позволяет проследить эволюцию салона маркизы дю Деффан от многочисленного великосветского собрания к интимному кружку близких друзей. Особый интерес представляют письма, датированные 1770–1773 гг., когда герцог де Шуазель был лишен Людовиком XV занимаемых должностей и отправлен в ссылку в замок Шантлу. В течение четырех лет мадам дю Деффан и супруги де Шуазель поддерживали отношения с помощью писем. Маркиза сообщала актуальные новости французской столицы, выступая важным источником информации для опального министра и его супруги. Герцогиня в свою очередь описывала тихую и размеренную провинциальную жизнь, разбавленную приемами, организованными Шуазелем в Шантлу. По переписке можно проследить ту связь, которая существовала между салоном маркизы дю Деффан и политической группой герцога де Шуазеля.

Интерес для диссертационного исследования представляют письма английского писателя Х. Уолпола своим друзьям во время его путешествий во Францию (1739–1775 гг.)⁷⁹. Они дополняют и уточняют отдельные аспекты деятельности салонов маркизы дю Деффан, мадам Жоффрен, Ж. де Леспинас, герцогини д'Эгийон, мадам де Рошфор, герцогини Люксембургской. Особое внимание заслуживают яркие и образные портреты главных действующих лиц французских салонов – их хозяек. Х. Уолпол в переписке с друзьями предельно откровенен в своих оценках и мнениях. Он дает главным образом ироничные характеристики нравов и обычаев французского высшего света. При всей своей тенденциозности письма Х. Уолпола являются важным источником для изучения салонной культуры с позиции критического анализа светской жизни Франции XVIII в.

⁷⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. / par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – Т. 1. – 461 p.; Т. 2. – 508 p.; Т. 3. – 510 p.

⁷⁹ Walpole H. Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775) / par Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – 327 p.

Особое место среди эпистолярных источников, использованных нами при написании диссертации, занимают письма иностранных послов и дипломатов: графа де Хойма⁸⁰, сэра Л. Шауба, лорда Стормонта, барона Шонфельда⁸¹. В числе адресатов были правители, а также общественные и государственные деятели иностранных государств. Выполняя представительские функции при дворе французского короля и будучи посетителями французских салонных собраний (особенно активно во второй половине XVIII в.), иностранные дипломаты в своих письмах сообщали важную информацию о внутреннем и внешнем положении Франции. Это своего рода «взгляд со стороны» на французскую действительность XVIII в.

В четвертую группу источников входят *произведения художественной литературы*. Важные сведения о хозяевах и наиболее известных посетителях французских салонов содержатся в литературных произведениях. Сочинения д'Аламбера⁸², Морелле⁸³, Фонтенеля⁸⁴, написанные в панегирическом жанре, содержат ценные биографические данные, личностные характеристики, описание светской деятельности известных хозяек французских салонов: маркизы де Ламбер, Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен, а также активных участников салонных собраний французских писателей маркиза де Сент-Олера и Фонтенеля. В силу специфики жанра указанные произведения отличаются хвалебный и восторженный тон, граничащий с тонкой и остроумной лестью. Это, в свою очередь, требует критического отношения вследствие определенной предвзятости авторов.

Для полного и всестороннего раскрытия темы диссертации использовались также литературные произведения, написанные

⁸⁰ Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym: En 2 vol. – Paris: Techener, 1880. – Т. 1. – 247 p.; Т. 2. – 359 p.

⁸¹ Flammermont J. Les Correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – 628 p.

⁸² D'Alembert J. Éloge de Saint-Aulaire // Œuvres complètes de D'Alembert: En 5 vol. Т. 3. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 289-310; D'Alembert J. Éloge de La Motte // Œuvres complètes de d'Alembert: En 5 vol. Т. 3. Partie 1. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 121-174.

⁸³ Morellet M. Portrait de madame Geoffrin // Eloges de madame Geoffrin / par MM. Morellet, Thomas, D'Alembert. – Paris: H. Nicolle, 1812. – P. 3-74.

⁸⁴ Fontenelle. Éloge de la Marquise de Lambert // Œuvres de M. de Fontenelle: En 11 vol. Т. 9. – Paris: Les Libraires associés, 1766. – P. 427-434.

непосредственно хозяйками французских салонов. Работы маркизы де Ламбер⁸⁵, баронессы де Тансен⁸⁶, маркизы д'Эпине⁸⁷, графини де Жанлис⁸⁸ дают представление о взглядах, установках, суждениях их авторов по многим важным вопросам, в частности педагогического, нравственного характера, которые играли определяющую роль при организации деятельности их салонов. Анализ данной группы произведений позволяет определить мировоззренческие ориентиры знатных дам в условиях французских реалий XVIII в.

К пятой группе относится *публицистика*. Ценным источником для изучения тематики салонных бесед, а соответственно, и характера деятельности французских салонов, служат труды известных французских мыслителей: Вольтера⁸⁹, Монтескье⁹⁰, Дидро⁹¹, Руссо⁹², Гольбаха⁹³. В них изложены основные просветительские теории, концепции, идеи, ознаменовавшие собой подлинный прорыв во всех областях гуманитарного знания. Суммировав теоретический опыт своего времени, учитывая специфику социально-экономического и политического развития Франции XVIII в., философы-просветители выразили обобщенное видение окружающей их действительности.

Шестая группа источников представлена *периодической печатью*. Это, прежде всего, информационно-новостные публикации в «Gazettes de

⁸⁵Lambert A.-T. Avis d'une mère à son fils et sa fille. – Paris: E. Ganeau, 1728. – 212 p.

⁸⁶Тансен, мадам де. Записки графа де Комменжа. Повесть / пер. с фр. Е. Морозовой // Новая Юность. – № 5. – 1999. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nov_yun/1999/5/zapiski-grafa-de-kommenzha.html

⁸⁷D'Épinay L. Les Conversations d'Émilie: En 2 vol. – Paris: Humblot, 1781. – Т. 1. – 472 p.; Т. 2. – 470 p.

⁸⁸Genlis S.-F. Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, des usages du monde, des amusemens, des modes, des mœurs, etc: En 2 vol. Т. 1. – Paris: P. Mongie aîné, 1818. – 409 p.; Genlis S.-F. De l'influence des femmes sur la littérature française, comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes françaises les plus célèbres: En 2 vol. Т. 2. – Paris: Lecoq et Durey, 1826. – 279 p.

⁸⁹Вольтер. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Театр; Стихотворения; Мемуары; Исторические сочинения. Письма в Россию. Статьи, памфлеты / под общ. ред. Б.Т. Грибанова. – М.: Литература: Сигма-пресс, 1998. – 656 с.

⁹⁰Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / пер. с фр. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.

⁹¹Дидро Д. Избранные атеистические произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 480 с.

⁹²Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.

⁹³Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 т. – М.: Соцэкгиз, 1963. – Т. 1. – 1963. – 715 с.; Т. 2. – 1963. – 563 с.; Гольбах П.А. Карманное богословие. – М.: Госполитиздат, 1959. – 207 с.

France»⁹⁴ и «Journal de Paris»⁹⁵, содержащие сведения о государственно-политическом и общественном (в т.ч. упоминания отдельных салонов) развитии Франции. Вся периодическая пресса, которая официально издавалась во французском государстве XVIII в., поддавалась предварительной цензуре королевской власти. Вследствие этого содержание газет, а также степень полноты и объективности, размещенной в них информации, зависели от позиции государственной власти в отношении того или иного события. Фактически пресса, будучи подконтрольной, отражала официальную точку зрения.

Важные политические и дипломатические новости Версаля (местонахождение резиденции французских королей Людовика XV и Людовика XVI), Парижа, а также иностранных государств содержались в статьях «Gazettes de France». Она имела монополию на политическую информацию во французском государстве, выходя с 1762 г. два раза в неделю с подзаголовком «Официальный орган королевского правительства». Ее статьи отличаются логикой построения и строгостью изложения материала, а также повышенным вниманием к стилю.

Более светский характер имели материалы «Journal de Paris», первого французского ежедневного издания. Ее статьи были посвящены литературным новостям, любопытным, забавным историям из столичной повседневной жизни, известным парижанам, а также содержали практическую информацию (прогноз погоды, данные об уровне р. Сены, результаты лотереи).

С целью изучения деятельности салона мадам де Тансен как центра ультрамонтанской агитации в условиях религиозного противостояния между католиками и янсенистами, развернувшегося во Франции XVIII в., были привлечены материалы еженедельной газеты «Nouvelles ecclésiastiques»⁹⁶.

⁹⁴ Recueil des Gazettes de France. – Paris: Du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre. – 1759. – № 1-53. – 656 p.

⁹⁵ Journal de Paris. – 11.09.1787. – № 254. – P. 1103-1106.

⁹⁶ Nouvelles ecclésiastiques, ou mémoires pour servir à l'histoire de la constitution: En 10 vol. – Utrecht: Aux depens de la Compagnie, 1735-1765.

Она издавалась подпольно с 1728 г. по 1803 г. янсенистами. Ее ценность заключается в альтернативе официальной точке зрения на религиозные и политические процессы, происходившие во французском государстве в XVIII в. Отличительная особенность данного издания состоит в том, что его материалы выходят за рамки религиозных новостей, обнаруживая хорошую осведомленность его авторов о том, что происходит в правительственных кругах. Несмотря на оппозиционный характер представленной в «Nouvelles ecclesiastiques» информации, прослеживается определенная тенденциозность в ее изложении. Так, статьи характеризуются полемическим тоном и предвзятым отношением: критика ортодоксальных католиков (сторонников буллы «Unigenitus»), обвинение во всех проблемах иезуитов, жалобы на несправедливое преследование янсенистов.

Восьмая группа источников – *научно-справочная литература*. Она представлена «Dictionnaire critique de la langue française» (1787 г.) Ж.-Ф. Феро⁹⁷ и «Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc.» (1817-1875 гг.) П. Ларусса⁹⁸. Данные работы имеют важное значение для исследования семантики слов и их понятийных оснований, употреблявшихся в мемуарной литературе и эпистолярных источниках XVIII в. для обозначения интеллектуальных собраний представителей высшего света Франции. Особо следует отметить энциклопедический словарь П. Ларусса, который, наряду с частотно-грамматическими сведениями, содержит обширные текстологические и литературоведческие комментарии.

Таким образом, специфика французской салонной культуры как составной части интеллектуальной жизни предопределила круг использованных при написании диссертационного исследования источников. Наиболее многочисленными и информативными являются документы

⁹⁷Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française: En 3 vol. T. 1. – Marseille: Jean Mossy Père et Fils, 1787. – 840 p.

⁹⁸Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIX siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc.: En 17 vol. T. 14. – Paris: Administration du Grand dictionnaire universel, 1875. – 1666 p.

личного происхождения, субъективизм которых предполагает их критический анализ. Остальные группы источников информируют лишь об отдельных аспектах деятельности французских салонов XVIII в. Комплексное и системное изучение представленной источниковой базы позволяет реализовать поставленную цель исследования и сформулировать научно-обоснованные выводы.

1.3. Методология исследования

Методологическая основа исследования обусловлена многогранностью объекта и предмета диссертации и представляет собой комплекс подходов, принципов и методов.

В ходе изучения проблемы, автор, прежде всего, опиралась на системный подход к исследованию исторических явлений и объектов, анализ которых осуществлялся во взаимосвязи с другими событиями и процессами, а также во взаимовлиянии и динамике. Это также ориентирует на рассмотрение объектов как систем разной степени целостности и сложности.

Французское общество XVIII в. – сложная система, каждая часть которой является самостоятельной системой, состоящей из ряда элементов, и требует отдельного исследования. Все эти подсистемы также существуют в тесной взаимосвязи и взаимодействии.

Вместе с тем салон рассматривается как часть определенной общественной системы, возникающей в конкретно-исторических условиях и меняющейся во времени. Изменения в жизни общества влияли, соответственно, на деятельность салонов. В связи с этим плодотворным является применение социологического подхода, в основе которого лежит рассмотрение внутреннего состояния общества, его отдельных групп и отношений между ними, изучение природы, характера и особенностей процесса социальной трансформации во Франции XVIII в.

Общество – целостный организм, в котором все элементы взаимодействуют в сложной системе прямых и обратных связей. Наряду с большими группами людей (классами, сословиями) предметом изучения являются социальные микроструктуры: семья, община, общности, корпорации⁹⁹.

Диссертационное исследование базируется на историко–антропологическом подходе в проблематике интеллектуальной истории с ее обращением к институтам (формальным и неформальным) интеллектуального общения.

Проблема салонной культуры Франции XVIII в. имеет наряду с конкретно-историческим, также историко-теоретический и междисциплинарный характер, что, в свою очередь, обуславливает необходимость применения широкого спектра разнообразных научных принципов и методов при написании диссертационной работы.

Основной функцией салона было общение разных групп людей, что требует обратить внимание на его формы, виды, нормы поведения, особенности разных сообществ, механизмы взаимодействия социальных групп. Общественная коммуникация является одним из главных факторов социальной эволюции. Наиболее полно эту идею развивает в своих трудах немецкий социолог и философ Ю. Хабермас. «Я доверяю производительной силе коммуникации, которая отчетливо выражается в борьбе за социальное освобождение. Этот коммуникативный разум заставил считаться с собой и в движениях за гражданскую эмансипацию – в борьбе за суверенитет народа и права человека»¹⁰⁰.

Исследователь вводит понятие «общественности» (публичной сферы), которая определяется как совокупность автономных объединений, связанных друг с другом узлами коммуникации, вырабатывающих ценностные суждения, оценки, значимые для всего общества. Изучение форм и

⁹⁹ Репина Л.П. Указ. соч. – С. 231-232.

¹⁰⁰ Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. – Минск: Экономпресс, 2000. – С. 83-84.

содержания коммуникации внутри этих объединений позволяет сделать вывод о состоянии коммуникативного потока в масштабах всего социума. Таким образом, исследование общественной коммуникации осуществляется посредством осмысления более мелких дискурсов в рамках структур «общественности»¹⁰¹. Это в полной мере относится к салонам, неотъемлемой частью которых были коммуникативные практики. Более того, два из пяти выделенных Ю. Хабермасом типов общественности приходится на период XVII–XVIII вв., называемый «литературным (читающим)», и рубеж XVIII–XIX вв., когда возникает «политическая общественность».

Организация деятельности и сама деятельность салона является результатом действий людей. Именно от личностных характеристик хозяев салонов зависела их популярность и влияние. Поэтому вполне объяснимо, что портреты хозяев светских собраний и их гостей являются предметом пристального внимания исследования. В рамках историко-антропологического подхода историческое исследование фокусируется на человеке в обществе, в группе, на человеке во всех его проявлениях. Ф. Бродель указывал, что история находит «весь свой смысл только тогда, когда она рассматривается в вертикальном срезе: от повседневной жизни на уровне земли и к успехам, к достижениям (и несправедливостям) общественной надстройки»¹⁰². Данный методологический подход имеет особую ценность при характеристике личности хозяев французских салонов, поскольку позволяет не только воспринимать их как субъектов истории, а их ежедневные взаимодействия и жизненные опыты как значимые аспекты прошлого, но и анализировать способы переживания ими повседневности как важной категории для интерпретации исторической реальности.

Диссертационное исследование включается также и в предметное поле интеллектуальной истории. Начиная с XIX в., понятия «интеллектуальная

¹⁰¹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 221.

¹⁰² Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – С. 13.

история» и «история идей» фактически отождествлялись и связывались главным образом с историей философии. Американский философ и историк А. Лавджой отдавал приоритет термину «история идей», содержание которого состояло в изолировании и изучении странствующих во времени универсальных «идей-блоков», последовательно использовавшихся как составные части в разных учениях и теориях¹⁰³.

К рубежу XX–XXI вв. более четко оформилась область интеллектуальной истории, включив историю всех видов творческой деятельности, институтов интеллектуального общения и продуктов человеческого интеллекта, исторического развития интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралистические, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы¹⁰⁴.

В мировой историографии получает распространение контекстуальный подход и новая «постнеклассическая» или «неоклассическая» исследовательская парадигма. Французский историк М. Эмар отмечал, что «в конечном счете исторический контекст все-таки одержал верх над тягой некоторых историков к абстракциям»¹⁰⁵. В новых условиях происходит пересмотр теоретико-методологических установок во всех областях исторического знания, в т.ч. и интеллектуальной истории. Объектом ее исследования наряду с идеями (философскими, политическими, экономическими, социальными) становятся идеологические системы, формы, средства, а также институты (формальные и неформальные) интеллектуального общения. Одной из исходных предпосылок современной интеллектуальной истории является осознание непрерывной связи между историей идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой стороны¹⁰⁶.

¹⁰³ Репина Л.П. Указ. соч. – С. 268.

¹⁰⁴ Киселева М.С. История философии – интеллектуальная история – история идей: [Электронный ресурс] // Материалы Российской научной конференции «История философии: вызовы XXI века». Москва, 15–16 ноября 2012. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page19767824.htm>

¹⁰⁵ Эмар М. История и компаративизм // Новая и новейшая история. – 1999. – № 5. – С. 94.

¹⁰⁶ Репина Л.П. Указ. соч. – С. 271.

В XVIII в. Франция становится одним из ведущих центров Просвещения, ее отличает особая активность и разнообразие форм интеллектуального движения. Одной из форм неформального общения интеллектуалов выступали салоны.

Диссертационное исследование базируется на *принципах* объективности, научности, историзма. Благодаря их использованию представляется возможным всестороннее и целостное освещение изучаемой проблемы.

При анализе деятельности французских салонов применялся принцип *объективности*, который предусматривает изучение исторического прошлого без идеологически заданных схем и стереотипов, независимо от мировоззренческих ориентиров исследователя. Принцип объективности тесно взаимосвязан с принципом *научности*, который позволяет обобщить теоретический и фактический материал.

Использование в работе принципа *историзма* позволяет определить закономерности становления, развития и изменения салонной культуры во Франции. Его ценность как методологической установки заключается в том, что он ориентирует на познание любого предмета с точки зрения конкретно-исторических условий, места и времени, предостерегает исследователя от соблазна перенести на прошлое современные представления, оценки и преимущества. Только учитывая этот принцип, можно избежать односторонних характеристик.

Для реализации вышеуказанных принципов были использованы как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), так и специально-исторические методы (проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-генетический). Выбор каждого из них обусловлен характером фактологического материала, а также целью и задачами исследования.

Применение *анализа и синтеза* в ходе исследования деятельности французских салонов предусматривает вычленение ее отдельных составляющих, изучение их особенностей и специфических черт с

последующим объединением и сопоставлением данных для более глубоких научных выводов. Таким образом, раскрываются наиболее глубокие, существенные стороны, связи, закономерности, присущие объекту исследования.

Методы *индукции и дедукции* ориентируют на исследование отдельных фактов и выведение теоретических суждений и, наоборот, применение общих утверждений (аксиом, постулатов, гипотез) для объяснения фактов. Индукция и дедукция находятся в единстве и дополняют друг друга. Метод *обобщения* позволил сформулировать выводы в соответствии с поставленными задачами диссертационного исследования.

Комплексное изучение французской салонной культуры осуществляется с использованием *проблемно-хронологического* метода для рассмотрения ее в конкретном и неповторимом своеобразии с учетом изменений и развития. Применение данного метода позволяет автору исследовать французскую салонную культуру в хронологической последовательности и определить степень влияния на нее событий и процессов общественно-политической жизни Франции XVII-XVIII вв.

Важный метод исследования в работе – *историко-сравнительный*. Он стал одним из центральных и наиболее важных в гуманитарных науках. Этот метод позволяет путем сравнения вычленить общее и особенное. При написании диссертационной работы он дал возможность раскрыть сущность проблемы путем сравнения и анализа деятельности салонов первой и второй половины XVIII в. Историко-сравнительный метод предполагает также сравнение анализируемых событий, явлений и фактов с другими. Они могут быть предшествующими в генетическом ряду или последующими. Именно в сопоставлении можно получить общее представление об их общности и различии. Так, в диссертационной работе была предпринята попытка сравнить формы общения, характерные для античности и периода нового времени для выявления схожих и отличительных черт. Это, в свою очередь,

позволило сделать вывод о преемственности форм общения, существовавших в разные исторические периоды.

При анализе трансформации институтов, явлений и процессов широко используется *историко-генетический метод*. Он позволяет установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. Использование историко-генетического метода способствует раскрытию исторической обусловленности и динамики развития французских салонов в XVII-XVIII вв., дает возможность выявить комплекс факторов, повлиявших на формирование салонной культуры во Франции периода нового времени.

Таким образом, теоретико-методологическая основа данной диссертации predetermined предметом исследования – деятельность французских салонов XVIII в. В качестве инструмента получения нового знания использованы теоретические положения таких направлений современной исторической науки, как историческая антропология и социальная история. Методология исследования опирается на коммуникативный подход как способ исторического познания, в основе которого лежит понимание коммуникации как фактора социальной эволюции.

Все вышеперечисленные подходы, принципы и методы научного познания позволяют всесторонне рассмотреть тему диссертационного исследования. Их комплексное использование помогает избежать субъективных оценок и обеспечивает научную достоверность результатов исследования.

ГЛАВА 2. САЛОННАЯ КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

2.1. Предпосылки и условия формирования французского салона

XVI–XVII вв. в истории Франции насыщены социальными и политическими событиями. Это время существенных трансформаций в социальном положении традиционных слоев и ценностно-идеологических перемен в самом обществе. Они сопровождались как появлением новых форм межсословного взаимодействия, так и расширением значимости существовавших, но мало востребованных способов общения.

В социокультурной жизни страны реакцией на события становятся разного рода собрания дворянства, интеллектуалов, особое место среди которых занял «салон». В определенной мере понять роль и место салона в жизни французского общества XVIII в. поможет анализ условий его формирования.

Гражданские войны второй половины XVI в. между католиками и протестантами (гугенотами) негативным образом сказались на экономической, политической, культурной жизни Франции. С окончанием кровопролитных междоусобиц, а также приходом к власти Генриха IV Бурбона возобновляется процесс национального и государственного объединения Франции, происходит укрепление монархии. Французский историк О. Тьерри отмечал: «Царствование Генриха IV было одной из тех решительных эпох, когда многое заканчивается и многое начинается»¹⁰⁷.

В первой половине XVII в. во французском государстве была создана централизованная бюрократическая система, подчиненная королю и его министрам. Король отказался от созыва Генеральных штатов, опираясь в своей деятельности на Малый государственный совет, состоявший из лично

¹⁰⁷ Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Тьерри О. Избранные сочинения. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 113.

ему преданных профессионалов. Важно заметить, что большинство членов этого совета были не потомственными, а аnobлированными дворянами. Основой французского государственного чиновничьего аппарата управления стало «дворянство мантии», т.е. лица, которые получили дворянский чин за государственную службу. Следует отметить, что в этот период во Франции активно практиковалась продажа должностей, учрежденная еще Людовиком XII. Кроме того, согласно эдикту Пуле (1604 г.) должности можно было передавать по наследству при уплате ежегодного налога – полетты. Государственные чиновники, которые получали свои должности таким способом, были достаточно лояльно настроены по отношению к королю как гаранту их благосостояния. В целом «новое дворянство» стало прочной социальной опорой французской монархии.

Важным шагом на пути укрепления королевской власти стало учреждение института интендантов провинций. В функциональные обязанности наместников короля входило осуществление надзора и контроля в области финансов, а также за деятельностью судебных и правоохранительных органов. В мемуарах министра Сюлли находим причины, вызывавшие у центральной власти сомнения в компетентности провинциальных чиновников: «Подложное наименование вещей, отменения должного, подделывания, поборы: и так сказать подписки под истину, двойные определения и должности, не упоминая об этом нарочно сохраняемом беспорядке течения всех письменных дел, при котораго помощи скрывающийся злодей весьма ясное для себя имеет зрение; в то время, когда другим предполагает он непроницаемый мрак. Довольно сего, что взыскав в казну две только должная зарплаты как настоящего тогда, так и трех сряду пред оными прошедших годов, без труда собрал я больше пяти сот тысяч талеров, потерянных уже совсем для Его Величества»¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Записки Максимилиана Бетюна герцога Сюлли, первого министра Генриха IV: Приведенные в порядок и примечаниями снабденные, новейшаго вновь просмотреннаго и исправленнаго издания в Лондоне: В 10 т. Т. 1. / пер. с фр. М.И. Веревкина. – М.: При Имп. Моск. ун-те, 1770. – 552 с.

Разруха и хаос, вызванные гражданскими войнами, требовали от короля и его министров принятия безотлагательных мер по восстановлению экономики государства. С целью улучшения финансового положения министр Сюлли добился списания части государственного долга, упорядочил сбор налогов, установив контроль за деятельностью откупщиков, ввел строгую отчетность и контроль за расходованием денег государственной казны. Суперинтендант финансов вспоминал: «В сию Парижскую бытность, труднейшее было для меня дело, приводить начальствующих при государственных сборах казны, а особливо главнаго Государственного сборщика. Вредный обычай, по которому расхищалася она от временщиков»¹⁰⁹.

В области сельского хозяйства при поддержке правительства расширялись площади обрабатываемых земель, внедрялись новые культуры (сахарная свекла, кукуруза). Ряд мер был направлен на улучшение положения крестьянства. Так, правительство частично снизило налоги с крестьян (талью), освободило их от уплаты недоимок, которые накопились за время религиозных войн, а также запретило продавать их скот и сельскохозяйственный инвентарь за долги. Следует отметить, что суперинтендант финансов Сюлли выступал яростным противником «легчайших и простых», по его мнению, способов пополнения государственной казны, заключавшихся в увеличении налогов для крестьян, поскольку: «Новое еще для них одних было бы обременение, во время, когда они только что начали собираться с силою, и познавать, что такое есть успокоение. Сие бы довершило их разорение; лишило Государя вперед, обильнейших, или лучше сказать, единственных истинных прибежищ»¹¹⁰.

В области промышленности королевская власть проводила политику протекционизма. Она предполагала ограничение ввоза иностранных товаров и запрет на вывоз сырья, в частности шерсти и шелка. При этом всячески

¹⁰⁹ Там же. – С. 35-36.

¹¹⁰ Там же. – С. 308.

поощрялся вывоз готовой промышленной продукции. В этот период создавались крупные государственные мануфактуры, а также частные предприятия, нередко субсидируемые государством. Основное внимание уделялось производству предметов роскоши – шелковых и бархатных тканей, гобеленов, сафьяна, кружев, стеклянных и ювелирных изделий, мебели.

Правительство поощряло развитие торговли. В государстве было развернуто интенсивное дорожное строительство с целью преодоления раздробленности. Процессом реорганизации путей сообщения руководил специальный чиновник, генеральный инспектор дорог и мостов (должность учреждена декретом 1599 г.). Правительством принимались меры по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Так, был введен запрет на ношение оружия частными лицами; вооруженным отрядам было запрещено становиться на постой в населенные местности без разрешения правительственных чиновников; велась борьба с бандами, промышленявшими разбоем на дорогах. Кроме того, в рамках французского государства было организовано регулярное почтовое сообщение, а на международной арене заключались выгодные торговые договора с иностранными государствами. Король, демонстрируя свою заинтересованность в развитии торговли, учредил специальную должность суперинтенданта торговли и содействовал созданию коммерческого совета, в состав которого вошли представители администрации, мануфактурного производства и купечества.

Внешняя политика Франции в конце XVI – начале XVII вв. была направлена на сближение с Англией, Голландией, протестантскими княжествами Германии, швейцарскими кантонами на фоне противостояния (по большей части дипломатического) с испанскими и австрийскими Габсбургами. Следует отметить, что в этот период королевская власть проводила активную колониальную политику. В результате экспедиций, организованных к берегам Канады, в 1605 г. было основано поселение Пор-Руаяль (колония Акадия), а в 1608 г. – форт Квебек (колония Новая

Франция). Возобновились также попытки освоения Южной Америки, в частности земель в бассейне рек Амазонка и Ориноко (северо-восточная часть Бразилии). Там, в 1612 г. уже после гибели Генриха IV было основано поселение, получившее название «Равноденственная Франция». В целом положение Франции на международной арене было значительно укреплено и усилено.

Таким образом, политика, проводимая королем Генрихом IV и его министрами, направленная на восстановление национального единства, а также укрепление и централизацию государства, привела к стабилизации внутри- и внешнеполитического положения Франции конца XVI – начала XVII вв. В этих условиях новый импульс развития получает интеллектуальная сфера.

В первой половине XVII в. во французском государстве зарождается новая форма социального взаимодействия и коммуникации, которая впоследствии оформляется в «салон». Эти неформальные сообщества, объединявшие выдающихся интеллектуалов своего времени, оказывали заметное влияние на культурную и общественно-политическую жизнь Франции XVII-XIX вв.

Формирование салона как формы социальной коммуникации продолжалось в течение XVII-XVIII вв. Параллельно с этим шел процесс складывания термина и понятия «салон». Анализ мемуарной литературы и эпистолярных источников XVIII в. показал, что для обозначения встреч, регулярно проводимых представителями дворянства, использовались следующие термины:

1. *Compagnie* (в пер. с фр. – компания) – это собрание большого количества людей, главной целью которого являлась беседа, или вид общества, связей¹¹¹. Чаще всего этот термин использовался в словосочетаниях «*bonne compagnie*» (от фр. *bon* – хороший, *compagnie* – компания) и

¹¹¹ Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française: En 3 vol. T. 1. – Marseille: Jean Mossy Père et Fils, 1787. – P. 498.

«mauvaise compagnie» (от фр. mauvais – плохой, compagnie – компания), представлявших собой качественную характеристику социальных групп, отличавшихся уровнем освоения и соблюдения норм приличия и вежливости. Французский писатель Мармонтель, например, в своих «Мемуарах» писал, что он два-три раза в неделю посещал барона Гольбаха, а также Гельвеция, у которых собиралась «хорошая компания»¹¹².

2. Société (в пер. с фр. – общество) – термин, который имеет достаточно широкое толкование и чаще всего используется при характеристике общественной жизни. В рамках рассмотрения различных форм общения указанное понятие, как правило, употребляется для обозначения социальной элиты, отличающейся своими светскими практиками. В XVIII в. этот термин использовался для изображения конкретного салона (то есть его посетителей) или всех тех, кто посещал салоны. Философ и математик д'Аламбер, например, так вспоминал салон мадам де Ламбер [Рис. 2]: «Эта женщина, известная своим умом, собирала у себя общество избранных писателей и светских людей»¹¹³.
3. Coterie (в пер. с фр. – кружок, небольшая группа) – термин, употребляющийся для характеристики различного рода сообществ и обозначающий группу людей, объединенных родственными связями, определенным видом развлечений, либо проживающих в одном квартале¹¹⁴. Использование этого термина в источниках XVIII в. было продиктовано необходимостью акцентировать внимание на эффекте интимности, камерности, общности интересов, объединявших людей в рамках определенного, как правило, немногочисленного сообщества. Так, английский писатель Х. Уолпол в письме другу Ж. Селвину при перечислении салонов, которые он посещал во время своего пребывания в

¹¹² Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 2. – P. 245.

¹¹³ D'Alembert J. Éloge de Saint-Aulaire // Œuvres complètes de D'Alembert: En 5 vol. Т. 3. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 295.

¹¹⁴ Féraud J.-F. Op. cit. – P. 194.

Париже, упоминал общества мадам Жоффрен [Рис. 6], герцогини д'Эгийон [Рис. 8], мадам Рошфор и кружок господина Люксембургского¹¹⁵.

4. Maison (в пер. с фр. – дом) – использование этого термина доказывает важность частного дома, где проходили салонные встречи, в светской практике гостеприимства, являющейся важным элементом салонной культуры. Манон Флипон, будущая мадам Ролан, например, сообщала в письме своей подруге С. Кане, что она регулярно посещала два дома, где собиралось высшее общество¹¹⁶. В одном из полицейских рапортов в отношении английского посла записано: «Он часто посещает дома де Куани и де Ла Вопальер»¹¹⁷.
5. Bureau d'esprit (от фр. bureau – бюро, esprit – ум) – термин, который появился в XVIII в. для сатирического изображения салонных встреч, обвиняемых некоторыми современниками в педантизме, чрезмерном остроумии и прециозности¹¹⁸. Господин де Ла Ривьер, например, будучи другом маркизы де Ламбер, писал о ее салоне следующее: «Она объединилась с академиками и основала бюро ума». Далее он указывал, что всячески пытался убедить ее отказаться от этой затеи («избавить от смешной черты, присущей остроумному человеку, особенно женщине»), но опасаясь быть замешанным в эту «причуду», прекратил с ней общение¹¹⁹. Французский поэт и драматург Ш. Колле в своем дневнике иронично называл салон мадам Жоффрен «бюро ума», к которому, по его словам, он испытывал отвращение¹²⁰, салон мадам Неккер [Рис. 10]

¹¹⁵ Walpole H. *Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775)* / Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – P. 98.

¹¹⁶ Roland J.-M. *Lettres de Mme Roland: En 2 vol. T. 1.* / par C. Perroud. – Paris: Imprimerie nationale, 1913. – P. 92.

¹¹⁷ Rapport du 8 décembre 1786 // AAE, *Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 62.* // Lilti A. *Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle.* – Paris: Fayard, 2005. – P. 378.

¹¹⁸ Féraud J.-F. *Op. cit.* – P. 329.

¹¹⁹ Sainte-Beuve C.-A. *Causeries du lundi: En 15 vol. T. 4.* – Paris: Garnier Frères, 1852. – P. 225.

¹²⁰ Collé Ch. *Journal et mémoires de Charles Collé: En 3 vol. T. 3.* / par H. Bonhomme. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1868. – P. 171.

«бюро подчиненное уму, к тому же смехотворно прециозное»¹²¹, салон барона Гольбаха «бюро ума господ энциклопедистов»¹²².

6. Иногда в источниках XVIII в. собрания во французских салонах встречаются под названием дня недели, в который они регулярно проводились. В частности, герцогиня дю Мэн в письме писателю Фонтенелю, восхищаясь салоном маркизы де Ламбер, называет его «mardi» (в пер. с фр. – вторник): «О почтенный Вторник! Величественный Вторник! Вторник более опасный для меня, чем все остальные дни недели! Вторник, который так много раз служил триумфу Фонтенеля, Ла Мотта, Мерана, Монго! Вторник, куда вхож любезный аббат Бражелон! И, кроме того, Вторник, который возглавляет мадам де Ламбер!»¹²³. Монтескье же, в свою очередь, будучи в отъезде за пределами Франции, в письме мадам де Ламбер жаловался: «Но ничто из того, что я видел, ничто из того, где я был, не утешит меня из-за вторников»¹²⁴.

Как видно, до конца XVIII в. не существовало четко оформившегося термина для обозначения группы людей, которые собирались для общения. Различными были цели и поводы собраний. Присутствующих на этих встречах могли объединять родственные связи, вид развлечения, место проживания (например, один квартал). Важно отметить, что подобные собрания никоим образом не соотносились с приемами двора.

Впервые термин «салон» (фр. *salon*) в значении собрания представителей высшего света для общения на различные темы начинает употребляться в мемуарной, специальной и художественной литературе XIX в.¹²⁵

Современная западноевропейская историография трактует понятие салон как общество (светское, артистическое), регулярно собирающееся в

¹²¹ Ibid. – P. 344.

¹²² Ibid. – P. 11.

¹²³ Maine A.L.B., Simiane P. *Lettres de Madame la duchesse du Maine et de Madame la marquise de Simiane*. – Paris: Léopold Collin, 1805. – P. 15.

¹²⁴ Montesquieu Ch. *Correspondance de Montesquieu*: En 2 vol. T. 1. / par F. Gebelin, A. Morize. – Bordeaux: Imprimeries Gounouilhoul, 1914. – P. 244.

¹²⁵ Larousse P. *Op. cit.* – P. 133.

частном доме. Открыть салон значило собрать людей для того, чтобы поговорить¹²⁶. Таким образом, основной упор делается на соотнесении этого явления с формой человеческого общения и досугом высшего общества. Отечественная же историография акцентирует внимание на характеристике деятельности, указывая, что салон – это литературно-художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме¹²⁷.

Появление данной формы общения в определенной мере связано с личностными факторами, опосредовано традицией и воспитанием. Моделью французского салона могут выступать собрания в доме Катрин де Вивон (в замужестве маркиза де Рамбуйе) [Рис. 1]. Она открыла в 1608 г. в Париже первый «салон», который просуществовал вплоть до 1659 г.

Катрин де Вивон родилась в Риме в 1588 г. Она была дочерью французского посланника Жана де Вивона де Пизани и итальянской аристократки Джулии Савелли. В 1600 г. она вместе с матерью переезжает в Париж.

В двенадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за видама Манского, в будущем маркиза де Рамбуйе, который был вдвое старше ее¹²⁸. Впоследствии она была представлена ко двору короля Генриха IV. Однако уже с 20 лет маркиза де Рамбуйе, любившая светские развлечения, отказывается от посещения королевского дворца¹²⁹. Трудно однозначно объяснить, чем обусловлено данное решение. Традиционным в историографии является мнение, что таким образом она выразила свой протест против нравов высшего французского общества, которые диссонировали ее детским воспоминаниям об изысканном дворе Медичи. Современные исследователи при таком противопоставлении, как правило, имеют в виду не столько распущенность и грубые развлечения Генриха IV, сколько отсутствие

¹²⁶ Rey A. Le Grand Robert de la langue française: En 9 vol. T. 8. – Paris: Le Robert, 1991. – P. 1865.

¹²⁷ Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 22.: Ремень-Сафи / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 514; Салон // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/fine_art/text/3529282

¹²⁸ Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / пер. с фр. А.А. Энгельке, Э.Л. Линецкой. – Л.: Наука, 1974. – С. 141.

¹²⁹ Там же.

утонченности и вкуса у королевы Марии Медичи и инфантильность, скуку дофина Людовика XIII¹³⁰. Более того, будущего короля, по сообщению французского писателя Таллемана де Рео, маркиза де Рамбуйе «не выносила, он был ей чрезвычайно неприятен: что бы он ни делал, она всегда видела в этом нарушение приличий»¹³¹.

Сомнительно, что отказ маркизы де Рамбуйе посещать королевский дворец являлся одномоментным актом. Хотя на этом настаивает Таллеман де Рео, указывая, что с 20 лет (т.е. с 1608 г.) она больше не бывает в Луврских ассамблеях¹³². Скорее под влиянием целого ряда факторов происходит постепенное (на протяжении нескольких лет) сокращение количества ее визитов в королевский дворец. Среди факторов, повлиявших на решение маркизы, помимо уже упомянутых, можно назвать политическое противостояние, возникшее после убийства Генриха IV (между мятежными французскими принцами и партией двора, а также между итальянской, поддержавшей Марию Медичи, и французской, сторонники Людовика XIII, группами внутри партии двора) и здоровье маркизы, которое значительно ослабло после рождения шестерых детей. По мнению М.С. Неклюдовой, добровольный уход маркизы де Рамбуйе из пространства двора мог быть проявлением аристократической оппозиции, еще уверенной в своем публичном статусе, поэтому свободно экспериментирующей с альтернативными формами общественного самовыражения¹³³.

В начале XVII в. в Париже практически вся светская жизнь сосредотачивалась при дворе французского короля в Лувре. Крайне ограничен был список мест для времяпрепровождения аристократии, особенно это касается женщин. Еще не настало время кафе, королевских академий, званых обедов и ужинов. Фактически аристократка была ограничена стенами своего дома и вынуждена была проводить практически

¹³⁰ Стогова А.В. Салонная культура XVII в. и женское творчество // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое Время / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 151-152.

¹³¹ Таллеман де Рео Ж. Указ. соч. – С. 150.

¹³² Там же. – С. 141.

¹³³ Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. – М.: ОГИ, 2008. – С. 64.

все свое время в кругу семьи. В этих условиях маркиза де Рамбуйе, собирая в своем особняке образованное общество, создала особое пространство, в пределах которого человек мог на время отказаться от своего социального статуса, не опускаясь до быта¹³⁴.

Создание модели французского салона именно маркизой де Рамбуйе не выглядит случайностью, а неразрывным образом связано с ее личными качествами. Катрин де Рамбуйе была незаурядным человеком. Она обладала красотой, блестящим умом и выдающимися способностями¹³⁵. Она в совершенстве владела французским и итальянским языками, кроме того, знала испанский язык и собиралась выучить латынь, чтобы в оригинале читать Вергилия (этому помешала болезнь¹³⁶). Мадам де Рамбуйе увлекалась римской историей, литературой, философией, а также интересовалась научными изобретениями. Мадам де Мотвилль указывала, что маркиза представляла собой «модель любезности, мудрости, знания, и сладости», а также добавляла: «Ее уважали, обожали»¹³⁷. Французский писатель Ж.Р. де Сенгре отмечал: «Она исправила плохую традицию, которая бытовала до нее. Она преподавала вежливость всем своим современникам, тем, кто часто посещал ее дом. Она была также хорошей подругой и доброй ко всем»¹³⁸.

Для большего удобства маркиза в 1618 г. занялась перестройкой особняка де Рамбуйе. По свидетельству Таллемана де Рео, она лично руководила строительными работами. Будучи крайне недовольной чертежами, которые ей предлагали архитекторы, «она однажды вечером, после долгого раздумья, воскликнула: «Бумаги, скорей! Я придумала, каким образом сделать так, как мне хочется». И сейчас же сделала чертежи»¹³⁹.

Вскоре все придуманное маркизой де Рамбуйе было реализовано. Так, в своем особняке она расположила лестницу сбоку, чтобы получить большую

¹³⁴ Там же. – С. 67.

¹³⁵ Таллеман де Рео Ж. Указ. соч. – С. 141-142.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Mason A. The Women of the French salons. – New York: The Century Co, 1891. – P. 12.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Таллеман де Рео Ж. Указ. соч. – С. 142.

анфиладу комнат для приема гостей. Это противоречило обычаю, существовавшему во французском высшем обществе, устраивать приемы в больших гостиных. Разбив пространство на множество небольших комнат, мадам де Рамбуйе предоставляла своим гостям возможность образовывать для общения небольшие компании по интересам. При желании они могли также перемещаться от одной компании к другой. Еще одним новшеством стало расположение друг напротив друга дверей и окон, что визуально расширяло пространство комнат. Следует также упомянуть, что маркиза де Рамбуйе первая предложила для отделки комнат использовать не только красный и коричневый цвета, но и голубой, именно поэтому ее комната получила название «Голубой гостиной»¹⁴⁰. Таким образом, маркиза создала моду на внутреннее устройство и убранство домов. Подтверждением этому служит тот факт, что при строительстве Люксембургского дворца Мария Медичи приказала своим архитекторам и декораторам взять за образец особняк де Рамбуйе.

Что же касается салонных встреч, организованных маркизой де Рамбуйе, то, судя по отзывам современников, они имели широкую популярность во французской столице благодаря изысканному обществу, собирающемуся там. Герцог де Сен-Симон в своих мемуарах указывал: «Это была своего рода академия хороших манер, храбрости, достоинства и науки... поскольку эти вещи удивительно сочетались между собой. Это было свидание всего, что было самым выдающимся в общественном положении и в добродетели; трибунал, с которым необходимо было считаться, и чьи решения относительно поведения и репутации людей двора и света, имели большой вес»¹⁴¹.

Обилие положительных отзывов о салоне маркизы де Рамбуйе побудило французского философа XIX в. В. Кузена прибегнуть к поиску альтернативного мнения. Однако его искания не увенчались успехом. «Мы

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Mason A. Op. cit. – P. 15.

искали напрасно...То, что редко недостает в любой жизни равных или даже меньше блеска, какую-нибудь клевету или скандал, сомнительное слово, или самую легкую эпиграмму. Мы нашли только созвучие теплых, хвалебных речей, которые прошли сквозь много поколений...Она разоружила Таллемана своей непосредственностью. Этот карикатурист семнадцатого столетия был безжалостен к завсегдаям ее прославленного дома, но он хвалит ее с теплотой, которая очень внушительна из такого источника»¹⁴².

Следует отметить, что хозяйка первого французского салона, маркиза де Рамбуйе, использовала известную еще с античных времен форму частных собраний и сообществ, своего рода неформальных объединений образованной публики. Салонные встречи в Париже могут рассматриваться как рецепция собраний Аспазии в Афинах и литературных сообществ Сципиона, Гая Мецената, Марка Валерия Мессалы Корвина, Гая Асиния Поллиона в Риме.

Так, в V в. до н.э. в доме гетеры Аспазии в Афинах собирались выдающиеся деятели искусств и политики. Благодаря уму этой девушки, а также манерам, умению вести разговор и спорить, собрания, проводившиеся в ее доме, получили широкую популярность в Афинах¹⁴³. Подтверждением может служить круг ее гостей: политик Перикл, драматурги Софокл и Еврипид, философы Анаксагор, Сократ, Зенон, Протагор, врач Гиппократ, скульптор Фидий и другие. Во время собраний обсуждался широкий спектр проблем политики, философии, науки, искусства, семьи и брака, образования.

Вскоре после женитьбы Аспазии и Перикла встречи начали проводиться в доме последнего. Именно в это время наблюдается рост влияния и авторитета этого кружка в афинском государстве, вследствие исходивших от его членов новых интеллектуальных веяний, социальных и политических инициатив, строительных и художественных проектов.

¹⁴² Ibid. – С. 13.

¹⁴³ Плутарх. Перикл // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. 1. / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 213.

В истории Древнего Рима также известны подобного рода сообщества, в частности, кружок Сципиона, литературные собрания Гая Мецената, кружок Марка Валерия Мессалы Корвина, сообщество Гая Асиния Поллиона.

В середине II в. до н.э. центром культурной жизни Рима был кружок Сципиона, известного римского полководца и государственного деятеля. Кружок состоял из людей единомышленников, связанных общими интересами (прежде всего, к греческой культуре). В нем не допускались отношения первенства и подчинения ни по рангу, ни по возрасту, ни по таланту¹⁴⁴.

Во время встреч члены кружка обсуждали вопросы литературы, философии, политики. Так, во второй половине 50-х гг. они разработали апологию римской государственной системы. В ее основе лежало учение о справедливом равновесии авторитетов сената, магистратуры и народного собрания, которые воплощали принципы аристократического, монархического и демократического правления. В будущем теория равновесия властей нашла отражение в их политической практике¹⁴⁵.

В I в. до н.э. проводились литературные собрания во дворце известного римского государственного деятеля, близкого друга Октавиана Августа, Гая Цильния Мецената. Постоянными участниками собраний были знаменитые поэты: Вергилий, Гораций, Проперций, Варий Руф, Домиций Марс.

Гай Меценат создал условия деятелям культуры для свободного творчества и материально поддерживал их. Так, Вергилий в 40 г. до н.э. благодаря Меценату получил обратно свое отцовское имение¹⁴⁶. Горацию он подарил свое сабинское поместье¹⁴⁷. Марциал упоминает, что Домиций Марс также обогатился за его счет¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Цицерон М.Т. Письма: В 3 т. Т. 2. / пер. с лат. В.О. Горенштейна. – М.: Ладомир, 1994. – С. 49.

¹⁴⁵ Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» римской республики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 121.

¹⁴⁶ Марциал М.В. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. Петровского. – М.: Худ. л-ра, 1968. – С. 237.

¹⁴⁷ Гораций К.Ф. Сатиры // Гораций К.Ф. Оды, эподы, сатиры, послания. – М.: Худ. л-ра, 1970. – С. 297.

¹⁴⁸ Марциал М.В. Указ. соч. – С. 237.

Немецкий филолог М. фон Альбрехт считает, что Гай Меценат поддерживал поэтов, которые уже приобрели известность в области литературы, но при этом их происхождение не имело для него существенного значения¹⁴⁹. «Нет! Ты орлиный свой нос задирать перед теми не любишь // Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!»¹⁵⁰, «... и не на знатность глядит, а на жизнь и на чистое сердце...»¹⁵¹. Вергилий, сын мелкого крестьянина, попал под покровительство Мецената уже после написания «Буколик». Светоний указывает: «Буколики, явившись в свет, имели такой успех, что даже певцы нередко исполняли их со сцены»¹⁵². Также, уже будучи известными, членами кружка стали: Гораций (сын вольноотпущенника), Проперций, Варий Руф и Домиций Марс. Покровительство поэтам со стороны Мецената в будущем сделало его имя нарицательным.

К I в. до н.э. относится также деятельность кружка, сформировавшегося вокруг римского государственного деятеля и полководца Марка Валерия Мессалы Корвина. Наиболее известными представителями кружка были поэты Тибулл и Овидий.

Это сообщество выражало скрытую оппозицию режиму Октавиана Августа. В частности, несмотря на то, что основная тема поэзии Альбия Тибулла – любовь, он написал элегию, посвященную Мессале. В стихотворении поэт восхваляет подвиги Марка Валерия Мессалы Корвина в Аквитании и на Востоке, указывая, что ему нет равных ни в военном искусстве (ему предстоит праздновать триумфы над самыми сильными и отдаленными народами, и только его имя прославится на обеих половинах земли), ни в красноречии (в этом смысле он превосходит Нестора и Одиссея, так как усмиряет и волнения толпы, и гнев судьбы)¹⁵³. Время написания элегии

¹⁴⁹ Альбрехт М. История Римской литературы: от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи: В 3 т. Т. 2. – М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2004. – С. 710.

¹⁵⁰ Гораций К.Ф. Указ. соч. – С. 264.

¹⁵¹ Там же. – С. 265.

¹⁵² Светоний Г.Т. Вергилий // Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Наука, 1964. – С. 239.

¹⁵³ Тибулл А. Элегии // Г.В. Катулл, А. Тибулл, С. Проперций. Сочинения. – М.: Худ. л-ра, 1963. – С. 221-227.

совпадает с победой Октавиана при Акциуме (31 г. до н.э.) и получением имени Августа (27 г. до н.э.). Поэтому стихотворение расценивалось как проявление опасной независимости и свободомыслия автора на фоне того, что вокруг раздавались восхваления Октавиану.

Еще одно древнеримское частное сообщество I в. до н.э. связано с именем Гая Асиния Поллиона. Он был профессиональным военным, политиком, писателем. Наиболее известным его произведением является «История гражданской войны» в 17 книгах, охватывающая период 60-42 гг. до н.э. Поллион основал публичную библиотеку в Храме Свободы, а в собственном доме проводил встречи, частыми гостями которых были римские писатели: Корнелий Галл, Вергилий, Гораций, Тимаген.

Во время собраний поэты и писатели читали свои произведения до их опубликования (так называемые рецитации), что было новым для римской литературной жизни. Кроме того, участниками сообщества были сформулированы требования к поэтическому произведению, которые впоследствии отобразил в «Науке Поэзии» Гораций.

В эпоху средневековья частные собрания и приемы организовывали в своих дворцах представители феодальной знати. Причем начиная с эпохи Возрождения, все чаще среди хозяев этих приемов фигурируют женские имена (в первую очередь это касается Италии). Во Франции XVI в. наибольшей известностью пользовался кружок Маргариты Ангулемской (в замужестве Маргариты Наваррской), сестры французского короля Франциска I¹⁵⁴. Она собрала под своим началом талантливых писателей, поэтов, художников, в частности К. Маро, Б. Деперье, Ф. Рабле, Н. Бурбона, А. Ле Масона. Кроме того, сочувствуя протестантам, она предоставила приют при своем дворе гуманистам, преследуемым церковью за свои идеи.

Во время собраний у Маргариты Наваррской велись как светские беседы, так и научные споры. Обсуждались, в частности, литературные

¹⁵⁴ Смирнов А.А. Кружок Маргариты Наваррской // История западноевропейской литературы: Раннее Средневековье и Возрождение. – М.: Наука, 1947. – С. 408-413.

новинки и важнейшие политические события Европы (особенно реформация в Германии). В целом кружок Маргариты Наваррской был одним из крупнейших гуманистических и литературных центров Европы первой половины XVI в.

Таким образом, маркиза де Рамбуйе, взяв за основу достаточно известную в исторической ретроспективе форму частных собраний и приемов, наполняет ее новым содержанием, руководствуясь идеей возвысить, усовершенствовать, идеализировать разум, используя при этом искусство разговора. В рамках салона маркизы де Рамбуйе формировалась прециозная культура (от фр. *gracieux* – изысканный, жеманный), отличавшаяся изысканным поведением, изящностью языка и утонченностью вкуса.

Впоследствии примеру маркизы де Рамбуйе последовали и другие знатные дамы, в частности, в 50-60-х гг. XVII в. в Париже открыли свои салоны герцогиня де Монпансье, мадемуазель де Скюдери, маркиза де Сабле, маркиза де Севинье, графиня де Лафайет. Следует отметить, что все они ранее были посетительницами салона мадам де Рамбуйе, где оттачивали свое умение вести беседу и перенимали опыт маркизы по организации салонных встреч.

После бурных событий 40-50-х гг. XVII в., ознаменовавшихся во Франции Фрондой принцев, молодой король Людовик XIV, как отмечал Н. Элиас, увидел в салонах угрозу, воспринимая их в качестве альтернативных двору центров притяжения аристократии. В связи с этим он развернул борьбу против салонов и на время ему удалось их подавить (этим объясняется малочисленность салонов в период правления Людовика XIV). Однако уже после смерти короля (1715 г.), вследствие изменения внешне- и внутривполитического положения Франции в связи с зарождением и распространением идей Просвещения, салоны становятся важным фактором общественно-политической жизни, о чем и пойдет речь далее в диссертации.

Таким образом, в первой половине XVII в. во Франции складывается комплекс факторов, который приводит к заметному оживлению социальной активности разных социальных слоев. Экономический подъем, государственная централизация, религиозная терпимость, распространение гуманистических ценностей во французском обществе – все это становится условием появления новой формы социального взаимодействия, которая впоследствии оформляется в «салон». Это было собрание представителей дворянского сословия, место интеллектуальных бесед и светских развлечений, пространство вне двора, занимающее промежуточное положение между частной и публичной сферами.

2.2. Салон как форма социальной коммуникации

Общественный строй Франции первой половины XVIII в. представлял собой соединение пережитков средневековья с элементами капиталистических отношений. Формирование новых общественных институтов и отношений сопровождалось процессами социальной дифференциации, острыми социально–политическими противоречиями и конфликтами, изменением моральных норм и ценностей. Ввиду постепенного ослабления двора после смерти Людовика XIV, салон как форма общения становится вновь востребованным. В новой общественно–политической ситуации представители дворянского сословия сумели восполнить недостаток общения путем организации салонных встреч.

Интерес представляет территориальное размещение салонов, а также состав их гостей. Локализация салонов позволяет отметить, что с XVII в. формируется сословная топография Парижа.

В 1608 г. в построенном недалеко от Лувра особняке был открыт салон маркизы де Рамбуйе, который приобретет известность как отель Рамбуйе (Hôtel de Rambouillet).

С 1698 г. маркиза де Ламбер¹⁵⁵ арендовала северо-западное крыло парижского особняка Отель де Невер, фасад которого выходил на Луврский дворец. Начиная с 1710 г. в великолепной гостиной, которую декорировал Робер де Кот, она открыла свой знаменитый салон.

В апреле 1717 г. К. Тансен¹⁵⁶ подписала с монахинями Зачатьевского монастыря договор пожизненной аренды квартиры на улице Сен-Оноре, расположенной в нескольких сотнях метров от отеля мадам Жоффрен. В августе она заключила договор на оставшуюся часть дома за дополнительную плату¹⁵⁷.

В административном плане Париж в первой половине XVIII в. делился на 20 кварталов (согласно Генеральному плану Ж.-Б. Скотена). Каждый имел свою историю, особенности застройки, общественный вес. Кварталы указывали не столько на местожительство, сколько на социо-политическую принадлежность человека, его отношение к духу времени и новшествам¹⁵⁸. Поэтому во второй половине века будет наблюдаться некое соперничество между отдельными районами Парижа за известность и репутацию.

Источники позволяют проследить локализацию салонных собраний первой половины XVIII в. Главным образом салоны были сосредоточены в 5 кварталах. Трое из них (Пале Руаяль, Сен-Жермен, Лувр или Оксеруа) находились на западе французской столицы, который характеризовался архитектурной гармонией, социальной однородностью (место жительства аристократов) и разнообразием форм общественной жизни (кафе, философские и литературные общества, королевские академии)¹⁵⁹. Наиболее известными и влиятельными салонами, расположенными в этой части Парижа, были салоны маркизы де Ламбер и баронессы де Тансен.

¹⁵⁵ Маркиза де Ламбер (Анна-Тереза де Маргена де Курсель) – французская писательница и хозяйка парижского салона.

¹⁵⁶ Клодина Александрина Герен де Тансен – французская писательница и хозяйка парижского салона.

¹⁵⁷ Masson P.-M. *Madame de Tencin: (1682-1749)*. – Genève: Slatkine reprints, 1970. – P. 25.

¹⁵⁸ Мартен-Фюжье А. *Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815-1848* / пер. с фр. О.Э. Гринберг, В.А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 106.

¹⁵⁹ Pinçon M., Pinçon-Charlot M. *Dans les beaux quartiers*. – Paris: Seuil, 1989. – P. 23.

В первой половине XVIII в. основание салонов продолжает оставаться прерогативой дворянства как следствие привилегированного положения этого сословия во Франции. Представители дворянства обладали свободным временем и материальными ресурсами для проведения салонных встреч. Открытие салона влекло за собой значительные затраты: покупка или аренда дома (где важное значение имели его площадь, а также район размещения), организация обедов и ужинов, оказание протекции писателям и философам.

Социальная стратификация французского общества мало влияла на допуск во французские салоны. Доступ был открыт интеллектуалам. Однако стоит сразу оговориться, что если аристократы беспрепятственно могли участвовать в салонных встречах ввиду своего положения и влияния в обществе, то для представителей третьего сословия, к которому, как правило, относились писатели и философы, основными критериями выступали ум, сообразительность, острота мышления совместно с репутацией светского человека.

Анализ мемуарной литературы и эпистолярных источников XVIII в. показывает, что основными участниками салонных встреч были писатели (наиболее многочисленная группа), ученые, общественные и политические деятели.

Во Франции XVIII в. не был четко определен социальный статус писателей. Развитие издательского рынка не позволяло большинству авторов жить на доходы от своей литературной деятельности, поэтому они осваивали профессии секретарей, адвокатов, генеральных откупщиков, генеральных инспекторов, преподавателей и т.д. Мадам д'Эпине [Рис. 8], например, указывала, что писатели не обладают «положением» в обществе, поэтому-то их трудно идентифицировать¹⁶⁰.

Всех французских писателей можно разделить на две группы. К первой относятся авторы, чаще всего дворянского происхождения, имевшие

¹⁶⁰ Galiani F., D'Épinay L. Correspondance de F. Galiani et L. d'Épinay: En 5 vol. T. 1. / par G. Dulac, D. Maggetti. – Paris: Desjonquères, 1992. – P. 201.

материальный достаток и обладавшие положением в обществе, для которых литературная деятельность выступала в качестве хобби. В частности, Н.Ю. Монго был настоятелем аббатства Вильнев, П.Ж. Алари – приором Гурне-сюр-Марн, Ф. Фенелон – епископом Камбресским, Гельвеций занимал должность генерального откупщика в 1738-1751 гг.

Ко второй, более многочисленной группе, относятся писатели, как правило, представители третьего сословия, зависевшие от покровительства, выраженного главным образом материальным обеспечением, которое они могли получить от влиятельных аристократов. Так, на протяжении нескольких лет А.Ф. Прево был секретарем принца Конти, Ж.-Б. де Мирабо – секретарем герцогини Орлеанской и наставником ее двух дочерей, Ж.Ф. Мармонтель – наставником маркиза Линара, А. де Ферриоль де Пон-де-Вейль – лектором в королевских палатах, Ж.-Ж. Руссо – секретарем при французском поселе в Венеции, секретарем госпожи Дюпен, кассиром при сборщике налогов де Франкее.

В процессе поиска покровителей, от которых в большей степени зависел литературный успех, а следовательно материальный достаток, и обеспечения социального самоопределения, французские салоны выступали важным ресурсом для писателей. Поэтому они активно стремились попасть в число приглашенных и представить свои произведения. Когда у Ж.-Ж. Руссо практически закончились средства к существованию, его знакомый, отец Кастель, дал ему совет посещать салоны: «Раз музыканты, – сказал он мне, – раз ученые не поют в один голос с вами, перейдите на другую струну и начните посещать женщин... В Париже можно добиться чего-нибудь только через женщин; они – как бы кривая линия, по отношению к которой мудрецы – асимптоты: непрерывно приближаются к ним, но никогда не соприкасаются с ними»¹⁶¹.

¹⁶¹ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова. – М.: Изд-во худ. л-ры, 1949. – С. 273.

Меценатами для писателей выступали как влиятельные гости салонных встреч, так и их хозяева. Во время одного из приемов в салоне мадам де Тансен Мариво открыто заявил о намерении протезировать понравившуюся ему комедию молодого автора¹⁶². Сама же баронесса неоднократно оказывала финансовую поддержку писателям в виде разнообразных «подарков». Например, как только был издан «Дух законов» Монтескье, мадам де Тансен купила большую партию печатных экземпляров этого произведения и раздала друзьям. Монтескье в ответ уважительно называл ее своим другом¹⁶³.

Наиболее распространенным видом помощи было назначение финансового содержания (пенсии) своим протезе. Так, писатели Тома и Морелле, а также философ д'Аламбер получили от хозяйки одного из парижских салонов, мадам Жоффрен, пожизненную ренту в размере 1200, 1200 и 2300 ливров соответственно¹⁶⁴.

К помощи покровителей прибегали также в случае необходимости защиты, протекции, посредничества. Например, только благодаря рекомендации мадам де Тансен французский поэт и драматург А. Пирон во время поездки в Брюссель был принят в доме французского посла «со всевозможными знаками уважения и дружбы»¹⁶⁵. Показательным является также обращение барона де Монтескье к мадам де Ламбер с просьбой выступить посредником между ним и господином Морвиллем в деле назначения последнего покровителем академии г. Бордо. Пытаясь убедить маркизу в важности дела, барон неоднократно акцентировал внимание на значимости академии, которая занималась исследованием актуальных вопросов и материально поддерживала ученых. По его словам, члены ее достойны всеобщего уважения и «вторников» мадам де Ламбер¹⁶⁶. В конечном итоге содействие маркизы помогло добиться от господина де

¹⁶² Journal de Paris. – 1787. – № 254. – P. 1103.

¹⁶³ Montesquieu Ch. Op. cit. – P. 381.

¹⁶⁴ Morellet M. Portrait de madame Geoffrin // Éloge de madame Geoffrin / par MM. Morellet, Thomas, D'Alembert. – Paris: H. Nicolle, 1812. – P. 30-31, 33.

¹⁶⁵ Piron A. Œuvres inédites / par H. Bonhomme. – Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859. – P. 61.

¹⁶⁶ Montesquieu Ch. Op. cit. – P. 160.

Морвилля положительного ответа¹⁶⁷. Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь, описывая посещение салона мадам де Безанваль, когда ему удалось добиться расположения хозяйки дома и ее дочери, отметил в своих мемуарах: «С этих пор я осмеливался рассчитывать на то, что баронесса де Безанваль и маркиза де Брольи, отнесясь ко мне с участием, не оставят меня надолго в безвыходном положении, и я не ошибся»¹⁶⁸. В скором времени, благодаря посредничеству госпожи де Безанваль и госпожи де Брольи, Жан-Жак получил должность секретаря при французском поселе в Венеции графе де Монтэгю¹⁶⁹.

Посещение определенных салонов открывало доступ во Французскую академию, ведущее учреждение по упорядочиванию и усовершенствованию французского языка. Речь идет, прежде всего, о салоне мадам де Ламбер. Как указывает президент Эно: «Нужно было пройти через нее, чтобы добраться до Французской академии». Он пишет также, что мадам де Ламбер помогла занять место академика, несмотря на сопротивление Деспрео и других писателей, маркизу де Сен-Олер, который только после шестидесяти лет открыл в себе талант к поэзии¹⁷⁰. Французский государственный деятель маркиз д'Аржансон, в свою очередь, вспоминает, как маркиза уговаривала его занять вакантное место в академии, заверяя, что его кандидатура будет одобрена всеми ее многочисленными друзьями. При этом он добавляет: «Конечно, она сделала половину академиков». Господин д'Аржансон также предупреждает, что членство во Французской академии, помимо славы, несет в себе еще зависть и сатирические насмешки со стороны бывших претендентов, писателей или просто светских людей¹⁷¹.

Своих кандидатов на вакантные места во Французской академии выдвигал также салон мадам де Тансен. В 1742 г. таким претендентом на

¹⁶⁷ Ibid. – P. 181.

¹⁶⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 275.

¹⁶⁹ Там же. – С. 278.

¹⁷⁰ Hénault Ch.-J.-F. Mémoires du président Hénault / par M. le baron de Vigan. – Paris: E.Dentu, 1855. – P. 103.

¹⁷¹ D'Argenson R.-L. Journal et mémoires du marquis d'Argenson: En 9 vol. T. 1. / par E.J.B. Rathery. – Paris: Mme V. Jules Renouard, 1859. – P. 164.

кресло в академии стал писатель Мариво. Ему противостоял Вольтер, кандидатуру которого благодаря стараниям мадам дю Шатле поддерживали король Людовик XV, господин де Мирепуа (наставник Дофина), а также большая часть академиков. Таким образом, шансы Мариво занять вакантное место были крайне невысокими. Однако баронесса де Тансен «сильно суежилась» и заручилась поддержкой всех своих друзей¹⁷². Кроме того, она написала три письма герцогу де Ришелье, имевших целью преодолеть его колебания и склонить на свою сторону. В своих доводах мадам де Тансен главный акцент делала на религиозности Ришелье и атеизме Вольтера¹⁷³. Результатом активной деятельности баронессы де Тансен стало то, что «Мариво был избран единогласно»¹⁷⁴.

Бывали случаи, что в борьбе за членство во Французской академии салоны противостояли друг другу, выдвигая каждый своего претендента. Например, в 1744 г. развернулась борьба между аббатом де Берни, поддерживаемым салоном де Бранка и аббатом Жирар, за которым стоял салон мадам де Тансен¹⁷⁵. «Нужно дать сражение, битва будет долгой, за кем победа остается неясно», – написал в своих мемуарах аббат де Берни¹⁷⁶. Противостоящие друг другу партии, возглавляемые хозяевами салонов, во время противостояния пытались заручиться поддержкой большинства академиков. В конечном итоге вакантное после смерти французского писателя Н. Гедоина кресло занял аббат де Берни.

Активное участие хозяев и их салонов в выборах членов Французской академии продиктовано заботой о своей репутации. Статус салона в высшем французском обществе, от которого зависела его посещаемость, определялся, прежде всего, известностью и влиятельностью его гостей в области

¹⁷² Barbier E.-J.-F. Chronique de la régence et du règne de Louis XV (1718-1763) ou Journal de Barbier: En 8 vol. T. 5. – Paris: Charpentier, 1858. – P. 293.

¹⁷³ Tencin P.G., Tencin C.-A. Correspondance du cardinal de Tencin, ministre d'état, et de madame de Tencin, sa sœur, avec le duc de Richelieu / par J.-B. de la Borde, J.-L. Soulavie. – Paris: S.I., 1790. – P. 27.

¹⁷⁴ Ibid. – P. 30.

¹⁷⁵ Galerie de l'ancienne cour ou Mémoires anecdotes pour servir à l'histoire de règnes de Louis XIV et Louis XV: En 4 vol. T. 4. – Maestricht: J. E. Dufour et Ph. Roux, 1789. – P. 25-26.

¹⁷⁶ Bernis F.-J. de Pierre de. Mémoires et lettres de François-Joachim de Pierre cardinal de Bernis (1715-1758): En 2 vol. T. 1. / par F. Masson. – Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1903. – P. 88.

литературы, науки, искусства, политики и актуальностью, а также важностью обсуждаемых проблем. В этом смысле члены Французской академии стояли в авангарде изменений и нововведений, происходивших в литературной жизни Франции.

Следует отметить, что не только писатели были заинтересованы в салонах как местах апробации своего литературного таланта и поиска покровителей, но и салоны получали выгоду от участия писателей. Последние создавали атмосферу и задавали тон салонным встречам, тем самым обеспечивая их популярность в высшем обществе. Приглашение автора для участия в регулярных салонных приемах, чтение и обсуждение его произведений, финансирование или использование влияния друзей для их издания и распространения, позволяли хозяину салона создавать моду на те или иные литературные произведения, а их авторам получить известность.

В салонах с интересом обсуждали новые научные теории и оказывали поддержку (в том числе и финансовую) ученым. Так, салоны маркизы де Ламбер и мадам де Тансен посещали: известный французский математик, геофизик и астроном Ж.-Ж. Дорту де Меран, физик и естествоиспытатель Р.А. де Реомюр, нумизмат К. Гро де Боз. Для хозяек салонов, а также для всех участвующих в этих встречах женщин присутствие ученых и обсуждение их открытий имело особый интерес. Это помогало им повысить уровень образования, так как все научные дисциплины были исключены из их курса обучения.

Следующую группу посетителей салонов составляли общественные и политические деятели. Они чаще всего были представителями дворянства. Группа была немногочисленной по своему составу, что свидетельствует о том, что в первой половине XVIII в. политические вопросы редко обсуждались во французских салонах, которые воспринимались аристократическими кругами в первую очередь в качестве одной из форм светских развлечений, элементом досуга. При этом считалось почетным быть принятым в известном и популярном парижском салоне. Так, М. Р. маркиз

д'Аржансон, вспоминая о салоне мадам де Ламбер, пишет: «Ее дом оказывал честь тем, кто был там принят»¹⁷⁷.

Редким явлением для французских салонов первой половины XVIII в. было присутствие среди гостей представителей театрального и музыкального искусства. Это связано с широким выбором мест в Париже, где могли проявить свои таланты композиторы, музыканты, актеры. В частности, наибольшей популярностью пользовались театры (Опера, Комеди Франсез или Французский театр, Итальянский театр, Опера-Комик) и балы, устраиваемые при дворе или в домах придворной знати. В салонах же центральное место занимала интеллектуальная беседа, которую лишь с целью развлечения респектабельных гостей дополняли театральными постановками или прослушиванием музыкальных произведений. В первой половине XVIII в. салон маркизы де Ламбер посещали композиторы Ж.-Ф. Рамо, Луи и Франсуа Куперен, актеры А. Лекуврер, М. Барон.

В этот период иностранные государственные деятели и дипломаты проявляли невысокий интерес к посещению французских салонов. Это объясняется, прежде всего, небольшим влиянием салонов на общественно-политическую жизнь Франции в первой половине XVIII в. Говорить же об использовании салона в качестве важной площадки для политических интриг можно будет лишь во второй половине века. По сохранившимся сведениям, только салон мадам де Тансен посещали иностранные дипломаты (польско-саксонский и английский послы).

Основным занятием во время салонных встреч первой половины XVIII в. было обсуждение вопросов, относящихся к различным областям знаний. Центральное место занимали произведения литературы. Важнейшие изменения, происходившие в экономической, социальной, политической и идейно-культурной сферах жизни французского общества, требовали осмысления и оценки. Литература выступала в этот период основным

¹⁷⁷ D'Argenson R.-L. Op. cit. – P. 164.

способом восприятия и анализа исторической действительности, формой проведения идей.

Следует отметить, что хозяева салонов находились в тесном контакте с писателями, внимательно следили за литературными кругами Франции и старались обеспечить свои салоны литературными новинками¹⁷⁸. От этого обстоятельства в большей степени зависела репутация и популярность салона.

Представление новых произведений во время салонных встреч имело важное значение для молодых авторов. Это была реальная возможность заявить о себе в высшем свете, получить публичный опыт в виде похвалы или критики со стороны уважаемых людей, а также найти покровителя, который поможет с изданием и распространением произведения. Так, будучи еще малоизвестным писателем, Ж.-Б. Мирабо получил возможность представить свой перевод на французский язык поэмы «Ариост» во влиятельном салоне мадам де Тансен, растрогав при этом баронессу сценой о смерти Дардинель¹⁷⁹. А молодой Мармонтель выступил перед респектабельной публикой с чтением своей трагедии «Аристомен»¹⁸⁰.

После чтения проходило обсуждение гостями услышанного произведения. В своих мемуарах французский писатель Мармонтель изобразил поведение каждого участника салонной встречи, организованной мадам де Тансен, в момент такого обсуждения: «Со стороны Мариво явно чувствовалось нетерпение проявить свое остроумие и прозорливость. Монтескье спокойно ждал своей очереди. Меран поджидал удобный случай. Астрюк не захотел его ждать. Один Фонтенель дождался его, не искав»¹⁸¹.

При этом хозяин салона не только высказывал свое оценочное мнение, но мог также давать советы литературного и этического характера (особенно,

¹⁷⁸ Tencin C.-A. Lettres de Mme de Tencin à Hoym // Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym, ambassadeur de Saxe-Pologne en France et célèbre amateur de livres: En 2 vol. T. 2. – Paris: Techener, 1880. – P. 238-239.

¹⁷⁹ Piron A. Epitres et Poésies diverses // Œuvres complètes d'Alexis Piron: En 7 vol. T. 6. – Paris: De l'Imprimerie de M. Lambert, 1776. – P. 42.

¹⁸⁰ Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 1. – P. 232.

¹⁸¹ Ibid. – P. 233-234.

если перед ним стоял еще неопытный писатель). После чтения комедии молодого автора в салоне мадам де Тансен, баронесса после краткой похвалы заметила: «В вашем возрасте можно написать хорошие стихи, но не хорошую комедию, потому что это не только произведение таланта, но и опыта. Вы изучали театр, но, к счастью для вас, вы еще не успели изучить мир. Не делают портреты без моделей». Хозяйка салона советовала: «Осмотрите в обществе. Обычный человек видит только лица, талантливый различает характеры. И не думайте, что нужно жить в высшем свете, чтобы узнать его. Оглянитесь, вы заметите пороки и нелепости всех сословий. В Париже очень быстро глупости и недостатки великих передаются низшим. Возможно, автор комедии имеет больше преимуществ их заметить»¹⁸².

Важное место во французских салонах занимали также философские вопросы. Так, в салоне мадам де Ламбер развернулся с новой силой «Спор о Древних и Новых». Главным предметом спора, начавшегося еще в конце XVII в., явилось различное отношение к античному наследию. Сторонникам «древних» (античных) авторов, считающих античную культуру высшим образцом и безусловным авторитетом, противостояли сторонники «новых» авторов, которые, основываясь на теории прогресса, отстаивали современную им национальную культуру. Философская дискуссия в салоне маркизы де Ламбер, где противоборствующими сторонами выступали переводчики произведений древнегреческого автора Гомера А. Удар де Ла Мотт и А. Дасье, ознаменовала собой начало второго этапа «Спора». По свидетельству аббата Трубле, А. Удар де Ла Мотт в сдержанной и уважительной к своим соперникам манере подверг критике Гомера и его эпоху в целом (предисловие к переводу «Илиады», «Размышления о критике»). На защиту же античности, используя резкие и порой оскорбительные выражения, встала А. Дасье («Причины испорченности Вкуса»)¹⁸³.

¹⁸² Journal de Paris. – 1787. – № 254. – P. 1103-1104.

¹⁸³ Trublet N.Ch.J. Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des ouvrages de M. De Fontenelle. – Amsterdam: Marc-Michel Rey; Paris: Desaint et Saillant, 1761. – P. 343-344.

Следует отметить, что в салонных беседах только были намечены новые философские идеи (прогресса, ценностей), получившие развитие в работах просветителей и деятельности салонов второй половины XVIII в. Появление новых идей, критического отношения к действительности, противостоящих прочно укоренившимся во французском обществе предрассудкам, связано с деятельностью выдающихся французских деятелей культуры, таких как Фонтенель, Удар де Ла Мотт, Монтескье и т.д., частых гостей салонных встреч, которые, по словам философа, математика д'Аламбера: «Нас учат не быть жертвой обмана власти и стряхнуть ярмо трусливого суеверия одновременно как в литературе, так и в религии»¹⁸⁴.

Во время салонных встреч заслушивались, а впоследствии обсуждались музыкальные произведения. Для этого специально приглашались музыканты оркестра, а также в случае необходимости певцы. Так, в салоне супругов де ла Поплиньер [Рис. 10] представил отрывки из своей оперы «Любовные музы» Ж.-Ж. Руссо. Специально для этого хозяином салона были приглашены десять оркестрантов и три певца. По словам Жан-Жака, присутствующим, а в особенности хозяину дома, произведение понравилось. Только известный композитор Рамо был не доволен. «Он заявил, что часть того, что он только что прослушал, несомненно, произведение законченного мастера, а остальное сочинено невеждой, не имеющим понятия о музыке», – вспоминал Руссо¹⁸⁵.

Иногда в салонах велись светские беседы, затрагивающие сентиментальные темы. Поиск остроумного ответа, в основе которого лежал соревновательный принцип, имел целью скорее развлечь высшее общество, чем добиться истины. Мадам де Тансен, например, предлагала своим гостям разрешить следующую ситуацию: «Один возлюбленный говорит, что он не видел, где она, другой – что видел там, где ее нет. Чьи чувства сильнее?»¹⁸⁶.

¹⁸⁴ D'Alembert J. Éloge de La Motte // Œuvres complètes de d'Alembert: En 5 vol. T. 3. Partie 1. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 139.

¹⁸⁵ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 310-311.

¹⁸⁶ Saint-Pierre, abbé de. Lettre de l'Abbé de Saint-Pierre à Mme Dupin du 6 novembre 1740 // Portefeuille de Mme Dupin / par le comte G. De Villeneuve-Guibert. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – P. 221.

Или же – ответить на вопрос: «Невыносимее ненавидеть то, что любишь, или оплакивать смерть?»¹⁸⁷

Дополнением к салонным беседам нередко служили разнообразные светские развлечения. Мадам де Тансен, например, в качестве развлечений предлагала своим гостям карточные игры, в частности кадриль, которые она сама очень любила¹⁸⁸. В салоне мадам де Ламбер, наоборот, не были приняты ни игра, ни биржевый ажиотаж. По свидетельству Фонтенеля: «Это был за небольшим исключением единственный дом, который сохранился от эпидемической болезни игры. Единственный, где встречались, чтобы благоразумно, а при случае и остроумно поговорить»¹⁸⁹. Правда, иногда литературные и философские дискуссии в этом салоне сменялись балами. Президент Эно в своих мемуарах писал: «Я рассуждал о догматах утром и пел вечером»¹⁹⁰.

Появившись в XVII в. и достигнув своего наивысшего расцвета в XVIII в., салон приобрел определенные черты, отличавшие его от других форм светского общения, в частности королевских академий, философских и литературных обществ, кружков. Рассмотрим их подробнее.

Салон организовывали в частом доме – квартире (*appartement*), городском особняке (*hôtel*) или загородном замке (*château*). Это, по мнению французского историка А. Лилти, свидетельствует о его принадлежности к домашнему пространству и, следовательно, отличает от королевских академий, клубов, кафе и т.д., относящихся к публичной сфере¹⁹¹. По мнению же российской исследовательницы М.С. Неклюдовой, салон являлся выражением «частной публичности», т.е. промежуточной формы между

¹⁸⁷ Delandine A.-F. *Observations sur les romans et en particulier sur ceux de Madame de Tencin* // Œuvres de Mme de Tencin: En 12 vol. T. 7. – Amsterdam, 1786. – P. 29.

¹⁸⁸ Hoym Ch.-H. *Lettre du comte Hoym du 24 janvier 1721* // Coynart Ch. *Les Guérin de Tencin (1520-1758)*. – Paris: Hachette, 1910. – P. 283.

¹⁸⁹ Fontenelle B., de. *Éloge de la Marquise de Lambert* // Œuvres de M. de Fontenelle: En 11 vol. T. 9. – Paris: Les Libraires associés, 1766. – P. 430-431.

¹⁹⁰ Hénault Ch.-J.-F. *Op. cit.* – P. 103.

¹⁹¹ Lilti A. *Op. cit.* – P. 65.

частным и публичным. Это было особое пространство, свободное от сословных, семейных и этикетных ограничений¹⁹².

Салон был основан на практике регулярных еженедельных приемов. В XVIII в. широкую популярность приобрела модель «фиксированного дня» и «открытого приема». Например, вторники маркизы де Ламбер и баронессы де Тансен, понедельники и среды мадам Жоффрен, четверги и воскресенья барона Гольбаха, пятницы мадам Неккер. Если гость был принят хоть один раз, то впоследствии он мог уверенно приезжать в установленный день без приглашения. Мармонтель вспоминал: «Я даже имел честь ужинать у мадам де Тансен, и с этого дня я должен быть в списке ее гостей»¹⁹³.

В реальности дни недели и место проведения салонных встреч могли меняться в зависимости от времени года или жизненных обстоятельств хозяина. Так, во второй половине XVIII в. широкую известность во французском обществе получили «пятницы» мадам Неккер. Однако на протяжении двадцати пяти лет существования ее салона дни и место приемов неоднократно менялись. В частности, в 1776 г. французский естествоиспытатель Бюффон в своем письме С. Неккер высказал надежду вскоре посетить ее салон в среду или четверг, чтобы лично выразить ей и ее мужу чувства своего почтения и уважения¹⁹⁴. Первоначально салонные встречи, организованные мадам Неккер, проходили в городском особняке Леблан, который находился на ул. Клери. Однако в 1781 г. после первой отставки ее мужа с поста директора финансов они переехали в дом по ул. Бержер, где вновь был открыт салон. Кроме того, периодически мадам Неккер принимала гостей своего салона в загородном замке Сен-Уен, расположенном между Парижем и Сен-Дени.

С мая по октябрь светская жизнь перемещалась из столицы в провинцию. Представители высшего французского общества уезжали из

¹⁹² Неклюдова М.С. Указ. соч. – С. 21.

¹⁹³ Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 1. – P. 233.

¹⁹⁴ Buffon G.-L. Correspondance générale de Buffon: En 2 vol. T. 1. / par H. Nadault de Buffon. – Genève: Slatkine reprints, 1971. – P. 323.

Парижа в свои загородные резиденции, где продолжали организовывать встречи. Мадам дю Деффан в своем письме Х. Уолполу написала, что с мая месяца «все разъедутся по загородным домам»¹⁹⁵. Мадам д'Эпине, в свою очередь, жаловалась аббату Галиани, что, оставшись в Париже летом из-за финансовых трудностей, она чувствует себя одиноко и изолированно от светской жизни¹⁹⁶.

Не каждый желающий мог быть принят в салоне. Существовал специальный механизм допуска в салон – приглашение (в устной или письменной форме), полученное лично от хозяина, или рекомендации от его друзей либо знакомых. Французский философ Ж.-Ж. Руссо был принят в салонах мадам де Безанваль и мадам Дюпен только по рекомендации иезуита Кастеля. «Я говорил о вас госпоже де Безанваль; сходите к ней от моего имени... Другая такая же – госпожа Дюпен; я ей тоже говорил о вас; отнесите ей свое сочинение, она хочет вас видеть и примет хорошо»¹⁹⁷.

Французский писатель Мармонтель, описывая в своих мемуарах первую встречу с мадам Неккер, указывает, что во время беседы она лично предложила посетить ее салон. «Едва услышав мое имя, она подошла ко мне с невинным и радостным видом. «Приехав в Париж, – сказала она, – одним из моих желаний было знакомство с автором «Нравоучительных сказок». Я не ожидала такой встречи на балу. Я надеюсь, что это не будет мимолетным приключением. Неккер, – сказала она, призывая своего мужа, – присоединяйтесь ко мне для того, чтобы уговорить господина Мармонтеля, автора «Нравоучительных сказок», оказать нам честь своим приездом»¹⁹⁸.

В случае же с немецким публицистом Гриммом мадам Неккер действовала по-другому, отправив ему небольшую записку с приглашением: «Господин Троншен ужинает у меня в субботу. Господин Гримм никогда не ужинает и предложить ему это, значит поступить бестактно. Но я рискну.

¹⁹⁵ Walpole H. The Yale edition of Horace Walpole's: En 48 vol. T. 3. – New Haven: Yale university press; London: Oxford university press. – P. 292.

¹⁹⁶ Galiani F., D'Épinay L. Op. cit. – T. 2. – 1993. – P. 145.

¹⁹⁷ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 273.

¹⁹⁸ Marmontel J.-F. Op. cit. – T. 3. – P. 13.

Возможно, вы получите письмо в благоприятный для меня момент, поскольку, чтобы ни говорили, я не буду считать, что вы неспособны сделать это, потому что я чувствую в своем сердце готовность простить вас. Приезжайте, господин, если вы в Париже и если мое предложение не слишком вас беспокоит. Мне будет вдвойне приятно»¹⁹⁹.

Обсуждение различных литературных, философских, научных, политических проблем, дополненное светскими развлечениями, чаще всего сопровождалось застольем (обедом или ужином в зависимости от времени суток). Хотя были и исключения. Например, в салоне Жюли де Леспинас [Рис. 5] гости проводили всего несколько часов между спектаклем и ужином²⁰⁰. Кроме того, она игнорировала практику еженедельного дня, проводя приемы каждый день.

Не следует воспринимать понятие салона в качестве светского приема, на котором присутствовало огромное количество гостей, беседующих в педантичном тоне на различные темы. Салон скорее представлял собой систему званых обедов (*dîner*), ужинов (*souper*) и отдельных визитов, отличающихся составом участников и тематикой обсуждений. Так, судя по фрагментарным сообщениям полиции за июль-август 1729 г., мадам де Тансен организовывала в своем доме по ул. Сен-Оноре обеды (частыми гостями которых были П. Тансен, Удар де Ла Мотт, Фонтенель), ужины (во время одного из них, 27 июля 1729 г., подавали «свиной окорок, приготовленный на вертеле; затем играли в кадрили») и принимала, как правило, в дневные часы (в промежутки между 11 и 14 часами) отдельных гостей (среди которых были замечены аббат де Фонтене, аббат де Сен-Пьер, господин Детуе, Ш.-О. де Ферриоль д'Аржанталь)²⁰¹.

¹⁹⁹ Haussonville, comte d'. Le Salon de Mme Necker d'après les documents tirés des archives de Coppet: En 2 vol. T. 1. – Paris: Calman-Lévy, 1882. – P. 13.

²⁰⁰ Rapport du 19 avril 1782 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 43. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 65.

²⁰¹ Notes de police de juillet-août 1729 // Masson P.-M. Madame de Tencin (1682-1749). – Paris: Hachette et Cie, 1909. – P. 177-179.

«Обеды» с участием известных писателей создавали репутацию салона, которая, в свою очередь, влияла на популярность «ужинов», а визиты подразумевали формирование более интимного круга близких друзей²⁰².

Салон являлся смешанным пространством, в рамках которого проходило интеллектуальное внесемейное общение между мужчинами и женщинами. Это следующая характерная черта салонной культуры. Открытие салона или участие в салонных встречах было одной из немногочисленных возможностей социализации для женщин. При этом открытое общение между мужчинами и женщинами в салонах не воспринималось французским обществом как нарушение норм приличия.

Основной целью салонных собраний являлось общение, затрагивающее различные области знаний. При этом салонная беседа отличалась увлекательностью, предполагающей остроумные и оригинальные рассуждения, и отсутствием педантизма. Это, в свою очередь, требовало от человека, получившего доступ в салон, иметь незаурядный ум, знания и способность их излагать. Салон как элемент досуга французских аристократических кругов не предполагал институционализации и тем самым отличался от схожих форм общения (например, общества драматургов, основанного Бомарше).

Еще одной чертой салона как формы общения является соблюдение гостями определенных правил поведения и речи, в основе которых лежали нормы приличия и вежливости. Понятие «вежливость» (фр. *politesse*) является одним из основных в категориальном аппарате салонной культуры. Его важность подчеркивает Монтескье, указывая: «Вежливость нравов, как и вежливость манер, отличает нас от варваров»²⁰³. В произведении «Советы матери своей дочери» мадам де Ламбер подробно характеризует это понятие. По ее словам, «вежливость» является производной от добропорядочности, изысканности, изящества, послушания. «Вежливость» присуща человеку от

²⁰² Lilti A. Op. cit. – P. 64.

²⁰³ Larousse P. Op. cit. – Т. 12. – P. 1300.

природы, а воспитание и общество лишь развивают ее. Мадам де Ламбер считает, что она является связующим звеном внутри общества, поскольку способствует поддержанию порядка путем примирения. Маркиза убеждена в необходимости воспитания у детей этого важного качества светского человека, помогающего скрыть недостатки и приумножить достоинства²⁰⁴. Таким образом, мадам де Ламбер вкладывала в понятие «вежливость» исключительно положительный смысл. Однако некоторые французские деятели культуры показывали его двойственную сущность, указывая и на негативные стороны. В частности, Мирабо отмечал льстивую сущность «вежливости» при добродетельной наружности, а Ж. Жубер обвинял в недостаточной учтивости и гуманности²⁰⁵.

Главную роль в деятельности французского салона играл хозяин. От его личных качеств, уровня образования, знания света и манер зависел успех салонных встреч. Хозяевами парижских салонов были как женщины, так и мужчины. Наиболее многочисленными и популярными в Париже были салоны, организованные женщинами. Это связано с тем, что салоны для них выступали основным путем включения в общественную и культурную жизнь Франции. Мужчины же обладали более широкими возможностями в выборе путей и средств участия в светской жизни французского общества.

Исходя из исключительной роли салона в социализации женщин и широком распространении в Париже именно женских салонов, более детально охарактеризуем образ хозяйки французского салона.

Во Франции салонные встречи организовывали чаще всего представительницы дворянства, реже буржуазии. Прежде всего, это объясняется как наличием материальных ресурсов, так и нормами жизни высшего общества (наличие свободного времени у женщин, которые к тому же обладали достаточно широкой автономией по отношению к своим

²⁰⁴ Lambert A.-T. Avis d'une mère à son fils et sa fille. – Paris: E. Ganeau, 1729. – P. 196-199.

²⁰⁵ Larousse P. Op. cit. – Т. 12. – P. 1300.

мужьям; однако стоит заметить, что эта свобода основывалась только на доброй воле мужчины)²⁰⁶.

Кроме того, представительницы привилегированного сословия имели, как правило, качественное домашнее образование и воспитание. Мама или гувернантка, а также приглашенные преподаватели учили девочек чтению, письму, основам домоводства, музыке, танцам, географии, иногда языкам, знанию манер, принятых в высшем обществе. Затем девочек помещали в монастырский пансион на год-два для получения дополнительного к домашнему образования²⁰⁷.

Маркиза Эмили дю Шатле получила превосходное образование благодаря своему отцу, барону де Бретей, который в Версале готовил послов иностранных государств к приему у Людовика XIV и представлял их королю. Маркиза дю Шатле изучала, помимо прочего, английский, итальянский, немецкий и латинский языки, занималась верховой ездой, фехтованием, пением, танцами, театральным мастерством, играла на клавесине²⁰⁸. Вольтер вспоминал: «Она помнила наизусть все лучшие вещи Горация, Вергилия и Лукреция; все философские произведения Цицерона были хорошо ей знакомы. Ее влекло главным образом к математике и метафизике»²⁰⁹.

Форма обучения Манон Флипон, будущей мадам Ролан, типична для парижской буржуазии дореволюционного периода. Ее отец, гравер, и мать дали ей хорошее образование дома, а затем отправили на год в монастырский пансион, чтобы лучше подготовить девочку к первому причастию. В 4 года Манон уже умела читать. Когда ей исполнилось 7 лет, учителя в течение дня, сменяя друг друга, учили ее письму, географии, танцам, музыке и рисованию. Видя успехи ученицы, к ее программе добавили латинский язык. В 11 лет Манон отправили в пансион Конгрегации Нотр-Дам, где образованная

²⁰⁶ Lilti A. Op. cit. – P. 110-111.

²⁰⁷ Плещеев А.Н. Женщина в XVIII веке (по Гонкуру). – СПб: Типография А.С. Суворина, 1888. – С. 9.

²⁰⁸ Colet L. Deux femmes célèbres, Madame du Châtelet et Madame Hoffmann-Tanska. – Paris: Pétion, libraire-éditeur, 1847. – P. 11-12.

²⁰⁹ Вольтер. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Театр; Стихотворения; Мемуары; Исторические сочинения. Письма в Россию. Статьи, памфлеты / под общ. ред. Б.Т. Грибанова. – М.: Литература: Сигма-пресс, 1998. – С. 247.

барышня оказала приятное впечатление на монахинь. Им уже нечего было ей преподавать, оставалось только достойно подготовиться к причастию. Манон продолжала брать уроки музыки и рисования: учителя приезжали для этого в монастырь и занимались с ней в комнате для посетителей²¹⁰.

Если говорить о семейном положении хозяек салонов, то это были чаще всего замужние женщины, мужья которых лояльно относились к данной форме светской жизни и зачастую сами принимали участие в этих встречах. Так, регулярно присутствовал во время салонных приемов, организованных Сюзанной Неккер, ее муж – Жак Неккер. По свидетельству Мармонтеля, он был «молчаливым и холодным зрителем». Его участие в разговоре ограничивалось лишь несколькими вставленными словами. В общем, он напоминал «немой персонаж»²¹¹.

Довольно распространенной была ситуация, когда женщина-хозяйка салона была официально замужем, но фактически не проживала совместно со своим супругом. В частности, мадам де Богарне, урожденная Мари Анна Франсуаза Мушар, выйдя замуж в 15 лет за военного, отправилась жить к нему в Ла-Рошель, однако уже через 9 лет, в 1762 г., она вернулась в Париж одна²¹². Некоторые наиболее известные хозяйки парижских салонов были вдовами, например, мадам де Ламбер, мадам Жоффрен, мадам дю Деффан.

Гораздо реже встречаются незамужние хозяйки салонов, среди которых заметно выделяется фигура Жюли де Леспинас. Она была незаконнорожденной дочкой графини д'Альбон, в доме которой получила прекрасное воспитание. После смерти графини, будучи компаньонкой и лектрисой маркизы дю Деффан, она принимала участие в ее салоне, где собирались известные французские философы, политики, знатные дамы, дипломаты. Постепенно влияние Жюли в этом избранном обществе стало расти. Нередко вечер начинался в комнате компаньонки, а продолжался в

²¹⁰ Ролан. Личные мемуары г-жи Ролан / пер. Н.Г. Вернадской. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – С. 5-32.

²¹¹ Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 3. – Р. 16.

²¹² Turgeon F.K. Fanny de Beauharnais: Biographical notes and a bibliography // Modern Philology. – 1932-1933. – № 30. – Р. 61-80.

гостиной мадам дю Деффан. В конечном итоге это привело к ссоре между двумя женщинами и разрыву их отношений в 1764 г. Жюли де Леспинас с помощью друзей открыла свой собственный салон на улице Белльшасс, который посещали энциклопедисты во главе с д'Аламбером²¹³. Французский писатель Ж.-Ф. де Лагарп в «Литературной переписке», объясняя успех ее салона, указывает: «Я могу сказать, что не знаю ни одной женщины большего природного ума и наименьшего желания его демонстрировать ... Она обладала знанием света и наиболее приятной разновидностью учтивости»²¹⁴.

Что касается возраста, то организаторами салонных встреч выступали в основном женщины средних лет, хотя встречались и довольно пожилые. Так, например, маркиза де Ламбер открыла свой салон в возрасте 63 лет. По упоминанию мадам де Жанлис для того, чтобы собирать у себя гостей, женщина должна была обладать необходимым социальным опытом: «В молодости невозможно достаточно радушно принимать гостей за столом и в кружке; это социальное искусство, которое требует созерцательного ума и опыта»²¹⁵. Кроме того, чтобы оказывать протекцию поэтам, писателям, художникам, влиять на формирование норм вкуса, необходимо было соблюдать строгость в вопросах приличия, что женщина, как правило, не делала в молодости²¹⁶.

Хозяева салонных встреч выполняли ряд определенных обязанностей. Прежде всего, они занимались подбором гостей. Так, по утверждению герцогини д'Абрантес, подход мадам де Кондорсе к выбору членов ее салона заключался в схожести возраста и манер поведения, общения маркизы и будущих посетителей ее встреч. Ее гостями были «самые порядочные люди

²¹³ Sainte-Beuve C.-A. Op. cit. – Т. 2. – 1852. – P. 124-125.

²¹⁴ La Harpe J.-F., de. Letters to the Schuvalow // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. – Т. 108. – Banbury, 1973. – P. 74.

²¹⁵ Genlis S.-F. Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, des usages du monde, des amusemens, des modes, des mœurs, etc: En 2 vol. Т. 1. – Paris: P. Mongie aîné, 1818. – P. 352.

²¹⁶ Lilti A. Op. cit. – P. 111-112.

той эпохи: Тюрго, Сюар, аббат Морелле, Мармонтель, Гельвеций с женой, д'Аламбер и другие»²¹⁷.

Хозяева салонов также тщательно обдумывали темы для бесед на предстоящий вечер. Например, в салоне маркизы де Ламбер, который она открыла в 1710 г. в особняке де Невер, расположенном на ул. Ришелье, дискуссии на политические и религиозные темы находились под строжайшим запретом. Каждый посетитель должен был либо высказать собственное мнение по обсуждаемой теме из области литературы или философии, либо зачитать несколько отрывков из своих последних работ²¹⁸.

Организаторы салонных встреч внимательно следили за ходом беседы, давая возможность высказаться всем присутствующим, а также стараясь не допустить резких споров и дискуссий. По свидетельству современников, мадам Жоффрен обладала умением так направить разговор, что каждому из собеседников представлялся случай в полной мере показать свое красноречие, и они уходили довольные собой и умной хозяйкой. Однажды ей удалось разговорить такого довольно скучного собеседника, как аббат де Сен-Пьер, что он стал неузнаваем. Когда же Жоффрен поздравила его с успехом, он ответил: «Я был инструментом, на котором вы сегодня так хорошо играли»²¹⁹. Дискуссии допускались, однако если мадам Жоффрен замечала в ком-нибудь из гостей, участвовавших в споре, признаки личного раздражения или желания уязвить, то она прерывала разговор²²⁰ [Рис. 7].

Одна из важнейших обязанностей хозяев салонов заключалась в оценке произведений литературы и искусства. Тем самым они создавали моду на писателей, философов, художников, скульпторов, композиторов, артистов, которым впоследствии покровительствовали. Так, Монтескье, написав роман «Персидские письма», отправил его в первую очередь мадам де Ламбер, указывая: «Никому больше в мире я не стремлюсь так понравиться, как

²¹⁷ Abrantès, duchesse d'. Histoire des salons de Paris: En 4 vol. T. 2. – Paris: Ladvocat, 1837. – P. 208.

²¹⁸ Sainte-Beuve C.-A. Op. cit. – T. 4. – 1859. – P. 225.

²¹⁹ Morellet A. Portrait de madame Geoffrin. – Paris: Pissot, 1777. – P. 6.

²²⁰ Ibid. – P. 7.

вам»²²¹. Маркиза выступила с защитой нового романа и добилась впоследствии продвижения его автора в члены Французской академии.

Критика произведения хозяйкой салона существенным образом влияла не только на репутацию его автора, но и на его материальное благосостояние. В мемуарах Ж.-Ж. Руссо находим интересный случай, связанный с его работой над пьесой «Празднества Рамиры». По предложению герцога де Ришелье, влиятельного придворного при Людовике XV, маршала Франции, Жан-Жак занялся доработкой этого произведения, его как стихотворной, так и музыкальной частей.

По прошествии двух месяцев Руссо представил пьесу в салоне супругов де ла Поплиньер. Его работа была негативно воспринята хозяйкой салона, в отличие от непосредственного заказчика в лице герцога де Ришелье. «Все, что было сочинено мной было осуждено госпожой де ла Поплиньер и оправдано господином де Ришелье»²²². При этом Жан-Жак отмечал в своих мемуарах: «Но в конце концов я имел дело со слишком сильным противником, и мне было заявлено, что нужно изменить в моей работе несколько мест и относительно них мне следует посоветоваться с господином Рамо»²²³. Последняя фраза Ж.-Ж. Руссо свидетельствует о значительном, а порой и определяющем влиянии хозяйки салона при оценивании произведений литературы или искусства.

В конечном итоге после незаслуженной, по мнению Жан-Жака, критики он заболел и шесть недель не выходил из своего дома. Пьеса была снова переработана, на этот раз уже композитором Ж.-Ф Рамо и представлена в одном из парижских театров на суд зрителей. В заключении Ж.-Ж. Руссо, раздумывая над своими убытками, отмечает: «Я лишился почета, который заслужил своим произведением, и гонорара, который оно должно было мне доставить». В продолжении он пишет: «Мне, однако, всегда казалось, что господин Ришелье искренне чувствовал расположение ко мне и был

²²¹ Montesquieu Ch. Op. cit. – P. 65.

²²² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 313.

²²³ Там же.

выгодного мнения о моих дарованиях; но моя несчастная судьба и госпожа де ла Поплиньер уничтожили все значение его добрых намерений»²²⁴.

Таким образом, учитывая эфемерность жалоб на судьбу, Жан-Жак прямо называет хозяйку парижского салона виновницей его неудач. В причинах недоброжелательности мадам де ла Поплиньер помог разобраться его женевицкий друг Ж.-В. Гофкур. «Во-первых, – сказал он, – ее дружба с Рамо, которому она поклоняется, ненавидя при этом его возможных соперников; кроме того – вы женевец, а такого преступления она вам никогда не простит»²²⁵.

Отбросив личную неприязнь по национальному признаку как второстепенный фактор, остается важное замечание, из которого следует, что покровительство хозяина салона определенному автору, отстаивание его интересов оборачивалось критикой его предполагаемых соперников. Исходя из этого, Гофкур дал совет Руссо по поводу целесообразности дальнейшего посещения салона генерального откупщика и его жены: «Хотя ла Поплиньер хорошо к вам относится...но, насколько я знаю его, – не рассчитывайте на его поддержку. Он влюблен в свою жену; она ненавидит вас; она злая, она ловкая; вы никогда ничего не достигнете в этом доме»²²⁶.

Таким образом, в первой половине XVIII в. в условиях трансформации социально-экономических, политических структур и духовно-культурных основ французского общества салоны выступали важной формой коммуникации дворян, восполнившей недостаток общения в связи с постепенным ослаблением двора как социального института.

В первой половине XVIII в. салоны были сосредоточены в 5 кварталах. Трое из них (Пале Руаяль, Сен-Жермен, Лувр или Оксеруа) находились на западе французской столицы, который характеризовался социальной однородностью (место жительства аристократов) и разнообразием форм общественной жизни.

²²⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 314.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

Анализ состава участников и проблематики бесед свидетельствует о литературной направленности деятельности салонов, обладавших безусловным авторитетом в вопросах оценки, популяризации и издания литературных произведений.

В течение первой половины XVIII в. формируются характерные черты французской салонной культуры:

- 1) место проведения – частный особняк (отель), квартира;
- 2) регулярность проводимых встреч;
- 3) смешанный характер приемов (совместное участие мужчин и женщин, межсословность);
- 4) отсутствие институционализации;
- 5) основная форма общения – интеллектуальная беседа;
- 6) регламентация поведения. Главную роль в деятельности салонов играли их хозяева, выступавшие инициаторами собраний. От способностей, умений, социального опыта хозяина зависела репутация и популярность салона.

2.3. Общественно-политический салон баронессы де Тансен

В первой половине XVIII в. политические вопросы не были предметом активного обсуждения в парижских салонах. Исключением являются встречи, которые проходили с 1717 г. по 1730 г. в салоне баронессы де Тансен (Claudine Alexandrine Guérin de Tencin, 1682–1749 гг.) [Рис. 3].

Личность самой хозяйки салона крайне неоднозначная. Этим объясняются абсолютно полярные ее характеристики у современников. Кроме литературных занятий, она известна финансовыми операциями с акциями.

С большим восхищением вспоминает о мадам де Тансен А. Пирон: «Никто никогда не имел более остроумного взгляда, более простодушного характера, большей ловкости в управлении и более естественного

поведения»²²⁷. Мармонтель же уточняет, что за видимым простодушием скрывается глубокий смысл ее натуры²²⁸. Крайне негативно оценивает поступки баронессы де Тансен писатель Сен-Симон, обвиняя ее в распутстве и чрезмерной амбициозности²²⁹. Маршал де Ришелье указывает на ее вздорный характер и называет интриганкой²³⁰. Кстати, эту последнюю черту, присущую мадам де Тансен, отмечает большинство ее современников²³¹. Французская писательница Ш. Аиссе обвиняет ее в корыстолюбии и стремлении к обогащению²³². Однако писатель, историк Ш. Пино Дюкло, наоборот, указывает, что у нее всегда был умеренный доход, и «она рассматривала деньги как средство карьерного продвижения, а не в качестве цели, требующей удовлетворения». Если и говорить о богатстве, то только для ее брата, П.-П. Герен де Тансен, в качестве помощи для удовлетворения его амбиций (прежде всего властолюбия)²³³. В целом и сторонники, и критики отмечали ее ум и рассудительность²³⁴.

Клодин-Александрин Герен де Тансен родилась в Гренобле в 1681 г. в семье мелких дворян. Ее отец, Антуан Герен де Тансен, был членом парламента, а впоследствии первым президентом сената Шамбери во время оккупации Савойи Францией.

Согласно обычаю, Клодин-Александрин, как младшая из пятерых детей в семье, была отправлена в возрасте восьми лет в королевский монастырь, где должна была принять монашеский постриг. Однако, будучи не согласной с уготованной для нее судьбой монахини, Клодин-Александрин с помощью

²²⁷ Journal de Paris. – 1787. – № 254. – P. 1105.

²²⁸ Marmontel J.-F. Op. cit. – T. 1. – P. 232-233.

²²⁹ Saint-Simon L., duc de. Mémoires du duc de Saint-Simon: En 22 vol. T. 16. / par Mm. Chéruef, Ad. Regnier fils. – Paris: Hachette et Cie, 1874. – P. 350, 352.

²³⁰ Richelieu L.-F.-A., duc de. Mémoires du maréchal duc de Richelieu: En 4 vol. T. 2. – Liege: De l'imprimerie du Journal général de l'Europe, 1790. – P. 203.

²³¹ Genlis S.-F. De l'influence des femmes sur la littérature française, comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes françaises les plus célèbres: En 2 vol. T. 2. – Paris: Lecointe et Durey, 1826. – P. 149; Villars L.-H., de. Mémoires du maréchal de Villars: En 5 vol. T. 5. / par M. de Vogüé. – Paris: Renoard, 1892. – P. 13; Pinot Duclos Ch. Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la régence et le règne de Louis XV / Œuvres complètes du Duclos: En 10 vol. T. 6. – Paris: Janet et Cotellet, 1821. – P. 385.

²³² Аиссе Ш. Письма к госпоже Каландрини / под ред. П.П. Заборова. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 65-66.

²³³ Pinot Duclos Ch. Op. cit. – P. 385.

²³⁴ Marmontel J.-F. Op. cit. – T. 1. – P. 232; Journal de Paris. – 1787. – № 254. – P. 1103-1104; Dangeau P., Saint-Simon L., duc de. Journal du marquis de Dangeau avec les additions inédites du duc de Saint-Simon: En 19 vol. T. 18. / par E. Soulié, L. Dussieux. – Paris: Firmin Didot frères, fils et Cie, 1860. – P. 159.

своего духовного наставника, который, по мнению Ш. Пино Дюкло, стал «слепым орудием, использованным ею в своих целях»²³⁵, протестовала против данного обета. Официальное разбирательство закончилось 5 ноября 1712 г. удовлетворением ее протеста. Эти действия Клодин-Александрин свидетельствуют о незаурядном характере ее личности, осмелившейся вступить в противостояние с обычаями того времени и родительской опекой. Получив освобождение от обета, она переезжает в Париж, где в 1717 г. открывает в доме на улице Сен-Оноре свой салон.

Активными членами общества, собирающегося в доме мадам де Тансен, наряду с писателями были французские государственные деятели (в частности граф Носе, близкий друг регента Филиппа II Орлеанского, Ремон) и иностранные дипломаты (посол Саксонии и Польши граф де Хойм, английский дипломат сэр Л. Шауб). В неформальной обстановке салонных встреч баронессы шло обсуждение вопросов государственного уровня, заводились выгодные знакомства, позволявшие получить доступ к верхушке власти. Именно об этом говорит в своем письме к графу де Хойму мадам де Тансен: «Откажитесь от ужина для того, чтобы освободить меня от наблюдения за вашими действиями»²³⁶.

Нередко во время салонных встреч у баронессы гости обменивались ходатайствами, патентами, концессиями, которые в конечном итоге должны были попасть на подпись Регенту. Главная задача заключалась в поиске лиц (посредников), которые смогут в благоприятный момент это сделать. Так, Л. Шауб в своем письме графу де Хойму сообщает: «Не было вчера возможности представить вашу бумагу Регенту. Я говорил с кардиналом, который меня заверил, что он ее отнесет ему на подпись при первом удобном случае»²³⁷.

Заинтересованность в посещении салона мадам де Тансен была продиктована не только респектабельностью публики, которая там

²³⁵ Pinot Duclos Ch. Op. cit. – P. 385.

²³⁶ Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 172.

²³⁷ Coynart Ch. Op. cit. – P. 172.

собиралась, но и личными связями его хозяйки. Баронесса состояла в близких отношениях с Гийомом Дюбуа, советником Регента, а следовательно, могла выступить посредником в отношениях с этим влиятельным человеком²³⁸. Этим-то и воспользовался английский дипломат сэр Л. Шауб. Получив свое назначение в Париж, он стал частым гостем салонных встреч баронессы, что впоследствии привело к установлению между ними дружеских отношений. Мадам де Тансен даже шутя называла Шауба «Малыш», а себя его женой. В конечном итоге при посредничестве мадам де Тансен Л. Шауб был представлен Дюбуа. Чтобы получить благосклонное отношение последнего, дипломат презентовал ему финансовое содержание в размере 40 000 фунтов стерлингов от английского правительства²³⁹.

По свидетельству Сен-Симона, благодаря кардиналу Л. Шауб имел влияние при дворе и обладал широкими возможностями²⁴⁰. Следует отметить, что Дюбуа выступал активным сторонником сближения Франции и ее недавнего противника Англии на фоне противостояния с Испанией. Дело в том, что испанский король Филипп V, являясь внуком покойного короля Людовика XIV, заявил о своих претензиях на французский престол, нарушая тем самым условия Утрехтского мирного договора (1713 г.).

Связь Шауба и Дюбуа была настолько тесной, что были моменты, когда его лояльность ставилась под сомнение. «Я не хотел верить слухам, – писал Лекок графу де Хойму, – распространяющимся в обществе, что Шауб целиком посвящен Дюбуа. Я знаю о его порядочности. Будьте осторожны с этим, я вас прошу, сообщите, что вы об этом думаете»²⁴¹.

Одним из достижений Л. Шауба стала высылка с помощью кардинала Дюбуа графа де Носе, влиятельного друга Регента, который был неблагоприятной фигурой для Англии. Носе, который, по воспоминаниям

²³⁸ Saint-Simon L., duc de. Op. cit. – P. 351.

²³⁹ Dubois G. Lettre de Dubois à Georges I du 14 octobre 1718 // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 171.

²⁴⁰ Saint-Simon L., duc de. Op. cit. – T. 38. – P. 155.

²⁴¹ Lecocq M. Lettre de Lecocq à Hoym du 4 mai 1722 // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 169.

Сен-Симона, был умным, хорошо сложенным, великим человеком, достаточно сделавшим для своей репутации, был сослан в апреле 1722 г. в г. Тур²⁴².

Мадам де Тансен принимала непосредственное участие в деле об удалении из Парижа графа де Носе. Подтверждением этому является диалог, состоявшийся между Регентом и графом после его возвращения в столицу в 1723 г. На предложение герцога Орлеанского высказать свои желания, которые он постарается выполнить, Носе не задумываясь ответил: «Я прошу Ваше Королевское Величество поместить Тансен в Сальпетриер (больница для обездоленных с пристроенной к ней тюрьмой), Детуш-Канон – в Петит Мезон (больница для душевнобольных) и Ремон на виселицу»²⁴³. Таким образом, граф де Носе в саркастической манере перечислил тех людей, которые интриговали против него и добивались его ссылки. Однако эта реплика вызвала лишь смех Регента.

В целом, салон мадам де Тансен стал важным источником информации для кардинала Дюбуа (учитывая респектабельность публики, которая там собиралась), а сама баронесса посредником в делах.

Мадам де Тансен была очень амбициозной личностью, однако французские нравы и обычаи отводили женщине лишь роль матери и жены. Поэтому все имеющиеся у нее амбиции она перенесла на брата – священнослужителя. Главная цель ее деятельности заключалась в продвижении брата по карьерной лестнице. Для этого она задействовала личные связи, в частности, с влиятельными иностранцами, которые регулярно посещали ее салон. Так, мадам де Тансен просила графа де Хойма посодействовать назначению ее брата главой одной из освободившихся архиепархий в Безансоне, Нанте или Марселе²⁴⁴. Кроме того, в условиях острого религиозного противостояния между католиками и янсенистами в архиепархии Пьера Герена де Тансена, Амбрене, был созван церковный

²⁴² Saint-Simon L., duc de. Op. cit. – Т. 24. – P. 193.

²⁴³ Buvat J. Journal de la Régence (1715-1723): En 2 vol. Т. 2. / par E. Campardon. – Paris: H. Plon, 1865. – P. 457.

²⁴⁴ Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoya: En 2 vol. Т. 1. – Paris: Techener, 1880. – P. 34.

совет, на котором рассматривалась деятельность епископа де Сенез, Ж. Соанена. Церковный совет являлся прекрасным шансом для архиепископа де Тансена выслужиться перед королем и папой, осудив янсенистов в лице Ж. Соанена, тем самым выступив в защиту папской буллы «Unigenitus» 1713 г. (запрет чтения книги янсениста П. Кенеля «Новый Завет с моральными размышлениями»).

Понимая важность данного собрания для карьеры своего брата, мадам де Тансен превратила свой салон в центр ультрамонтанской агитации. Как было замечено в газете «Церковные новости» от 28 июня 1728 г.: «Совет в Амбрене был делом семьи»²⁴⁵. Гости ее салона активно привлекались к работе, направленной на поддержку позиций П. Герена де Тансена и его сторонников в Совете. Даже профессор философии, П. Манике, монах-францисканец, противник буллы, под влиянием баронессы изменил свою позицию, став штатным теологом Совета.

Наиболее активную деятельность развернули известные французские писатели Фонтенель и Удар де Ла Мотт, а также врач Астриук, за что и получили от своих противников прозвища «Амбренская химера», «помощники сатаны»²⁴⁶. Их авторству принадлежат тексты пастырских посланий аббата де Тансена. Конечно, этот факт не придавался огласке, чтобы не вызвать скандал в обществе. Мадам де Тансен даже в 1731 г. после смерти Удара де Ла Мотта забрала из его дома все компрометирующие черновики²⁴⁷. Кроме того, из ее салона вышло несколько памфлетов, подогревающих интерес общества к совету. Они были напечатаны и розданы уличным разносчикам. Сама она каждую неделю посылала газетчикам Голландии доклад о работе совета²⁴⁸. Это был ответ на обвинения,

²⁴⁵ Nouvelles ecclésiastiques ou Mémoires pour servir à l'histoire de la Constitution. – Utrecht: Aux dépens de la Compagnie, 1735. – P. 122.

²⁴⁶ La Chimère embrunoise: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: satires18.univ-stetienne.fr/texte/jansénisme-embrun-tencin-mme-de-tencin-houdard-astruc-fontenelle/la-chimère-embrunoise-au-mois

²⁴⁷ Marais M. Journal et mémoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris, sur la régence et le règne de Louis XV (1715-1737): En 4 vol. T. 4. / par A. de Lescure. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1868. – P. 328.

²⁴⁸ Nouvelles ecclésiastiques ... – P. 122.

высказанные в бюллетене янсенистов «Церковные новости». Такая активная деятельность позволила современникам назвать ее салон «Бюро по делам Совета»²⁴⁹. Итогом стало признание правоты за аббатом де Тансеном и его сторонниками, а янсенистский епископ был отправлен в ссылку.

Однако воспользоваться результатами этой победы брату и сестре не удалось. Во французском обществе была развернута активная кампания по дискредитации решений Совета. Ее возглавили парламентарии, поддерживающие янсенистов. Так, 30 октября 1727 г. пятьдесят адвокатов парижского парламента подписали «Обращение по поводу приговора, вынесенного в Амбрене против епископа де Сенез», в котором провозгласили невиновность Ж. Соанена, незаконность решений Совета в Амбрене и обвинили в недостойности Тансена. Широкое распространение во французском обществе получили песни, главными действующими лицами которых выступали архиепископ и его сестра, упоминающиеся в крайне негативном свете. Аббат де Тансен характеризовался как «недостойный человек», «презренный раб Маммона» (олицетворение богатства в Новом Завете), «человек без веры», «спекулянт», использующий Совет для личного обогащения. Мадам де Тансен изображалась в образе весталки «мало сопротивляющейся законам Киферы» (Афродиты, древнегреческой богини), а также монстра «обогащенного за счет наглости и кражи»²⁵⁰.

Баронесса, пытаясь противостоять кампании критики, развернутой во французском обществе против католической церкви (во главе с Папой Римским) в целом, а также нее и ее брата в частности, предприняла попытку объединить сторонников буллы «Unigenitus» вокруг себя. В условиях призывов двора и кардинала де Флери к установлению мира и соблюдению толерантности во французском обществе мадам де Тансен открыла свой салон для всех несогласных с подобным положением дел. Кардиналы,

²⁴⁹ Ibid.

²⁵⁰ Cerceau Du. Le conseil d'Embrun: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: satires18.univstetienne.fr/texte/embrun-m-et-mme-de-tencin-soanen-la-fresnaye-belzunce-jansenisme-lafitau-malissol/le-concile-d

архиепископы, епископы собирались в доме баронессы тайно, по ночам, переодетые в светскую одежду. Такая конспирация свидетельствует о реакционном и незаконном характере деятельности этих собраний. Подтверждением этому может также служить тот факт, что салонными встречами баронессы и ее гостями заинтересовалась полиция, установив слежку. Состав участников собраний в доме мадам де Тансен был достаточно респектабельным, начиная от кардинала де Бисси, господина д'Отен, господина де Гландев, господина де Верден и заканчивая «святым епископом Марсея», маскировавшимся кавальером²⁵¹. Баронесса де Тансен, писал А. Сен-Симон, стала «опорой доктрины, центром небольшой, тайной, ортодоксальной церкви»²⁵². Во время ночных встреч обсуждались церковные вопросы, в контексте продолжающейся борьбы с противниками буллы. В частности, во время этих собраний рассматривались методы принуждения всего духовенства и общества к принятию «Легенды Григория VII» как вызова Рима светским властям²⁵³.

Принципиальность и важность этого вопроса для мадам де Тансен и ее гостей в условиях продолжающегося соперничества между сторонниками и противниками буллы связана с решением, которым парламент Парижа отменил обязательное чтение богослужения Григория VII, содержащегося в требнике и введенного декретом папы Бенедикта XIII 25 сентября 1728 г. Это решение позволило противникам буллы развернуть новую кампанию критики римского престола и его сторонников.

Такая активная деятельность салона мадам де Тансен вызвала недовольство двора и стоила баронессе свободы. 1 января 1730 г. накануне открытия Совета духовенства лейтенант полиции дал знать баронессе де Тансен о рекомендации короля «удалиться без огласки из Парижа...по крайней мере на пятнадцать или двадцать лье, и больше, если она это

²⁵¹ Marais M. *Lettres de Mathieu Marais: En 3 vol. T. 3.* – Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 1983. – P. 274.

²⁵² Dangeau P., Saint-Simon L., duc de. *Op. cit.* – P. 162.

²⁵³ Marais M. *Op. cit.* – P. 274.

решит»²⁵⁴. Мадам де Тансен вынуждена была выполнить, имеющий форму пожелания, приказ короля. Она отправилась в Аблон, где ее сестра владела имением.

В целом салон баронессы де Тансен можно рассматривать в качестве одного из первых общественно-политических салонов во Франции XVIII в. Такая направленность обусловлена личными амбициями его хозяйки, реализацию которых она перенесла на брата – священнослужителя Пьера Герена де Тансена. Главная цель ее деятельности заключалась в продвижении брата по карьерной лестнице как в религиозном, так и в политическом смыслах. На достижение этой цели были направлены политические интриги и акции, проводимые в салоне мадам де Тансен, в частности, заигрывание с иностранными дипломатами, ультрамонтанская агитация во время Совета в Амбрене, организация «тайного» конклава и подогрев распространенных там реакционных настроений.

Принимая во внимание участие мадам де Тансен в финансовых операциях в первой трети XVIII в., можно сделать вывод, что салоны представляли площадку для решения финансовых вопросов, обеспечивая аристократии включение в деловую жизнь.

Таким образом, в первой половине XVII в. в условиях растущей централизации французского королевства происходит концентрация власти в Париже. Центральное положение в системе государственного управления занимал двор короля Генриха IV Бурбона. Он отличался от двора королей предыдущей династии Валуа. Регламенты Генриха IV предусматривали изменение его численности, состава и реорганизацию структуры. Сохранив прежнее социальное ядро, новый король окружил себя главным образом боевыми соратниками, которые помогли ему прийти к власти, представителями молодого поколения дворянских семей и чиновниками незнатного происхождения. Изменение экономического и политического

²⁵⁴ Maurepas au lieutenant de police Hérault // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 266.

положения знати, нарушение системы традиционных связей вынудило старую аристократию искать новые формы самовыражения. Практика организации интеллектуальных бесед в частном особняке (салон), предложенная маркизой де Рамбуйе, предоставила широкие возможности для дворянского представительства и коммуникации. Она подчеркивала исключительность и элитарность дворянства во французском обществе. Форма и содержание салона соответствовали дворянскому образу жизни, маскируя оппозиционную направленность собраний. Итак, салон как явление спонтанно-эпизодическое, возникшее под влиянием нравов и обычаев итальянских аристократических семей, становится своевременным и востребованным в общественно-политических реалиях Франции первой половины XVII в.

Изменение в положении салонов происходит при Людовике XIV, который, осуществляя единоличную власть, привлекает дворянство ко двору. Он стремится контролировать дворян, предупреждая появление и распространение оппозиционных настроений в их среде. Формируется придворный церемониал, организовываются масштабные зрелища и празднества. Двор становится социально-политическим и культурным центром Франции. Фактически вся социальная жизнь сосредотачивается при королевском дворе, а салоны теряют свою актуальность.

После смерти Людовика XIV происходит постепенное ослабление центральной власти и, соответственно, зависимости от нее дворянства. Двор перестает быть притягательным и авторитетным в период регентства Филиппа II Орлеанского, Людовика Анри де Бурбона, принца де Конде и правления молодого короля Людовика XV. Изменения в сфере общественного производства, обозначившиеся в первой половине XVIII в., приводят к трансформации системы социальных связей и отношений. В общественную жизнь вовлекаются представители различных слоев, не только привилегированных. Дворянство вынуждено искать новые формы коммуникации, соответствующие традиционной ментальности. Салоны в

этом отношении выделялись на фоне остальных, поскольку предполагали более широкие возможности для самопрезентации и артикуляции интересов дворянства. То есть салоны как форма общения, известная еще в прошлом веке, снова становится востребованной с условием адаптации к новым реалиям.

В целом в первой половине XVIII в. во Франции начинает формироваться общественное пространство, включавшее салоны, королевские академии, литературные и философские общества, театры, кафе; пространство вне двора и частного особняка.

ГЛАВА 3. САЛОНЫ ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

3.1. Социально-экономическое и политическое развитие Франции во второй половине XVIII в.

Вторая половина XVIII в. ознаменована крайне нестабильной внутривнутриполитической обстановкой во Франции. Успехи капиталистического развития, сохранение пережитков средневековья (в частности сеньориального строя, сословных привилегий), участие в изнурительных военных кампаниях (война за польское наследство 1733-1735 гг., война за австрийское наследство 1740-1748 гг., Семилетняя война 1756-1763 гг., война за независимость американских колоний 1778-1784 гг.) послужили причиной многочисленных кризисных явлений во французском государстве.

Стремясь видоизменить французскую общественно-политическую систему, приспособив ее к новым социально-экономическим реалиям, королевская власть предприняла ряд реформ, затрагивающих экономическую сферу, финансы, военное дело, судебную власть. Однако не все они были восприняты благосклонно, поскольку предполагали определенную трансформацию устоявшихся социальных связей и отношений. Так, попытки правительства улучшить финансовое положение страны, уменьшить государственный долг и найти дополнительные источники пополнения государственной казны встретили ожесточенное сопротивление. Реформы генеральных контролеров финансов Машо д'Арнувиля, Тюрго, Неккера, Калонна, Ломени де Бриенна, основанные на принципах экономии и всеобщего налогообложения, задевали интересы в первую очередь привилегированных сословий. Жесткая реакция дворянства и духовенства на прогрессивные для того времени преобразования привела в конечном итоге к их отмене. Таким образом, королевской власти не хватило политической воли и твердости в проведении реформ, необходимых для французского государства.

Во второй половине XVIII в. конфликты королевской власти и парламентов, носившие ранее эпизодический характер, перерастают в открытое политическое противостояние, в ходе которого можно выделить несколько периодов обострения. Первый виток конфронтации между королем и магистратами был вызван появлением «Великих ремонстраций» (1753 г.) с требованием наделить парламенты правом законотворчества²⁵⁵. Кроме того, активно обсуждалась идея создания «единого парламента», согласно которой на основе объединения провинциальных парламентов будет создана общенациональная корпорация, претендующая в отсутствие Генеральных штатов на роль представительного органа власти²⁵⁶. В сущности, французские парламенты выдвинули идею ограниченной монархии. При этом предполагалось, что верховенство власти будет принадлежать парламентам. Существенные требования в области законодательства с учетом уже имеющихся у магистратов юридических полномочий и исполнения широкого комплекса административных функций свидетельствовали о вполне реальной перспективе главенства парламентов в системе государственной власти.

Посягательства на власть короля были крайне негативно восприняты Людовиком XV и побудили его к довольно решительным действиям. Наиболее активные оппозиционные деятели были арестованы, члены высшей палаты Парижского парламента, а также 176 представителей его Следственной палаты и Палаты прошений были отправлены в ссылку²⁵⁷.

С целью усмирения политических амбиций парламентариев, в декабре 1756 г. появляются королевские указы о запрете совместных заседаний палат Парижского парламента, невмешательстве магистратов в политические дела, об их обязанности выполнять свои судебные функции и о праве подачи

²⁵⁵ Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle: En 3 vol. T. 1. / par J. Flammermont. – Paris: Imprimerie nationale, 1888. – P. 513-515.

²⁵⁶ Gazette du 11 avril 1759 // Recueil des Gazettes de France. – 1759. – № 15. – P. 169-173.

²⁵⁷ Barbier E.-J.-F. Op. cit. – P. 381-383.

ремонастраций только после регистрации документа²⁵⁸. Таким образом, акцентировалось внимание на сугубо судебных полномочиях парламентов, а новая процедура внесения поправок в текст предлагаемых на утверждение документов фактически нивелировала саму эту возможность.

В период 1756-1770 гг. произошел ряд локальных конфликтов королевской власти с отдельными провинциальными парламентами. Наибольший резонанс получило «бретонское дело», ознаменовавшее следующий период резкого обострения их взаимоотношений. Главная причина конфликта заключалась в отказе парламента Бретани от введения новых налогов. Следует отметить, что в своих теоретических размышлениях парламентарии нередко предъявляли претензии финансовой политике королевской власти. В частности, они критиковали право монарха вводить новые налоги без согласования с народом²⁵⁹, считали, что их размер должен определяться не просто желанием правителя, а в соответствии с «естественными законами», обеспечивающими «сохранение собственности и имущества граждан»²⁶⁰. В целом за ширмой отстаивания интересов простого народа скрывалось стремление парламентариев защитить собственные налоговые привилегии.

Основной формой протеста, используемой магистратами, стал отказ в регистрации королевских указов путем внесения множества поправок и оговорок. Ситуация усугублялась еще и личной неприязнью между местными парламентариями и губернатором Бретани герцогом д'Эгийоном²⁶¹, вызванной их борьбой за власть в провинции.

22 мая 1765 г. в ответ на усиливающееся давление со стороны королевской власти большая часть членов Бретонского парламента подала в

²⁵⁸ *Récueil général des anciennes lois française: En 29 vol. T. 22. / par Mm Isambert, Decrusy, Taillandier. – Paris: Belin-Leprieur, 1830. – P. 269-271.*

²⁵⁹ Robert P.A. *Les remontrances et arrêtés du Parlement de Provence au XVIIIe siècle, 1715-1790: thèse pour le doctorat. – Paris: A. Rousseau, 1912. – P. 34-36.*

²⁶⁰ *Remontrances du Parlement de Toulouse // Dubédât M. Histoire du Parlement de Toulouse: En 2 vol. T. 2. – Paris: A. Rousseau, 1885. – P. 459.*

²⁶¹ *Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Vie privée de Louis XV ou principaux événements, particularités et anecdotes de son Règne: En 4 vol. T. 4. – Londres: Chez John Peter Lyton, 1788. – P. 103.*

отставку. Король же прибегнул к традиционным методам борьбы с оппонентами. В ночь с 10 на 11 ноября 1765 г. были заключены под стражу генеральные прокуроры Л.-Р. де Лашалотэ и его сын²⁶².

В целом действия королевской власти в отношении парламентской оппозиции носили половинчатый характер. Монарху не хватило жесткости, решительности и политической воли для того, чтобы полностью расправиться с политическими оппонентами. Наглядным примером может служить итог «бретонского дела». Арест генеральных прокуроров был заменен ссылкой (22 декабря 1766 г.), парламент был восстановлен в прежнем виде (10 июля 1769 г.), а неугодный герцог д'Эгийон был отозван в Париж²⁶³.

Общность интересов, заключающаяся в защите своих прав и привилегий, способствовала взаимному сближению французских парламентов и формированию единой парламентской оппозиции. Так, в ходе конфликта между Бретонским парламентом и королевской властью в защиту первого выступил влиятельный Парижский парламент²⁶⁴. Таким образом, складывались реальные предпосылки создания «единого парламента» как политической силы, способной противостоять королевской власти в общенациональном масштабе.

В декабре 1770 г. с целью подавления сопротивления парламентариев фискальным нововведениям Людовик XV предпринимает очередную попытку сокращения объема прав и привилегий оппонентов. Был подписан указ, согласно которому запрещались совместные выступления парламентов и «забастовки» магистратов. Кроме того, повторно подтверждалось право подавать ремонстрации только после регистрации королевских эдиктов²⁶⁵.

События 1750-60-х гг. продемонстрировали неэффективность методов, используемых королевской властью для пресечения выступлений

²⁶² Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Op. cit. – P. 105.

²⁶³ Lacretelle Ch. Histoire de France pendant le dix-huitième siècle: En 6 vol. T. 4. – Paris: Delaunay, 1819. – P. 121.

²⁶⁴ Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Op. cit. – P. 107-108.

²⁶⁵ Récueil général ... – P. 501-509.

парламентов. В этой ситуации канцлер Р.Н. Мопу предпринял попытку кардинального решения проблемы путем проведения судебной реформы (1770-1774 гг.). Эти события стали апогеем политического противостояния королевской власти и парламентов.

Реформа представляла собой комплекс преобразований структуры, полномочий, принципов формирования высших судебных органов. Прежде всего, отменялась система продажи должностей. Взамен этому вводился конкурсный порядок их замещения. На одну вакансию выдвигалось по три кандидата, имеющих необходимое образование и опыт работы. Судопроизводство становилось бесплатным, а новые судьи, назначаемые правительством, должны были получать жалованье от государства. Итак, вместо сплоченных корпоративными интересами обладателей должностей, мало зависящих от власти, появлялись чиновники, которые были обязаны монархии своим материальным благосостоянием и продвижением по карьерной лестнице. Кроме того, согласно нововведениям, парламенты лишались права регистрировать королевские указы и вносить ремонстрации²⁶⁶. Таким образом, в результате реформы новые судебные органы попадали под полный контроль государства, лишаясь тем самым возможности противостоять правительственной политике.

Преобразования парламентской системы с самого начала встретили яростное сопротивление со стороны магистратов. Главной формой общественно-политической борьбы стала памфлетная война, в ходе которой был затронут целый комплекс вопросов государственно-политического характера: о государственном устройстве Франции, полномочиях короля и парламентов, правах и свободах французского народа²⁶⁷. Помимо парламентариев против реформы выступили и другие слои населения. По мнению И.Б. Берго, в 1770-1774 гг. сформировалась широкая, хотя и аморфная коалиция сил (принцы крови, пэры, провинциальное дворянство,

²⁶⁶ *Récueil général ...* – P. 512-515.

²⁶⁷ Barbier A.-A. *Dictionnaire des ouvrages anonymes: En 4 vol. T. 3.* – Paris: P. Daffis, 1875. – 1166 p.

поддерживаемые широкими слоями городского населения), своеобразный социально-политический блок, возглавляемый парламентской оппозицией²⁶⁸.

Королевская власть продолжала использовать традиционные методы борьбы с политическими оппонентами: аресты и ссылки (всего было сослано 130 парижских и 100 провинциальных парламентариев).

Несмотря на активное сопротивление судебным преобразованиям, к середине 1773 г. внутреннее положение в стране начало стабилизироваться, а новые судебные органы успешно функционировали. Однако после смерти Людовика XV в 1774 г. и вступления на престол его преемника Людовика XVI судебная реформа была отменена. Прежние парламенты были восстановлены, а канцлер Мопу отправлен в отставку. Фактически король сам возродил парламентскую оппозицию. По легенде, в день своей отставки канцлер Мопу сказал: «Я выиграл для короля процесс, длившийся 150 лет. Если он хочет его вновь проиграть – он сам себе хозяин»²⁶⁹.

Таким образом, королевская власть положила начало новой серии политических противостояний с парламентской оппозицией, главным из которых стал конфликт, разгоревшийся в 1774-1776 г. вокруг реформ генерального контролера финансов Тюрго. Парламентарии вновь выступили за сохранение привилегий высших сословий и корпораций (в первую очередь налоговых льгот).

Магистраты использовали уже традиционные методы антиправительственной деятельности: отказ в регистрации королевских указов и подача ремонстраций. Например, в ремонстрациях от 4 марта 1776 г. Парижский парламент подверг критике эдикт об отмене дорожной повинности, указывая, что реформа приведет к созданию «неприемлемой и абсурдной системы равенства» вследствие ликвидации «естественных и необходимых» различий между сословиями, что в конечном итоге разрушит

²⁶⁸ Берго И.Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции // Новая и новейшая история. – 1988. – № 6. – С. 53.

²⁶⁹ Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. / пер. с фр. Е.М. Шишмаревой. – М.: Прогресс, 1979. – С. 164.

«основы французской монархии»²⁷⁰. Аналогичным образом был также раскритикован и эдикт об отмене цехов. Парламентарии акцентировали внимание на том, что в случае осуществления предложенных преобразований власти лишатся средства контроля за городскими низами, которые из-за разрыва существующих в обществе связей будут способны к совершению любых действий (намек на революционные волнения, восстания)²⁷¹. Таким образом, можно говорить о двойственности позиции магистратов, которые, с одной стороны, выступали за реформирование системы правления с позиции верховенства власти парламентов, а с другой стороны, отстаивали сохранение существующего политического режима.

Упорное сопротивление реформам Тюрго со стороны дворянства и духовенства, поддерживаемое магистратами, вынудило короля в конечном итоге отменить все нововведения и отправить генерального контролера финансов в отставку²⁷². Конфликт вокруг преобразований Тюрго послужил окончанием периода активного противостояния королевской власти и парламентов, одновременно став началом их достаточно мирного сосуществования.

Во второй половине XVIII в. с новой силой разразился религиозный конфликт между янсенистами и ортодоксальными католиками. Суть противостояния заключалась в стремлении последних защитить господствующее положение католической церкви, при сохранении верховенства власти Папы римского в ее структуре, и привилегированное положение духовенства во французском государстве.

Ужесточая борьбу с еретиками, католический епископат начал требовать от умиравших свидетельства об исповеди, подписанные кюре – сторонниками буллы «Unigenitus». Людям, не имевшим этой бумаги, отказывали в причастии и соборовании, таинствах, отправляемых при

²⁷⁰ Remontrances du parlement de Paris... – P. 278.

²⁷¹ Ibid. – P. 332-333.

²⁷² Lacretelle Ch. Op. cit. – P. 394.

прощании человека с земной жизнью²⁷³. Такая практика вызвала рост недовольства части населения страны. Как и в предыдущий период, в защиту притесняемых выступили парламенты, тем самым политизируя религиозный конфликт и используя в своей борьбе против королевской власти. В отношении священников, отказывающихся умиравшим в отправлении священнодействий, принимались достаточно жесткие меры (вплоть до ареста).

Усилению религиозной конфронтации способствовали действия иезуитов, обвинявших парламенты в разрушении религии, а порой даже призывавших к физическому уничтожению еретиков.

Возмущение деятельностью иезуитов и других ультрамонтанов достигает наивысшего предела, обращая население против короля, воспитание и взгляды которого были близки ортодоксальным. На улицах Парижа и других крупных городов появились листовки со словами: «Смерть королю и епископам!».

В сложившейся обстановке король Людовик XV с целью успокоения общества в декабре 1754 г. отправил в ссылку ряд французских епископов, в том числе и парижского архиепископа К. де Бомона. Наказанию подверглись также и рядовые священнослужители, отказывавшие умиравшим в последнем причастии²⁷⁴. Таким образом, король ограничился лишь точечными действиями в отношении отдельных представителей духовенства, то есть боролся с последствиями, а не первопричиной религиозного конфликта.

Парижский парламент, пытаясь воспользоваться сложившейся ситуацией, объявил, что булла «Unigenitus» не является символом веры. Людовик XV отменил данное постановление²⁷⁵. Окончательно снять остроту возникшей проблемы помогла энциклика папы Бенедикта XIV, согласно которой священник обязался совершить необходимый обряд, при этом

²⁷³ Lacretelle Ch. Op. cit. – Т. 3. – 1809. – Р. 211.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ Récueil général... – Р. 269.

обязательно предупреждая умиравшего о том, что если он является сторонником янсенизма, то будет проклят.

Кризис 1750-х гг. ослабил позиции ортодоксального духовенства. Особую неприязнь население испытывало к ордену иезуитов. Помимо чрезмерно жесткой позиции по защите буллы «Unigenitus», им вменялось в вину следующее: ориентация на внешние силы, участие (прямое или опосредованное) в разного рода заговорах, непомерное для церковной структуры богатство, закрытость от общества.

Руководящую роль в борьбе общественности против иезуитов взяли на себя парламенты. Поводом послужило судебное разбирательство в отношении одного из них – отца Лавалетта. Последний взял огромный кредит у Марсельского коммерческого общества для ведения торговли колониальными товарами и обанкротился вследствие захвата французских торговых судов англичанами. Орден иезуитов отказался нести ответственность за одного из своих членов и возвращать долг марсельским коммерсантам. Последние обратились в судебные органы и дело рассматривалось в Высшей палате Парижского парламента²⁷⁶. Магистраты решили воспользоваться ситуацией и помимо вынесения обвинительного в отношении ордена приговора подняли вопрос о его статусе. Главным аргументом в борьбе парламентариев с орденом стала критика положений его доктрины о верховенстве пап над правителями, зависимости национальных церквей от Рима, а также практическая деятельность его членов. Все это позволило обвинить иезуитов в «извращенной морали» и запретить им преподавательскую деятельность (6 августа 1761 г.)²⁷⁷.

К противостоянию парижского парламента и ордена иезуитов подключились также провинциальные парламенты, тем самым проявив единство в борьбе с общим противником. Так, парламент Прованса

²⁷⁶ Lacretelle Ch. Op. cit. – Т. 4. – 1819. – Р. 26-27.

²⁷⁷ Ibid. – Р. 31.

потребовал конфискации имущества ордена, а Руанский призвал к его ликвидации²⁷⁸.

Разросшийся до общенациональных масштабов религиозный конфликт снова требовал, как и в предыдущем случае, вмешательства короля. Людовик XV откладывал решение возникшей проблемы, отменяя постановления парламентов. Однако из-за неблагоприятной внешнеполитической обстановки и падения авторитета внутри страны, он поддался давлению общественного мнения и в ноябре 1764 г. упразднил орден иезуитов во Франции²⁷⁹. Впоследствии, по мере приближения к Французской революции, янсенизм постепенно утрачивает свое значение, а после и вовсе исчезает.

Важным фактором, оказывавшим влияние на общественно-политические процессы, было интеллектуальное движение, связанное с деятельностью философов-просветителей. Показательным в этом отношении является тот факт, что период в истории Европы, охватывающий XVIII в., принято называть эпохой Просвещения или Веком разума. В основе философских исканий французских мыслителей лежала оптимистическая вера в могущество разума, понимаемого как рациональное мышление, и в неограниченные возможности прогресса.

Выступая против оформившегося во Франции общественного строя, одни просветители предлагали его реформирование (Вольтер, Ш.Л. Монтескье), другие ставили вопрос о его решительной ломке (Ж.Ж. Руссо, Ж. Мелье). Идеи французских философов были восприняты и взяты на вооружение частью дворянства и духовенства в их противостоянии с королевской властью. Таким образом, главной заслугой французских философов-просветителей были поиски лучшей организации общества и утверждение принципов гуманизма.

²⁷⁸ Lacretelle Ch. Op. cit. – Т. 4. – 1819. – P. 28.

²⁷⁹ Gazette de France. – 7 décembre 1764. – P. 38.

Важную роль играл также образ жизни французских королей, в частности Людовика XV. В силу своего характера он перестал устраивать при дворе многочисленные и пышные приемы, получившие широкую популярность при Людовике XIV. Король предпочитал проводить свободное время в узком кругу близких друзей²⁸⁰. Кроме того, в этот период прекратилась традиция объезда французскими королями своих владений, что негативно повлияло на их имидж. Во время ежегодной поездки подданные могли увидеть своего правителя, что символизировало его близость к народу и внимание к его желаниям. Отмена же традиционного объезда отдаляла короля от народа, создавая образ высокомерного, равнодушного, замкнутого на сугубо личных интересах правителя.

В условиях сложившейся во второй половине XVIII в. во Франции внутриполитической обстановки, изменения претерпевают все сферы жизни французского государства, в том числе и интеллектуальная, неотъемлемой частью которой являлась салонная культура. По сравнению с первой половиной века значительно увеличивается число открытых в Париже салонов. Так, согласно отчетам полиции, в период с 1775 по 1779 гг. в Париже действовало 50 салонов. Это наивысший показатель за все время существования салонной культуры во Франции. В последующие годы преобладающей являлась тенденция к его снижению. С 1780 по 1784 гг. зафиксировано существование 43 салонов, а с 1785 по 1789 гг. (предреволюционный период) лишь 29²⁸¹. В целом, несмотря на то, что полицейские фиксировали в своих отчетах информацию только о тех парижских салонах, которые посещали иностранные дипломаты, данные достаточно репрезентативны. В связи с тем, что присутствие глав и членов дипломатических миссий среди гостей французских салонных встреч получило повсеместный характер (в силу ряда причин, которые будут

²⁸⁰ Lacretelle Ch. Op. cit. – Т. 3. – 1809. – Р. 169.

²⁸¹ Lilti A. Op. cit. – Р. 129-131.

рассмотрены ниже), полицейские отчеты фактически содержат информацию о всех существовавших на тот период во французской столице салонах.

Большинство салонов второй половины XVIII в., как и в предыдущий период, было размещено в западной части Парижа. Это традиционные для аристократии предместья Сен-Жермен и Сен-Оноре (в том числе «блестящий квартал» Пале-Руаяль²⁸²). При этом первостепенная роль в светской жизни Парижа, по словам французского писателя Л.-С. Мерсье, принадлежала предместью Сен-Оноре, где находился «очаг человеческих знаний» (Французская академия, светские кружки и общества, а следовательно, и «хороший вкус, просвещение, ум»)²⁸³. В этом отношении, по заверениям автора «Картин Парижа», предместье Сен-Жермен воспринималось лишь как провинция, жители которой лишены «живительного влияния»²⁸⁴. Конечно, это сравнение с провинцией (отсталой в отношении распространения новых идей и явлений, а также манер и нравов) несколько утрировано, поскольку в этом районе были не меньше, чем в Сен-Оноре, распространены различные формы светского общения (в первую очередь салоны). Скорее, это способ отделить и превознести предместье Сен-Оноре, поставив его на вершину символической иерархии кварталов парижской столицы.

Во второй половине XVIII в. возможность открытия салона перестает быть исключительно прерогативой дворянства. Выросло число салонов, хозяевами которых являлись представители буржуазии, что свидетельствовало об изменениях, происходивших в социальной структуре французского общества. Накопив значительные средства, верхушка третьего сословия стремилась приобщиться к дворянской культуре путем покупки наследственных должностей и подражания образу жизни привилегированного сословия. К наиболее известным относятся буржуазные салоны мадам Жоффрен (жена директора королевской мануфактуры по

²⁸² Мерсье Л.-С. Картины Парижа: В 2 т. Т. 1. / пер. с фр. В.А. Барбашевой. – М.: Academia, 1935. – С. 212.

²⁸³ Mercier L.-S. Tableau de Paris: En 12 vol. Т. 11. – Amsterdam, 1788. – P. 240-241.

²⁸⁴ Ibid. – P. 241.

производству зеркал) и мадам Неккер (жена финансиста, впоследствии директора финансов Франции).

В организационном плане буржуазные салоны полностью соответствовали аналогичной дворянской модели: частное пространство (городской особняк или квартира), система званых приемов, периодичность проведения, светское общение при соблюдении норм приличия, определяющая роль хозяина. Однако на фоне повсеместного распространения салонной культуры среди парижского дворянства буржуазные салоны были еще малочисленны. Это связано с тем, что во второй половине XVIII в. только начинается процесс включения буржуазии, накопившей финансовые ресурсы, в интеллектуальную сферу жизни французского высшего общества.

В целом у представителей высшего французского общества отсутствовало пренебрежительное или критичное отношение к буржуазным салонам. Подтверждением этому является круг их посетителей. Состав гостей буржуазных салонных встреч характеризуется широким представительством французских интеллектуальных кругов. Следует отметить, что в ряде парижских буржуазных салонов собиралась достаточно респектабельная публика: влиятельные французские государственные и военные деятели, известные французские и иностранные писатели, философы, ученые, художники, скульпторы, артисты, а также послы и дипломаты иностранных государств (свидетельство популярности салона не только в рамках Франции, но и за ее пределами, в ведущих европейских странах). Примером может служить салон мадам Жоффрен, который посещали философы Монтескье, д'Аламбер, Дидро, Гельвеций, Гольбах, Томас, писатели Мармонтель, Мариво, аббат Морелле, Сен-Ламбер, государственные деятели Тюрго, де Берни, а также иностранцы Д. Юм, Х. Уолпол, Э. Гиббон²⁸⁵.

²⁸⁵ Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 2. – P. 88.

Изменения происходят также в составе гостей, посещающих салонные встречи. Значительно по сравнению с первой половиной века увеличивается представительство французских политических деятелей в салонах. Следует отметить достаточно высокий уровень представительства этой категории гостей, включающей помимо служащих государственных учреждений и ведомств, также членов Королевского совета и государственных секретарей.

В сфере государственного управления ведущую роль во Франции XVIII в. занимал институт государственных секретарей. Под их управлением и контролем находились основные сферы жизнедеятельности французского государства. Первоначально государственные секретари (*secrétaires d'Etat*) были работниками канцелярии при Королевском совете. В их функциональные обязанности входило главным образом ведение делопроизводства. Постепенно, с расширением правительственной деятельности Королевского совета растет влияние государственных секретарей. Во второй половине XVIII в. они становятся фактическими главами центральных ведомств (прообраз министерств), подчиняя своему влиянию Королевский совет. Таким образом, государственные секретари перенимают на себя правительственные функции совета, пройдя путь от простых исполнителей к роли руководителей. В XVIII в. из числа высших должностных лиц постепенно выдвигается фигура суперинтенданта финансов (*surintendant des finances*), с 1661 г. генерал-контролера финансов (*contrôleur general des finances*). В силу своей значимости для функционирования государства, финансовое ведомство как центр внутреннего управления играло ведущую роль в централизованной государственной администрации. Подтверждением этому служат слова французского государственного деятеля Ш.-А. де Калонна: «Генерал-контролер во Франции – это провидение государства»²⁸⁶. Однако все же не стоит переоценивать роль и влияние государственных секретарей во

²⁸⁶ Feller F.-X., de. *Journal historique et littéraire*: En 60 vol. T. 16. – Luxembourg: Chez les Héritiers d'André Chevalier, 1783. – P. 629.

Франции. Несмотря на достаточно широкий круг полномочий, они находились в зависимом положении от короля, по усмотрению которого проходило назначение на эти должности и смещение с них.

Во второй половине XVIII в. государственные секретари были частыми посетителями салонных встреч. Так, салон Ж. де Леспинас посещал государственный секретарь королевского двора (1775-1776 гг.) К.Г. де Ламуаньон де Мальзерб, а среди гостей встреч, организованных в салонах маркизы дю Деффан и мадам Жоффрен был замечен государственный секретарь по иностранным делам (1757-1758 гг.) Ф.-И. де Пьер де Берни. Тесная дружба связывала мадам дю Деффан и супругов Шуазелей (Э.-Ф. де Шуазель занимал пост государственного секретаря по иностранным делам с 1758 по 1761 гг., а также с 1766 по 1770 гг.). Помимо больших и пышных приемов, специально для них маркиза организовала в своем доме встречи, рассчитанные на узкий (интимный) круг лиц²⁸⁷. Однако наиболее активным участником встреч, проходивших в салонах маркизы дю Деффан, мадам Жоффрен, Ж. де Леспинас, герцога де Ларошфуко, был государственный секретарь по делам военно-морского флота (1774 г.), позже генеральный контролер финансов (1774-1776 гг.) А.Р.Ж. Тюрго.

Большой по сравнению с первой половиной века интерес к французским салонам стали проявлять дипломаты иностранных государств. Исходя из данных отчетов полиции за 1774-1789 гг. иностранные дипломаты чаще всего посещали салоны супругов Неккер (640 посещений за указанный период; наивысшая активность наблюдалась с 1774 по 1784 гг. и с 1786 по 1789 гг.), герцогини де Ла Вальер (610 посещений с наивысшей активностью с 1779 по 1789 гг.), мадам де Ла Реньер (358 посещений с наивысшей активностью с 1778 по 1783 гг., с 1787 по 1789 гг.). Большой популярностью среди глав и членов дипломатических служб иностранных государств в определенные периоды пользовались салонные встречи, организованные

²⁸⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. T. 2. / par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – P. 91.

герцогом де Бироном (1779-1785 гг.), герцогиней де Праслин (1778-1783 гг.), мадам де Ла Ферте-Эмболь (1775-1776 гг., 1780-1786 гг.), мадам дю Деффан (1774-1780 гг.), графиней де Буффле (1780-1782 гг., 1784-1789 гг.), господином Туртоном (1775-1776 гг., 1778-1784 гг.), маршалом де Субизом (1779-1782 гг.), герцогиней де Люксембург (1775-1776 гг., 1780-1786 гг.), герцогом де Ришелье (1784-1787 гг.), мадам Жоффрен (1774-1776 гг.)²⁸⁸.

Выбор иностранными дипломатами салонов для посещения неслучаен и продиктован политической целесообразностью. Все вышеперечисленные салоны имели либо непосредственное (их хозяевами выступали влиятельные французские государственные деятели), либо опосредованное (в салонных встречах принимали участие видные французские политические деятели) отношение к французским правительственным кругам. Например, салоны в своих парижских особняках организовали директор финансов Франции Ж. Неккер, дивизионный генерал герцог де Бирон, маршал де Субиз. В свою очередь, салон мадам дю Деффан выражал интересы группы, возглавляемой государственным секретарем по иностранным делам герцогом де Шуазелем, салон мадам де Ла Ферте-Эмболь [Рис. 7] – клана государственного министра Морепа, салон графини де Буффле [Рис. 9] – сторонников принца де Конти.

Периодичность, которая прослеживается в посещении французских салонов послами иностранных государств, свидетельствует о расстановке сил внутри политической элиты и указывает на вес и влияние определенного салона в общественно-политической жизни Франции.

Посещение послами иностранных государств парижских салонов являлось важной составляющей их дипломатической работы. Прежде всего, это продиктовано функцией представления своего правителя и государства. Реалии второй половины XVIII в. требовали от иностранных дипломатов выполнения этой обязанности не только при дворе, но и в парижских салонах. Однако наиболее важное значение для послов иностранных государств имели политические новости, появлявшиеся в салонах раньше,

²⁸⁸ Lilti A. Op. cit. – P. 129-131.

чем в газетах, которые к тому же подвергались цензуре. Таким образом, салоны выступали в качестве источника политической информации, которую дипломаты использовали при написании своих депеш. Так, по сведениям французской полиции, английский посол лорд Стормонт каждую среду перед отправкой своей почты посещал салон мадам дю Деффан. В отчете указывается, что цель его еженедельных визитов заключалась в получении политической информации²⁸⁹.

Конечно, основным источником политических новостей для полномочных представителей иностранных государств продолжал оставаться двор правителя государства. Это был центр принятия важных для жизни государства решений: указы, кадровые назначения, заключение внешнеполитических союзов и т.д. Однако во второй половине XVIII в. получение политической информации иностранными дипломатами при дворе французского правителя стало затруднительно, что, по заверениям посла Саксонии барона Шонфельда, связано с образом жизни французского короля и министров. Барон сообщал, что на еженедельной встрече послов иностранных государств постоянно высказывалось сожаление по поводу, ставшего уже привычным, скудного характера новостей, «причинявшего страдания» с приходом дней дипломатической почты²⁹⁰. В связи с этим иностранные дипломаты, стремясь обеспечить высокую информативность своих депеш, вынуждены были искать дополнительные источники информации, которыми и стали парижские салоны.

Таким образом, социально-экономические и политические процессы французской действительности (развитие капиталистических отношений, сохранение пережитков средневековья, социальная дифференциация, провал реформ, конфликты королевской власти и парламентов, противостояние янсенистов и католиков, участие в военных кампаниях) стали причиной

²⁸⁹ Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 20 mars 1779 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 380.

²⁹⁰ Rapport de M. de Schonfeld du 27 octobre 1780 // Flammermont J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – P. 190.

качественных перемен в салонной практике во Франции второй половины XVIII в. Расширение сети парижских салонов, приобщение представителей буржуазии к салонной культуре, изменение социального и профессионального состава участников встреч свидетельствует о структурных изменениях, происходивших во французском обществе в преддверии Французской революции XVIII в.

3.2. Тематика салонных бесед

Трансформация салонной культуры во второй половине XVIII в. под влиянием новой общественно-политической обстановки, сложившейся во французском государстве, проявлялась не только в изменении численности и социальной базы французских салонов, но и в расширении тематики бесед. Одной из центральных тем салонного общения становится политика. Так, мадам дю Деффан в своем письме к аббату Бартелеми указывает, что политика является предметом парижских разговоров наряду со спектаклями, новыми книгами и скандальной хроникой²⁹¹.

Для обозначения светского салонного общения, касающегося политических вопросов, в мемуарной литературе второй половины XVIII в. используется специальный термин «politiquer»²⁹². Это свидетельствует об актуальности и повсеместном включении политической информации в тематику парижских салонных бесед.

Важно отметить, что между изменением социального состава посетителей салонов и расширением тематики салонных разговоров существовала прямая взаимосвязь. Активное участие в деятельности парижских салонов второй половины XVIII в. известных французских политических деятелей предопределило включение политических вопросов в

²⁹¹ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 148.

²⁹² Larousse P. Op. cit. – Т. 12. – 1874. – P. 1308.

салонные беседы. Фактически государственные, военные, церковные деятели являлись носителями актуальной политической информации.

Анализ эпистолярного наследия наиболее известных и влиятельных хозяек французских салонов, маркизы дю Деффан, мадам Жоффрен, мадемуазель де Леспинас, позволяет выделить следующие темы обсуждений:

1. *Отставки и назначения на должности.* Наибольший интерес у посетителей парижских салонов вызывали кадровые вопросы. Предполагаемые и свершившиеся назначения/отставки чиновников, военных, церковнослужителей являлись предметом разговоров и дискуссий во время салонных встреч. Так, салон Ж. де Леспинас уже на следующий день после отставки обсуждал ссылку герцога д'Эгийона (бывшего государственного секретаря по иностранным делам). Высказывалось удивление в отношении строгости королевского решения, поскольку Эгийон, куда был сослан герцог, находился далеко от Парижа (200 лье). Отмечалось также, что это событие благосклонно восприняли друзья герцога де Шуазеля (государственный секретарь по иностранным делам 1758-1761 гг., 1766-1770 гг.), поскольку надеялись на решение о его возвращении ко двору²⁹³. Таким образом, при обсуждении конкретных кадровых перестановок во французском государстве нередко затрагивались более глубокие вопросы, касающиеся, в частности, борьбы политических группировок за влияние и власть при дворе.

2. *Противостояние королевской власти и парламентов.* Одним из основных факторов, дестабилизирующим внутривластную обстановку во Франции второй половины XVIII в., были выступления французских парламентов, развязавших открытое противостояние с королевской властью. Оно характеризовалось чередованием периодов конфронтации и относительно мирного сосуществования. Требования (расширение полномочий, сохранение сословных привилегий) и действия магистратов, а

²⁹³ Lespinasse J. de. Lettres inédites de mademoiselle de Lespinasse à Condorcet, à d'Alembert, à Guibert, au comte de Crillon / par Ch. Henry. – Paris: E. Dentu, 1887. – P. 162.

также реакция королевской власти активно обсуждались в парижских салонах.

Данная тема часто поднималась в салоне мадам Жоффрен, судя по ее переписке с польским королем Станиславом Понятовски. Основное внимание хозяйка известного парижского салона акцентировала на событиях 70-х гг. XVIII в., связанных с проведением канцлером де Мопу судебной реформы.

По мнению мадам Жоффрен и ее гостей, причиной роспуска старых парламентов были слабость характера короля Людовика XV и личная ненависть канцлера де Мопу²⁹⁴. Она отмечала, что Людовик XV был умным, хорошо ориентировался в государственных делах, но испытывал равнодушие к своему положению и слабость в отношении своего окружения. Это и стало причиной всех «невзгод» Франции. «Слабость характера – это море, в котором тонут достоинства и таланты»²⁹⁵. Таким образом, мадам Жоффрен описывает характер короля Людовика XV с определенной долей сочувствия, уважения, при этом кардинально меняет тон своего повествования, рассказывая о канцлере де Мопу. При характеристике его личности она употребляет крайне унижительные словосочетания: «ничтожный человек», «дрянная душонка». По ее словам, он мстил, руководствуясь личной обидой, поскольку в свое время, будучи членом одного из парламентов, испытывал ненависть и презрение со стороны своих коллег. Для достижения своих целей он сначала добился должности канцлера, воспользовавшись влиянием герцога де Шуазеля. Потом, вступив в сговор с герцогом д'Эгийоном (ярким противником парламентов) и мадам дю Барри (фавориткой короля Людовика XV), он добился ссылки герцога де Шуазеля (сторонника парламентов) и разогнал парламенты²⁹⁶. Таким образом, мадам Жоффрен объясняет роспуск парламентов сугубо субъективными причинами,

²⁹⁴ Poniatowski Stanislas II Auguste, Geoffrin M.-T. Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764-1777) / par Ch. de Moüy. – Paris: E. Plon et Cie, 1875. – P. 482.

²⁹⁵ Ibid. – P. 478.

²⁹⁶ Ibid. – P. 483.

пренебрегая политическим фактором, заключающемся в борьбе между королевской властью и парламентами за полномочия и сословные привилегии.

По словам Марии Жоффрен, поводом для роспуска парламентов и ссылки всех членов в «отвратительные места, где большинство умерло из-за отсутствия помощи»²⁹⁷, послужил их отказ регистрировать «позорный» указ от 27 ноября 1770 г., который прекращал правосудие по политическим мотивам, запрещал парламентам устанавливать связи между собой и подавать друг за другом в отставку²⁹⁸. Конечно, мадам Жоффрен, описывая это событие, очень сгущала краски, пытаясь показать весь, на ее взгляд, драматизм ситуации. Это касается, прежде всего, ссылки членов парламентов, поскольку большинство из них не погибло, а вернулось в кресла членов парламентов уже при Людовике XVI.

В своей переписке мадам Жоффрен использует понятия «старый парламент» (существующий с XII в.), который отличался «благородством души»²⁹⁹ и «новый парламент», созданный в 1771 г. канцлером де Мопу, «гнусный», «сформированный из всех отбросов Парижа»³⁰⁰. При характеристике их деятельности хозяйка парижского салона указывает, что «старый парламент совершал ошибки по отношению к королю и обществу, но эти ошибки заслуживают наказания только в виде выговора». «Новый парламент» же принимал «недостойные решения», которые принесли большие «несчастья» обществу. По ее словам, вследствие такой деятельности и реноме дворянские семьи больше не хотели отдавать своих детей в «печально известный» судебный орган³⁰¹.

В целом, судя по оценочным суждениям мадам Жоффрен в отношении событий 1770-1771 гг., можно констатировать тот факт, что ее салон был оппозиционно настроен по отношению к королевской власти, приняв сторону

²⁹⁷ Ibid.

²⁹⁸ Ibid. – P. 484.

²⁹⁹ Ibid.

³⁰⁰ Ibid. – P. 483.

³⁰¹ Ibid.

парламентов. Именно поэтому с большой радостью мадам Жоффрен восприняла решение Людовика XVI вернуть прежний порядок и восстановить в правах «старые парламенты». «Эта церемония прошла с большим достоинством со стороны короля и довольством со стороны народа»³⁰². При этом следует отметить, что обвинения в нарушении прав парламентов выдвигались в первую очередь канцлеру де Мопу, а не королю. То есть вся ответственность за события 1770-х гг. возлагалась на представителей исполнительной власти, а король виновен лишь тем, что был зависим от своего окружения. Это могло быть связано с верой в образ добродетельного короля, сопереживающего и действующего в интересах своего народа. В подтверждение этому приведем слова Вольтера: «А кроме всего прочего это был король, – в чем мы, по слабости человеческой, всегда находим нечто для нас соблазнительное»³⁰³.

3. *Королевские указы.* В своем письме, датированном 28 июня 1771 г., хозяйка парижского салона мадам дю Деффан подчеркивала, что выпущенные королевской властью указы являлись актуальной темой салонных разговоров: «Больше не говорят о канцлере. У нас каждый день новые эдикты; они едва ли не новость дня»³⁰⁴.

Как правило, салонные разговоры касались только тех королевских указов, которые затрагивали права и привилегии дворянства (прежде всего фискальные). Это было продиктовано заботой аристократии о своем финансовом благополучии и отстаиванием узкословных интересов в условиях противостояния, развернувшегося между королевской властью и привилегированными слоями общества. Дело в том, что в поисках новых источников пополнения казны и погашения государственного долга вследствие ведения Францией постоянных военных действий на внешней арене, королевская администрация неоднократно предпринимала попытки ввести всеобщее налогообложение. Такие действия вызывали осуждение,

³⁰² Ibid. – P. 478.

³⁰³ Вольтер Ф.М. Указ. соч. – С. 257.

³⁰⁴ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 4.

резкую критику, а порой и сопротивление (вплоть до полного отказа от выполнения принятых законов) со стороны привилегированных сословий. Мадам Жоффрен, например, с определенной долей скептицизма характеризует предложенные в марте 1776 г. генеральным контролером финансов Тюрго преобразования фискальной системы Франции. С одной стороны, она описывает короля как «совершенно честного человека» с «добрейшими» намерениями, а министров – как «добродетельных», умных и просвещенных личностей. С другой стороны, она высказывает сомнение в отношении их дальнейшего плана действий (смогут ли они построить что-то новое на «руинах»). В заключении Мария Жоффрен пессимистично замечает: «Молодой предается иллюзиям, старый ждет»³⁰⁵.

4. *Король и королевская семья.* В условиях достаточно замкнутого образа жизни французских королей, а также отдаленности двора от Парижа важное значение приобретает обсуждение в салонах новостей, касающихся личной жизни короля и членов его семьи, причем до мельчайших деталей. Так, английский писатель Х. Уолпол рассказывает, что во время ужина у мадам дю Деффан зачитывали бюллетень о состоянии здоровья Дофина, который каждый день составляли врачи. Английского писателя очень удивил тот факт, что distinguished гости подробно и с большим интересом обсуждали эту информацию³⁰⁶.

5. *Проекты политических преобразований.* На фоне обострившихся во второй половине XVIII в. глубоких кризисных явлений во французском государстве, салон становится местом, где обсуждались проекты справедливого общественного и государственного устройства Франции. Это связано с деятельностью целой плеяды философов-просветителей. Критикуя исторически сложившиеся и фактически существующие во Франции политические, общественные, религиозные институты и отношения, они создавали, а также обосновывали модели нового

³⁰⁵ Poniatowski Stanislas II Auguste, Geoffrin M.-T. Op. cit. – P. 499.

³⁰⁶ Walpole H. Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775) / par Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – P. 75-76.

государственного и социального устройства французского государства, основываясь на принципах рационализма и свободомыслия. Вольтер, Руссо, Дидро, д'Аламбер были активными участниками салонных встреч Ж. де Лепинас, маркизы дю Деффан, графини де Буффле, герцогини Люксембургской, мадам де Графини, мадам Жоффрен, мадам Неккер. Гольбах и Гельвеций, в свою очередь, организовали в собственных парижских резиденциях салоны, которые регулярно посещали французские и иностранные ученые и философы.

Обсуждение вопросов социального равенства, религиозной веротерпимости, прав и свобод граждан свидетельствует о том, что шел процесс формирования идеологической основы Французской революции. Например, в салонах герцогини Люксембургской и графини де Буффле активно обсуждались достаточно реакционные общественно-политические идеи, которые были сформулированы Ж.-Ж. Руссо в романах «Юлия, или Новая Элоиза», «Эмиль, или О воспитании», трактате «Общественный договор». Кстати сказать, в будущем многие из них легли в основу взглядов и убеждений французских революционеров³⁰⁷.

В мемуарах Жан-Жак вспоминает, что наибольшее впечатление на герцогиню Люксембургскую произвел его роман «Юлия». «Герцогиня увлеклась «Юлией» и ее автором; она говорила только обо мне, занималась только мной, осыпала меня любезностями, обнимала по десять раз на день. Она пожелала, чтобы мое место за столом было всегда рядом с нею, и когда некоторые вельможи хотели занять его, она говорила, что оно принадлежит мне, и сажала их на другое место»³⁰⁸. Удачно выбранная Руссо литературная форма произведения, актуальность нравственно-религиозной проблематики, требование реформ предопределили его широкую популярность во французском высшем обществе.

³⁰⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – Р. 53.

³⁰⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 469.

Идеи реформирования старого порядка, озвученные Ж.-Ж. Руссо в салонах герцогини Люксембургской и графини де Буффле, быстро распространялись и активно обсуждались во французском обществе³⁰⁹. Помимо положительных отзывов, встречается и критическое к ним отношение. В одном из своих писем, адресованных хозяйке популярного парижского салона маркизе дю Деффан, герцогиня де Шуазель (супруга государственного секретаря по иностранным делам) отмечает, что Ж.-Ж. Руссо, как и ряд других философов, пытается растолковать французам, что такое добродетель, рассуждая в своих произведениях о «хорошей и плохой морали, происхождении страстей, предрассудках, нравах и подобном бреде». При этом она добавляет, что его идеи могут иметь опасные последствия³¹⁰. Особенно опасна, по мнению герцогини, критика предрассудков, принятых во французском обществе, поскольку они являются «единственным тормозом нравов»³¹¹. Герцогиня обвиняет Жан-Жака в попытках полностью разрушить общественно-политический строй Франции. «Правительства также основаны на правах и законах, уничтожив одно или другое, вы разрушите систему»³¹². Не ограничиваясь критикой идей, герцогиня обращает свое внимание на личность Руссо. По ее мнению, если Жан-Жак не осознает свои заблуждения, то он не может считаться философом, а следовательно, не имеет права наставлять народ, если же действует сознательно, то он – ничтожество, которое, призывая к уничтожению мелких недостатков, навлечет «большое зло», от которого будет страдать весь народ³¹³. Под «большим злом» следует понимать уничтожение старого порядка во Франции. При этом желание философа все уничтожить ради исправления общественных предрассудков для мадам де Шуазель сравнимо с намерением «отрезать голову человеку, чтобы удалить

³⁰⁹ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 59.

³¹⁰ Ibid. – P. 54.

³¹¹ Ibid. – P. 55.

³¹² Ibid.

³¹³ Ibid.

несколько седых волосков»³¹⁴. Более того, герцогиня обрисовала в своем письме механизм влияния просветительских идей на общественное мнение и жизнь всего государства. Так, по ее словам, распространение «крамольных» сочинений означает «внести смуту в общество, в конце концов поднять знамя восстания в собственной стране, раздуть огонь раздора между гражданами, вооружить их друг против друга»³¹⁵.

Герцогиня де Шуазель также добавляет: «Использование ума в ущерб общественному порядку одно из самых больших злодеяний»³¹⁶. Настоящий же гражданин, по ее словам, должен «своим умом и талантами» служить стране, а не «писать об общественном договоре, чтобы заставить нас не доверять легитимности правительства и обременить нас тяжестью цепей, которые мы не успели еще почувствовать»³¹⁷. В конце своего письма мадам де Шуазель, обращаясь к маркизе дю Деффан, спрашивает: «Не думаете ли вы, читая эти слова: общество, правительство, мораль, законы, общественный договор и т.д., что слышите графиню де Буффле?»³¹⁸. Этот риторический вопрос свидетельствует о популярности идей Ж.-Ж. Руссо в определенных кругах великосветского французского общества, в частности, сюда можно отнести группу принца де Конти, к которой принадлежала графиня де Буффле, а также, вероятно, группу супругов герцога и герцогини Люксембургских, которые покровительствовали философу. Маркиза дю Деффан, регулярно посещающая салоны графини де Буффле и герцогини Люксембургской, все же поддержала герцогиню де Шуазель в ее оценках Ж.-Ж. Руссо и его творчества. Причем ее позиция была куда более реакционной. Она предлагала государственному секретарю по иностранным делам герцогу де Шуазелю, т.е. человеку, обладающему властью и влиянием во Франции, обратить внимание генерал-лейтенанта полиции господина де Сартин на Ж.-

³¹⁴ Ibid.

³¹⁵ Ibid. – P. 54.

³¹⁶ Ibid. – P. 55.

³¹⁷ Ibid. – P. 56.

³¹⁸ Ibid.

Ж. Руссо и его произведения³¹⁹. Сложно объяснить причины такого крайне негативного отношения мадам дю Деффан к Руссо. Нам представляется, что речь идет не только о слепом потакании своим влиятельным друзьям, но и имеет место также предвзятое отношение со стороны маркизы, вызванное личной обидой. Ж.-Ж. Руссо в своих мемуарах попытался объяснить причины ненавистного отношения мадам дю Деффан к нему. Он указывает, что после знакомства очень заинтересовался маркизой (т.е. посещал ее салон, охотно общаясь с ней), однако впоследствии самовольно отдалился от нее. Жан-Жак отмечает, что его отвернули от маркизы «ее образ жизни, столь противоположный моему (я вставал почти в тот час, когда она ложилась спать); ее безудержная страсть к пустому остроумию; значение, придаваемое ею, в хорошем или в дурном смысле, всякому появившемуся грязному пасквилю; исключительная пристрастность, не позволявшая ей говорить ни о чем уравновешенно и спокойно; невероятные предрассудки, непреодолимое упрямство, нелепое сумасбродство, до которого доводила ее упорная предвзятость суждений»³²⁰. При этом, по словам Руссо, он осознавал все риски, связанные с его решением, поскольку женщина с подобным характером может быть опасна. Однако «я все же предпочел бич ее ненависти бичу ее дружбы», – пишет Жан-Жак³²¹. Получив письма маркизы дю Деффан с предложением обратиться в полицию, герцогиня де Шуазель ответила: «Если во все времена не могли запретить писать и говорить против правительства, если королева-мать, всемогущая во время своего регентства, вынуждена была прекратить преследование авторов пасквилей и плакатов, чтобы заставить о них забыть, как вы хотите остановить перо маленького измазанного автора, который жаждет известности, оскорбляя честь прославленного имени»³²². Сложно сказать, почему герцогиня, имевшая представление о степени влияния просветительских идей на общественное

³¹⁹ Ibid. – P. 73.

³²⁰ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 497.

³²¹ Там же.

³²² Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 74.

мнение, а впоследствии и на события в стране, предлагала никак не реагировать на распространяющиеся во французском обществе достаточно радикальные идеи Ж.-Ж. Руссо. Тем более удивительна ее реакция, если учесть, что она представляла лагерь власти, будучи супругой влиятельного государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля. Скорее всего, имеет место простая недооценка с ее стороны. Поглощенная интригами внутри лагеря власти, она не рассчитывала, что столь реакционные и абсолютно иррациональные предложения Руссо получат широкую популярность как среди простого народа, так и среди представителей высшего общества.

В целом политические новости, обсуждаемые в парижских салонах, касаются жизни исключительно французского высшего общества. На первый план выходят вопросы, связанные с положением дворянского сословия, актуализированные попытками королевской власти ограничить его права и привилегии.

Политическая информация циркулировала в салонах в формах светского рассказа (*récit*), забавного случая/шутки (*anecdote*) или песни (*chanson*). С одной стороны, такие формы продиктованы легкой и непринужденной манерой светского общения. С другой же стороны, они отражали и могли раскрыть во время салонного общения политическую позицию того или иного гостя.

Наиболее популярной формой представления политических новостей в салонах был рассказ. Эта форма несла в себе больший объем информации и глубокую смысловую нагрузку по сравнению с другими, служащими скорее для публичной демонстрации своих интеллектуальных способностей и развлечения респектабельной публики. Так, переписка Ж. де Леспинас с маркизом де Кондорсе, охватывающая 1769-1776 гг., включает множество

коротких заметок о политических новостях, которые она имела возможность обсудить с гостями своего салона³²³.

Еще со времен античности высоко ценилось умение искрометно шутить. Важно, чтобы шутка была уместной, то есть пришлась кстати в обстановке общего разговора, в ответ на чей-либо вопрос или насмешку, а не оказалась заранее приготовленной. О мере в смешном сообщает еще Аристотель: «Те, кто в смешном переступают меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и скорее стараются вызвать смех, чем сказать [нечто] изящное, не заставив страдать того, над кем насмеваются. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными»³²⁴. Примером использования данной формы представления политической информации может служить достаточно саркастическая шутка маркиза де Мирабо, сказанная им в салоне графини де Рошфор. В условиях затянувшейся войны, отставки двух министров при посредничестве мадам де Помпадур (графа д'Аржансона и графа де Машо), изгнания парламента, финансовых трудностей, он предложил герцогу де Нивернуа, который в качестве чрезвычайного посла не смог помешать сближению Пруссии и Англии, резко порвать отношения с человечеством и уединиться в одиночестве³²⁵.

Обсуждаемые в салонах забавные случаи или истории также нередко имели политический подтекст. Так, об уровне взаимоотношений между королем Людовиком XV и государственным секретарем по иностранным и военным делам герцогом де Шуазелем, а также характере некоторых королевских поручений можно судить по истории, которую описала мадам дю Деффан в своем письме Х. Уолполу. От своих гостей, среди которых была герцогиня де Шуазель, во время ужина она узнала, что недавно король

³²³ Lespinasse J. de. Op. cit. – 408 p.

³²⁴ Аристотель. Никомахова этика. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1997. – С. 24.

³²⁵ Lomenie L., de. La Comtesse de Rochefort et ses amis. Étude sur les mœurs en France au XVIII siècle, avec des documents inédits. – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – P. 82.

поручил герцогу де Шуазелю лично и незамедлительно (глубокой ночью) вручить епископу Орлеана письмо. Срочность дела наводила высокопоставленного чиновника на мысль о важности информации, содержащейся в письме. Это могло быть, например, сообщение о смерти архиепископа Парижа или одного из епископов. Когда же письмо было открыто, то все присутствующие были крайне удивлены просьбой короля передать его дочерям знаменитый орлеанский котиньяк (мармелад) и обязательно в маленьких коробочках³²⁶.

В целом такая форма представления политической информации пользовалась небольшой популярностью среди гостей парижских салонов. Это было связано с тем, что шутки, касающиеся политических событий или деятельности отдельных государственных чиновников, могли иметь негативные последствия для их авторов (лишение занимаемой должности, арест, ссылка).

По тем же причинам во французских салонах редко циркулировала политическая информация в форме песен. В 1772 г. мадам дю Деффан, хозяйка известного и популярного во второй половине XVIII в. парижского салона, написала небольшую песню о двух высших государственных чиновниках королевской администрации – канцлере де Мопу и государственном секретаре по иностранным делам герцоге д’Эгийоне, которой она поделилась с герцогиней де Шуазель и аббатом Бартелеми:

*«Du chancelier, du d’Aiguillon
Lequel est le plus grand fripon,
Lequel perdra plus tôt sa place?
d’Aiguillon a pour lui la grace
Et demi-douzaine de sots.
Le chancelier a pour lui les dévots,
La soeur Louison et son audace».*

³²⁶ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 447.

В песне маркиза дю Деффан открыто называет главных действующих лиц мошенниками и задается вопросом, кто же из них первым лишится своей должности, имея при этом определенную поддержку³²⁷. Сарказм и ирония, которыми пропитаны слова этой песни, связаны с политической позицией мадам дю Деффан, которая отстаивала интересы партии герцога де Шуазеля (бывшего государственного секретаря по иностранным делам, который был отправлен в ссылку в результате сговора фаворитки короля мадам дю Барри, канцлера де Мопу и герцога д'Эгийона; последний, кстати, занял его пост).

Переживая из-за достаточно смелого с политической точки зрения текста песни, которая фактически высмеивала двух высших королевских чиновников, маркиза дю Деффан просила герцогиню де Шуазель и аббата Бартелеми никому ее не передавать³²⁸. Однако она настолько понравилась герцогине, что она ее спела своему супругу, а тот, в свою очередь, во время одного из приемов, устраиваемых в замке Шантлу, куда он был сослан. Песня была благосклонно воспринята присутствующими и получила «всеобщие аплодисменты»³²⁹. Этот опрометчивый поступок был крайне негативно воспринят мадам дю Деффан даже несмотря на заверения герцогини де Шуазель в том, что гостям не сообщили автора этой песни³³⁰.

В парижских салонах обсуждалась как достоверная политическая информация, ввиду активного участия в салонных встречах французских государственных деятелей, так и слухи, которые неоднократно то подтверждались, то опровергались. Например, в 1769 г. большой резонанс во французском высшем обществе вызвал слух о представлении мадам дю Барри ко двору. В политическом смысле это событие означало появление новой фаворитки короля (Людовик XV познакомился с Жанной дю Барри еще весной 1768 г.) и поражение государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля, поскольку графиня представляла

³²⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – Р. 163.

³²⁸ Ibid.

³²⁹ Ibid. – Р. 168.

³³⁰ Ibid. – Р. 174.

противоборствующую политическую группу. Маркиза дю Деффан в письме английскому писателю Х. Уолполу от 14 января 1769 г. сообщает: «Говорят, что завтра большой день, день, когда наряд может решить судьбу Европы, участь министров и т.д.»³³¹. Слух сначала уверял, потом опровергал это событие. «То, чего я опасалась, в среду не произошло, – пишет мадам дю Деффан, – но меч все еще подвешен»³³². В салонах ждали либо подтверждения, либо опровержения данной информации. И лишь 3 мая маркиза дю Деффан пишет: «Наконец то, чего так боялись, произошло. Я не знаю, каким будет продолжение»³³³.

Разговоры на политические темы в салонах заметно активизировались во время каких-либо значимых событий. Например, в 1765 г. Х. Уолпол, который часто посещал парижские салоны, будучи во Франции, пишет своему другу Ж. Селвину: «Процесс парламента Бретани и проект приговора для известного месье де Лашалотэ, приговора, против которого парламент Парижа разбушевался с неистовой силой, вот главная тема обсуждения»³³⁴. В данном отрывке из письма английского писателя идет речь об упоминавшемся нами ранее конфликте между парламентом Бретани во главе с генеральным прокурором Л.-Р. де Лашалотэ и губернатором герцогом д'Эгийоном, который являлся лишь частным проявлением противостояния королевской власти и парламентов во Франции.

Во второй половине XVIII в. салоном впервые была предпринята попытка выпуска и распространения небольших информационных листков, содержащих политические, литературные, театральные и светские новости. Это был салон мадам Дубле, открытый в квартире, которую она арендовала на протяжении сорока лет в монастыре Сестер Святого Тома³³⁵.

³³¹ Du Deffand M. Correspondance complète de la marquise du Deffand avec ses amis: le Président Hénault, Montesquieu, d'Alembert, Voltaire, Horace Walpole: En 2 vol. T. 1. / par M. de Lescure. – Paris: H. Plon, 1865. – P. 530.

³³² Ibid. – P. 535.

³³³ Ibid. – P. 530.

³³⁴ Walpole H. Op. cit. – P. 98.

³³⁵ Grimm F.M., Diderot D., Raynal G.-Th. Correspondance littéraire, philosophique et critique: En 16 vol. T. 9. / par M. Tourneux. – Paris: Garnier frères, 1879. – P. 318.

Хозяйка салона, Мария Анна Дубле, принадлежала к дворянской семье. Ее отец, Франсуа Лежандр, был господином де Брейпон, Лоре и Сен-Шерон и занимал должность откупщика. В 1698 г. она вышла замуж за Луи Дубле, интенданта торговли, секретаря приказов брата Людовика XIV, потом Регента. Овдовев и получив в распоряжение немалое состояние, она решила открыть салон. «На протяжении 60 лет она собирала в своем доме высшее общество двора и города»³³⁶.

Среди ее гостей были известные государственные и церковные деятели (президент второй следственной палаты Парижского парламента Ж.-Б.-Ф. Дюре де Меньер, аббат Шовелен), писатели (Мирабо, аббат Вуасенон, А. Пирон), ученые (Ж.-Ж. Дорту де Меран, братья Ла Кюри де Сен-Пале). Особую роль в салоне мадам Дубле занимал ее старый друг Л. П. де Башомон. Он руководил дискуссиями, которые разворачивались во время собраний.

По сообщению немецкого публициста Гримма, в салоне мадам Дубле основное внимание уделяли новостям, особенно политическим³³⁷. Суть и характер обсуждения политической информации имели, как правило, оппозиционную правительству и королевской власти направленность. Во время собраний на столе лежали две большие книги, в одну заносились достоверные новости, в другую – сомнительные (т.е. слухи). Каждый гость зачитывал привезенный с собой «листок дня», в котором были отмечены политические, литературные, театральные события, интересные истории из жизни двора или Парижа. Далее все присутствующие обсуждали услышанное и решали в какую книгу записать.

Слуги мадам Дубле переписывали эти новости и распространяли их в виде «Рукописного листка» в Париже, провинции, а благодаря посредничеству А.-Ж. Обри де Жюли и за границей (Германия,

³³⁶ Bachaumont L. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours, ou Journal d'un observateur: En 39 vol. T. 5. – Londres: John Adamson, 1780. – P. 265.

³³⁷ Grimm F.M., Diderot D., Raynal G.-Th. Op. cit. – P. 318.

Нидерланды)³³⁸. Так, аббат Вуасенон, пребывая на юго-западе Франции, в г. Котре, пишет мадам Фавар: «Я получил утром посылку, в которую вы мне положили бюллетень крестной, мадам Дубле. Я его буду беречь, как конфету, доставляющую удовольствие»³³⁹. Следует отметить, что желающие получить «Рукописный листок» должны были платить шесть, девять и двенадцать ливров в месяц³⁴⁰.

«Рукописный листок», выпускаемый салоном мадам Дубле, получил широкую популярность во Франции. Так, основанием для достоверности появившегося слуха служило заверение о распространении этой новости ее салоном³⁴¹.

Впоследствии роль слухов и сплетен будет особенно заметна в годы Французской революции³⁴².

Такая деятельность салона привлекла внимание полиции. Генерал-лейтенант Берье от имени государственного секретаря по военным делам д'Аржансона пытался повлиять на мадам Дубле. Он требовал, чтобы она запретила произносить в своем салоне, а затем распространять в обществе, оппозиционные королю и правительству мнения. Кроме того, она должна была, по словам полицейского, исключить из списка своих гостей тех, кто подобного рода информацию сообщает. Мадам Дубле обещала исполнить эти предписания, но реально ничего не предприняла³⁴³.

Далее последовала более жесткая реакция. Причиной этого послужила новость, которую сообщил салон мадам Дубле, о захвате врагами эскадры господина де Бленака. Сообщение вызвало возмущение не только в морском ведомстве, но и в министерстве иностранных дел, которое возглавлял герцог де Шуазель. Последний воспринял распространение этих слухов в обществе

³³⁸ Cogné A., Blond S., Montègre G. Les circulations internationales en Europe (1680-1780). – Paris: Atlande, 2011. – P. 246.

³³⁹ Favart Ch.-S. Mémoires et correspondance littéraires, dramatiques et anecdotiques de Ch.-S. Favart: En 3 vol. T. 2. / par A.P.Ch. Favart. – Paris: Léopold Collin, 1808. – P. 148.

³⁴⁰ Плещеев А.Н. Указ. соч. – С. 198.

³⁴¹ Vachaumont L. Op. cit. – P. 265.

³⁴² Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. – М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. – 468 с.

³⁴³ Плещеев А.Н. Указ. соч. – С. 199.

как прямую угрозу репутации морского министерства, которое возглавлял его двоюродный брат герцог де Праслин. Он послал начальнику полиции Берье письмо следующего содержания: «Я не мог не довести до сведения короля об этих непозволительных «новостях», идущих из лавочки моей возлюбленной тетушки; и его величество приказал мне поручить вам съездить к этой женщине и передать ей, что если из ее дома выйдет еще раз что-нибудь подобное, то король заключит ее в монастырь, откуда ей уже нельзя будет распространять свои дерзкие и несогласные с долгом верноподданничества «новости»³⁴⁴. Таким образом, мадам Дубле за деятельность ее салона грозило лишение свободы в виде заключения в монастырь. Это конечно достаточно мягкое наказание, поскольку за подобные проступки могли и в тюрьму посадить, особенно в условиях обострения отношений между Двором и парламентами.

Несмотря на все угрозы, мадам Дубле не испугалась, а даже расширила деятельность своего салона, путем увеличения количества приглашенных гостей, которые все смелее высказывали критику в адрес власти. Подруга мадам Дубле мадам д'Аржанталь, в свою очередь, увеличила число экземпляров «Рукописного листка».

В ответ на это полиция, продолжающая наблюдение за салоном, ввела в круг его гостей шпиона, писателя Ш. де Муи. Он должен был внимательно следить за всеми присутствующими во время салонных встреч и сообщать полиции их имена и суть высказываемых мнений. Так, в одном из своих доносов он сообщал: «Я не мог узнать имени одного высокого и толстого лакея, с полным лицом, в круглом парике и коричневом платье, который ходит каждое утро по домам, от имени своей госпожи, узнавать, что есть нового»³⁴⁵. В итоге, слуга, который служил секретарем ежедневных встреч, был арестован и заключен в тюрьму Фор-л'Евек.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. – С. 200.

Несмотря ни на что деятельность салона продолжилась и после отставки герцога де Шуазеля (1770 г.), вплоть до смерти его хозяйки, мадам Дубле, в 1771 г. Сведения из «Рукописных листков» легли в основу многотомных «Секретных мемуаров», охватывающих период с 1762 по 1787 гг.

Таким образом, деятельность салонов, тематика обсуждаемых вопросов демонстрируют хорошую информированность и включенность участников собраний во все важнейшие сферы жизни государства. В рамках салонных бесед происходил свободный обмен мнениями, а также предоставлялась возможность просвещенной элите и интеллигенции, согласовывая действия, оказывать влияние на решение ряда проблем.

Под влиянием обострившейся внутривластной обстановки во Франции второй половины XVIII в., в условиях изменения состава участников салонных встреч происходит включение политических вопросов в тематику салонных бесед. Фактически салоны выступали источником актуальной политической информации. В этом отношении, достаточно замкнутый образ жизни французского короля и высших чиновников, а также цензура печатных изданий лишь усиливали значимость салонов. Принадлежность салонов к дворянской культуре предопределила круг и характер рассматриваемых политических вопросов. Парижские салоны представляли собой также информационную площадку для обсуждения проектов преобразований французского государства, выдвинутых философами-просветителями. Примечательно, что во второй половине XVIII в. салоном, хозяйкой которого была мадам Дубле, впервые была предпринята попытка выпуска и распространения небольших информационных листков.

3.3. Социальная взаимозависимость в пространстве французского салона

Салон как неофициальное сообщество, объединяющее людей с разными социальными статусами, являлся пространством для поиска выгодных

знакомств. Речь идет об установлении в рамках французских салонов патрон-клиентских отношений. В силу особенностей общественно-политической системы Франции XVIII в. клиентелизм воспринимался как один из основных способов достижения личных целей. Французский дипломат маркиз де Бомбелль, описывая свое посещение летом загородных резиденций представителей высшего света Франции, когда светская жизнь перемещалась из столицы в провинцию, указывает: «Поездка по селам, расположенным недалеко от Парижа, – обязанность, которую следует выполнять; дело действительно утомительное, но необходимое для тех, кто вершит свою судьбу»³⁴⁶.

Патрон-клиентские отношения как отношения личные, частные основаны на разнице социальных статусов, неравенстве в обладании ресурсами, а также взаимовыгоде и взаимозависимости. В этих отношениях одна из сторон – патрон – оказывает другой стороне – клиенту – покровительство, открывая доступ к ресурсам и гарантируя защиту, при этом получая взамен лояльность и услуги³⁴⁷.

В мемуарах Ж.-Ж. Руссо можно найти множество подтверждений клиентарных отношений, установленных посредством посещения салонов. В 1756 г. мадам д'Эпине, хозяйка одного из парижских салонов, предоставила Руссо небольшой дом для проживания, расположенный в парке ее замка в Шевретте. Причем этот дом был практически заново построен специально для Жан-Жака на месте старой, сильно разрушенной сторожки. «Рука, приложившая свои заботы к этому убранству, делала его неоценимым в моих глазах, – писал Руссо в своих мемуарах, – и я находил восхитительным, что буду жить гостем у своего друга, в доме, нарочно выстроенном ею для меня»³⁴⁸. При этом, рассказывая о мадам д'Эпине, он добавлял: «У госпожи д'Эпине были чрезвычайно милые качества: она очень любила своих друзей, с большим усердием оказывала им услуги, не жалела для них ни своего

³⁴⁶ Bombelles M. Journal: En 2 vol. T. 2. / par J. Grassion, F. Durif. – Genève: Droz, 1982. – P. 159.

³⁴⁷ Burke P. History and social theory. – Cambridge: Polity Press, 1992. – P. 72.

³⁴⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 369.

времени, ни хлопот»³⁴⁹. Взамен французский философ должен был, по его словам, «отвечать ей вниманием»³⁵⁰, что на практике означало регулярное посещение ее салона. Он достаточно благосклонно воспринял эту обязанность сначала, впоследствии же, когда это стало мешать его планам, он изменил свое отношение. «В конце концов я понял, что наложил на себя цепи и что только дружба мешала мне почувствовать их тяжесть»³⁵¹. Мадам д'Эпине, осведомленная о том, что Ж.-Ж. Руссо не любит многолюдное общество, которое зачастую собиралось в ее салоне, предложила посещать ее, когда она будет оставаться одна или в компании одного-двух человек. «Я согласился, не сообразив, что я ходил к ней не в те часы, какие были удобны для меня, а в те, которые удобны ей, и я никогда не был уверен, что смогу располагать собой хоть один день. Я обнаружил, что обещанная мне свобода была мне дана лишь под условием, чтобы я никогда ею не пользовался»³⁵². Когда же Руссо решил отказаться от визита к мадам д'Эпине, «это вызывало столько посланий, записок, столько тревог о моем здоровье, что лишь ссылка на тяжелую болезнь – я видел это ясно, – могла избавить меня от необходимости бежать по первому зову. Пришлось подчиниться этому игу»³⁵³.

С точки зрения понимания сущности патрон-клиентских отношений, которые устанавливались в рамках парижских салонов, большой интерес представляет следующий случай. Когда мадам д'Эпине собиралась в Женеву к врачу Т. Троншену за консультацией, Ж.-Ж. Руссо, сославшись на недомогание, отказался ее сопровождать. Через несколько дней он получил записку от Дидро, ее друга и частого гостя ее салона, в которой значилось: «Узнал, что госпожа д'Эпине едет в Женеву, и не слышу, что вы ее сопровождаете. Друг мой, если вы довольны госпожой д'Эпине, надо ехать с ней; если недовольны, тем более надо ехать. Вас тяготит бремя ваших

³⁴⁹ Там же. – С. 375.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

обязательств по отношению к ней? Вот вам случай отчасти расплатиться и облегчить это бремя. Представится ли вам в жизни другой случай доказать ей свою признательность? Она едет в страну, где будет для всех чужой. Она больна, она будет нуждаться в том, чтобы ее развлекали и занимали»³⁵⁴. Отвергая жалобы Руссо на его самочувствие, Дидро пишет: «Но разве вам хуже теперь, чем было месяц тому назад и чем будет в начале весны? Совершите ли вы через три месяца это путешествие с большими удобствами, чем теперь? Что касается меня, то признаюсь вам, что если б я не мог перенести путешествие в карете, я взял бы палку и последовал за ней пешком»³⁵⁵. Наменяя на угрозу осуждения действий Руссо со стороны высшего общества, Дидро продолжал: «И потом, не опасаетесь ли вы, что ваше поведение будет дурно истолковано? Вас заподозрят или в неблагодарности, или в другом тайном побуждении»³⁵⁶. В конечном итоге эта ситуация стала одной из главных причин разрыва отношений мадам д'Эпине и Ж.-Ж. Руссо. Наменяя на ближайшее окружение мадам д'Эпине, Жан-Жак в своих мемуарах отмечал: «Мои враги, быть может, ждали этой жертвы, погубившей мою репутацию, и сумели извлечь из нее выгоду: в результате их усилий я лишился уважения общества»³⁵⁷. Эта фраза Руссо свидетельствует о существовании в системе патрон-клиент социальных механизмов контроля за исполнением личных обязательств. Отказ клиента от выполнения определенных услуг для патрона имел репутационные, материальные или политические риски.

После разрыва с мадам д'Эпине Ж.-Ж. Руссо, возобновив практику регулярного посещения салонов, достаточно быстро нашел новую покровительницу. Ею стала хозяйка одного из наиболее известных салонов Франции второй половины XVIII в. герцогиня Люксембургская. Будучи супругой маршала Франции, она обладала большим влиянием и

³⁵⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 430.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. – С. 434.

возможностями, чем мадам д'Эпине. Узнав, что дом, в котором проживал Жан-Жак, находился в аварийном состоянии, она предложила переселиться в ее замок в Монморанси или в отдельное здание, расположенное посреди парка, примыкавшего к замку, которое носило название «малый замок». «В этом-то уединенном здании мне предоставили на выбор одно из четырех жилых помещений... Я взял самое маленькое и простое, над кухней, которую тоже отдали мне»³⁵⁸.

В ответ Жан-Жак считал себя обязанным регулярно посещать ее салон. Эти посещения предполагали как индивидуальные встречи с герцогиней или ее супругом, так и участие в многолюдных салонных собраниях³⁵⁹.

Далее герцогиня Люксембургская предложила свою помощь в издании романа Руссо «Эмиль». Жан-Жак согласился, но при условии, что он будет напечатан за границей. По этому поводу между герцогиней и философом даже возник спор. «Я утверждал, – вспоминает Руссо, – что молчаливого разрешения добиться невозможно и даже просить об этом рискованно, а иначе печатать свою книгу в пределах королевства не соглашался; она утверждала, что при системе, принятой правительством, это не составит для цензуры ни малейшего затруднения»³⁶⁰. Жан-Жак боялся, что цензоры воспротивятся изданию его романа из-за изложенных в нем реформаторских идей. Герцогиня в ответ заручилась поддержкой господина Ламуаньона де Мальзерб, заведовавшего печатью. Он прислал Жан-Жаку письмо, в котором сообщал, что никаких препятствий со стороны цензоров при издании «Эмиля» не будет³⁶¹. Тем самым господин де Мальзерб давал понять, что книга им одобрена, и ее печатание фактически становилось законным. Таким образом, все опасения Руссо были развеяны и он передал герцогине рукопись своего романа, который впоследствии был напечатан и распространен в Париже.

³⁵⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 468.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. – С. 478.

³⁶¹ Там же. – С. 479.

Однако наиболее значимой для Ж.-Ж. Руссо была поддержка, оказанная ему герцогиней Люксембургской после опубликования романа «Эмиль». В своих мемуарах философ вспоминал: «Сперва довольно ловко стали распространять мнение, что, преследуя иезуитов, нельзя проявлять пристрастной снисходительности к книгам и авторам, нападающим на религию. Меня укоряли, зачем я поставил свое имя на «Эмиле»³⁶² (намек на то, что сочинение, содержащее критику устоявшихся в государстве и обществе порядков, следовало бы издавать анонимно во избежание преследования со стороны властей). С каждым днем слухи, касающиеся произведения Руссо, все больше усиливались. «Казалось, мое спокойствие раздражает публику, а в особенности парламент. Через несколько дней возбуждение достигло страшных размеров, и угрозы обратились непосредственно против меня. Членам парламента совершенно открыто заявляли, что нельзя ничего добиться сжигая книги, а надо жечь авторов»³⁶³.

В ситуации, когда под угрозой находилась не только свобода, но и жизнь, Ж.-Ж. Руссо, судя по его воспоминаниям, был твердо уверен в поддержке своей покровительницы (герцогини Люксембургской) и правительства (в лице цензора господина де Мальзерб) ³⁶⁴.

Впоследствии оказалось, что на расположение властей рассчитывать не приходилось, поскольку участниками заговора против Руссо были влиятельные при дворе лица (фаворитка короля мадам де Помпадур, государственный секретарь по иностранным делам герцог де Шуазель), поддерживаемые Парижским парламентом³⁶⁵.

В этой ситуации герцогиня Люксембургская не отступилась перед лицом достаточно серьезного противника. Задействовав все свои социальные связи (например, с принцем де Конти, графиней де Буффле), она стала отстаивать интересы Руссо при дворе. Однако, справедливости ради, следует

³⁶² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 514.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. – С. 512, 515.

³⁶⁵ Там же. – С. 522.

отметить, что в этом деле герцогиня не только выполняла свои обязанности как покровитель в отношении своего клиента, но и в определенной степени стремилась обезопасить также и себя. Ведь в случае, если бы Руссо был арестован, он мог назвать ее в числе своих сторонников, тем самым скомпрометировав ее. И ее опасения были не безосновательны, судя по словам самого Руссо: «Чувствуя в себе достаточно мужества, чтобы всегда говорить одну только правду, как бы она мне не вредила и ни губила меня, я не находил в себе ни присутствия духа, ни достаточной ловкости, а может быть, и достаточной твердости, и опасался скомпрометировать ее, если на меня будет оказано сильное давление»³⁶⁶.

В конечном итоге, когда, по словам принца де Конти, «удар нельзя было отвести», ведь в расправе над Руссо были заинтересованы и двор, и парламент, герцогиня и ее супруг уговорили Руссо покинуть Париж³⁶⁷. При этом было получено обещание, что Жан-Жака в случае его отъезда не будут преследовать³⁶⁸.

Все расходы по переезду они взяли на себя, при этом продумав все до мельчайших деталей. Так, для того, чтобы не отмечаться у коменданта Лиона, герцогиня Люксембургская написала господину де Вильруа, в ведении которого находился этот город, письмо с просьбой освободить Руссо от этой обязанности³⁶⁹. Таким образом, из воспоминаний Ж.-Ж. Руссо следует, что во французском обществе прочно укоренился обычай покровительства. Особенно среди хозяев и посетителей салонов.

Посещение салонов и поиск влиятельных покровителей становится фактически обязанностью людей, которые стремились реализовать свои профессиональные амбиции. В этом отношении наглядным примером может служить Франсуа Иоаким Пьер де Берни и его молниеносная карьера. Благодаря своей красоте, блестящему уму, рассудительности, богатой

³⁶⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 517-518.

³⁶⁷ Там же. – С. 518.

³⁶⁸ Там же. – С. 517.

³⁶⁹ Там же. – С. 521.

фантазии, неустанной живости он получил доступ в парижские салоны³⁷⁰. Качества светского человека, приумноженные литературным талантом, сделали его «модным» в высшем французском обществе. Сам господин де Берни в своих мемуарах, вспоминая тот период своей жизни, пишет: «Я там стал тем, кого называют в свете любимчиком. Нужно было заранее позаботиться о том, чтобы пригласить меня на ужин»³⁷¹. Ж.-Ж. Руссо отмечал: «Молодой человек со сносной наружностью, являющийся в Париж и привлекающий к себе внимание талантами, может быть уверен в хорошем приеме»³⁷².

Уже в двадцать лет де Берни посещал общества влиятельных французских государственных деятелей: Ж.-Б. Кольбера, маркиза де Торси (государственный секретарь по иностранным делам 1696-1715 гг.), М. де Полиньяка (кардинал, дипломат, член Французской академии), А.Ф. д'Агессо (адвокат, генеральный прокурор парижского парламента, член Французской академии)³⁷³.

Первый его успех на пути продвижения по карьерной лестнице связан с посещением салона в отеле де Бранка. Там он нашел влиятельных покровителей в лице хозяев. Используя их поддержку, Франсуа Иоаким Пьер де Берни становится претендентом в члены Французской академии³⁷⁴. Однако в это же время салон мадам де Тансен выдвинул свою кандидатуру на вакантное место. В конечном итоге в двадцать девять лет Пьер де Берни избирается во Французскую академию благодаря помощи «хороших компаний Парижа и Версаля»³⁷⁵.

Имея большие политические амбиции и опасаясь ограничения своей литературной репутации, Пьер де Берни редко принимал участие в заседаниях академии, называя ее «смехотворным пространством». Более

³⁷⁰ Bernis F.-J. de Pierre de. Op. cit. – Т. 1. – 1903. – P. 33.

³⁷¹ Ibid. – P. 36.

³⁷² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 268.

³⁷³ Bernis F.-J. de Pierre de. Op. cit. – P. 35.

³⁷⁴ Hénault Ch.-J.-F. Op. cit. – P. 208.

³⁷⁵ Bernis F.-J. de Pierre de. Op. cit. – P. 88.

того, слишком тесная взаимосвязь с писателями являлась для него «источником опасности», который необходимо избегать³⁷⁶. Следует отметить, что Пьер де Берни противился своему причислению к сообществу писателей: «это игра для меня, а не работа. В глубине души я мало ценил свои произведения»³⁷⁷. Поэтические произведения, легко и охотно воспринимаемые французским высшим обществом, скорее были призваны создать репутацию блестящего и незаурядного ума их автора, которую впоследствии можно было использовать для вхождения в «свет» (в частности, для посещения салонов) с целью удовлетворения личных амбиций посредством протекционных связей. Пьер де Берни вообще не считал литературное творчество серьезным делом, напротив, пытался постепенно приучить французское общество к восприятию его как умного человека, единственными занятиями которого были история, политика и мораль. Человека, способного решать важнейшие социо-политические вопросы³⁷⁸.

Став членом Французской академии, он продолжал посещать парижские салоны в поисках влиятельных покровителей. Так, во время ужина у мадам д'Аржанталь он познакомился с герцогиней де Роган, связь с которой, по существующим во французском высшем обществе обычаям, придала ему большую известность³⁷⁹. Кроме того, герцогиня познакомила его с господином д'Аржансоном, известным французским государственным деятелем, в лице которого он получил влиятельного друга.

Однако судьбоносным для Пьера де Берни оказалось посещение салона графини д'Эстрад, где он познакомился с маркизой де Помпадур. Достаточно подробно он описывает в своих мемуарах первые встречи с маркизой, которая, по его заверению, неоднократно приглашала посетить ее общество и получала отказ. Только сообщение о том, что она являлась фавориткой Людовика XV, побудило Пьера де Берни согласиться на ее предложение о

³⁷⁶ Ibid. – P. 91.

³⁷⁷ Ibid. – P. 37.

³⁷⁸ Ibid. – P. 125.

³⁷⁹ Hénault Ch.-J.-F. Op. cit. – P. 209.

дружбе³⁸⁰. Конечно, очень амбициозный и решительный Пьер де Берни лукавит, когда говорит о том, что не знал о статусе мадам де Помпадур, что долго сомневался и советовался с друзьями, прежде чем завязать с ней дружеские отношения. Вообще, он упорно настаивает и неоднократно замечает, что посещал салоны высшего общества с целью поиска друзей, а не покровителей. Протекционизм же вызывает у него только пренебрежение³⁸¹. Вероятнее всего, это связано с тем, что он хотел объяснить свой карьерный рост только личными заслугами, а не светскими связями. Хотя в ходе описания своих посещений общества маркизы де Помпадур, в которое входил узкий круг лиц, в том числе и король Людовик XV, Пьер де Берни указывает, что решил только ее одну, своего друга, использовать для карьеры³⁸².

Маркиза де Помпадур представила Пьера де Берни королю, который, в свою очередь, назначил ему квартиру в Тюильри и пенсию в 1500 ливров.

Современники отмечают, что именно благодаря протекции мадам де Помпадур Пьер де Берни был назначен послом Франции в Венецию (1752-1755 гг.), вернувшись, стал членом Королевского совета (1757 г.), затем государственным секретарем по иностранным делам (1757-1758 гг.) и в конечном итоге получил шляпу кардинала (1769 г.)^{383 384}.

Президент Парижского парламента Ш.-Ж.-Ф. Эно указывает: «Его желания увеличивались, а надежды возрастали пропорционально росту влияния его протектрисы»³⁸⁵. Образумить и умерить его политические амбиции пытался граф д'Аржансон, который, узнав о планах Пьера де Берни войти в состав Королевского совета после окончания дипломатической миссии в Венеции, заметил: «Вы спешите; необходимо иметь опыт, чтобы получать места по признанию общественности и сделать их стабильными».

³⁸⁰ Bernis F.-J. de Pierre de. Op. cit. – P. 110.

³⁸¹ Ibid. – P. 36.

³⁸² Ibid. – P. 118.

³⁸³ Hénault Ch.-J.-F. Op. cit. – P. 209-210.

³⁸⁴ Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Op. cit. – P. 95, 200.

³⁸⁵ Hénault Ch.-J.-F. Op. cit. – P. 209.

Также граф д'Аржансон посоветовал ему получить дипломатический опыт, прежде чем претендовать на высокие государственные должности³⁸⁶. Таким образом, используя салоны для поиска выгодных знакомств, Пьер де Берни нашел влиятельного покровителя в лице фаворитки короля, мадам де Помпадур, и благодаря ей фактически за десять лет добился наивысшего успеха в построении своей политической карьеры.

Нередко протекция патрона была направлена не только на конкретного человека (родственника или «идейного соратника»), но и распространялась (самовольно или по просьбе) на членов его семьи или его друзей. В таком случае имя клиента служило рекомендацией для оказания услуг. А. Морелле, например, указывает в своих мемуарах, что благодаря директору финансов Ж. Неккеру его брат, Жан-Франсуа, получил в 1778 г. выгодную должность в управлении Доменами. Аббат отмечал, что Неккер продолжал «поручаться» за него, даже несмотря на то, что он перестал посещать его салон³⁸⁷. В свою очередь, маркиз де Мирабо в конце 1760-х гг. усердно посещал собрания, организованные в доме известного военного деятеля, будущего маршала герцога де Ноай в Сен-Жермене, в надежде получить назначение на выгодную должность его младшего сына, а возможно, и «непослушного» старшего. Ему даже пришлось оправдываться за это перед графиней де Рошфор, хозяйкой салона, который он регулярно посещал более десяти лет. Он указывал, что для него имеет смысл использовать в личных целях исключительное отношение герцога к его персоне³⁸⁸.

Характерной чертой патрон-клиентских отношений является предоставление взаимных услуг друг другу, оказываемых, как правило, на добровольных началах. Хотя, как мы уже выяснили, в случае невыполнения взятых на себя обязательств к одной из сторон применялись определенные

³⁸⁶ Ibid.

³⁸⁷ Morellet A. Mémoires inédits de l'abbé Morellet, ... sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution: En 2 vol. T. 1. / par M. Lémontey. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1822. – P. 162.

³⁸⁸ Mirabeau, marquis de. Lettre du marquis de Mirabeau à la comtesse de Rochefort, 9 août 1767 // Lomenie L., de. La Comtesse de Rochefort et ses amis: Étude sur les mœurs en France au XVIIIe siècle, avec des documents inédits. – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – P. 96.

способы принуждения, в частности, общественное порицание. Заинтересованность клиента в патронате объясняется стремлением к получению материальной выгоды и защиты. Покровитель преследует другие цели. По мнению М.Н. Афанасьева, обеспечивая доступ к более широким рынкам ресурсов, патрон подтверждает свой авторитет и влияние³⁸⁹.

В целом, во Франции XVIII в. протектирование являлось средством формирования репутации светского человека. Особенно это было актуально для представителей материально обеспеченной и политически бесправной буржуазии, стремящихся получить доступ в высшее французское общество. Ярким примером в этом отношении является Жак Неккер [Рис. 9]. Ввиду широкого распространения обычая протектирования в салонной культуре, богатый швейцарский финансист и его супруга открыли в особняке Леблан на улице де Клеры салон. Салонные встречи проводились регулярно, каждую пятницу. По свидетельству аббата Морелле, выбор дня был продиктован необходимостью избежать конкуренции с «понедельниками и средами мадам Жоффрен, вторниками Гельвеция, четвергами и воскресеньями барона Гольбаха»³⁹⁰. За помощью в организации и проведении встреч Сюзанна Неккер, жена Жака Неккера, обратилась к известным французским писателям: Мармонтелю, Рейналю и Морелле. Эта троица составила основу литературного общества³⁹¹.

Ведущая роль в салоне была отведена хозяйке дома – Сюзанне Неккер. Жак же представал в образе ее благородного и просвещенного супруга. Это позволило скрыть от широкой общественности его реальные политические цели и амбиции. Однако ближайшее окружение Неккеров адекватно и прагматично оценивало их действия. Мармонтель, например, указывает в

³⁸⁹ Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1997. – С. 77.

³⁹⁰ Morellet A. Op. cit. – P. 154.

³⁹¹ Ibid.

своих мемуарах, что главной заботой С. Неккер всегда была политическая карьера ее мужа³⁹².

Со временем под влиянием репутации салона, созданной писателями и философами, состав его гостей расширяется за счет включения влиятельных политических и общественных деятелей, а также иностранных дипломатов. Таким образом, салон выходил на качественно новый уровень, позволявший его хозяевам реализовывать более серьезные задачи. Неккеры отвергали однополярную политическую ориентацию, отдавая предпочтение ситуативным союзам с представителями разных политических групп. Так, активными участниками салонных встреч стали маркиза дю Деффан, Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен, маркиза де Ла Ферте-Эмболь, герцогиня Люксембургская, графиня де Буффле, супруги Бово³⁹³. Использование всего комплекса светских и политических связей в конечном итоге позволило Ж. Неккеру занять пост директора финансов во французском государстве. По свидетельству де Монтбаррей, определяющую роль в его назначении сыграла герцогиня д'Энвилль, приближенная к влиятельному министру Людовика XVI графу де Морепа³⁹⁴. Таким образом, богатому женеvскому банкиру, кальвинисту Жаку Неккеру удалось не только интегрироваться в высшее общество, переняв нормы, обычаи и способ жизни французской аристократии, но и занять высокую должность во французском государстве, возглавив финансовое ведомство. Будучи чужим для французов как по национальному, так и по религиозному признакам, он фактически достиг вершины карьерной лестницы в монархическом государстве.

Нередко связующим звеном в отношениях патрон-клиент выступал посредник. Он оказывал содействие в достижении определенных целей. Посредник имел разветвленную сеть связей с людьми либо непосредственно владеющих ресурсами, либо имеющих выход на тех, кто ими владел. То есть

³⁹² Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. T. 3. / par M. Tourneux. – Paris: Librairie des bibliophiles, 1891. – P. 15.

³⁹³ Morellet A. Op. cit. – P. 154.

³⁹⁴ Montbarrey A.M.E., prince de. Mémoires de Montbarrey // Egret J. Necker, ministre de Louis XVI. – Paris: Champion, 1975. – P. 41.

посредник, как и патрон, тоже владел ресурсами, в качестве которых выступали стратегические контакты. По мнению Дж. Бойссвейна, для успешной деятельности посреднику, помимо разветвленной системы каналов коммуникаций необходимо соответствовать нескольким ключевым характеристикам:

1. Занимать «центральное положение», которое определялось наличием собственной территории для встреч, осведомленностью о важных событиях.
2. Быть доступным в любое время, что продиктовано важностью решаемых вопросов.
3. Иметь желание и природную склонность к занятию данной деятельностью³⁹⁵.

Всем вышеперечисленным критериям соответствовали хозяева парижских салонов. Они, как правило, и выступали в качестве посредников. При этом они преследовали несколько целей: психологическое удовлетворение, материальное или иного рода вознаграждение, и, самое главное, демонстрация своего влияния в обществе, что повышало престиж салона.

Так, в июле 1767 г. маркиза дю Деффан, отстаивая интересы шевалье д'Олана, обратилась за помощью к герцогу де Шуазелю, ее дальнему родственнику и гостю ее салонных встреч. Маркиза просила герцога, одновременно занимавшего пост государственного секретаря по военным делам и государственного секретаря по иностранным делам, назначить компенсации служащим генералам в связи с отменой их жалования. По прошествию времени она получила положительный ответ по этому делу от высокопоставленного чиновника³⁹⁶.

Герцогиня Люксембургская, в свою очередь, по просьбе Ж.-Ж. Руссо добивалась освобождения из Бастилии писателя Морелле. Для этого она

³⁹⁵ Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. – Oxford: Blackwell, 1978. – P. 147-148.

³⁹⁶ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 128.

специально ездила в Версаль для встречи с государственным секретарем королевского двора графом де Сен-Флорантенем. В письме, адресованном Жан-Жаку, герцогиня, рассказывая о своем разговоре, отмечает: «Он наилучшим образом расположен к аббату Морелле, но усматривает препятствия в этом деле, которые, однако, надеется преодолеть, когда будет на докладе у короля на следующей неделе. Я также просила, как милости, чтобы аббата не высылали, потому что об этом шла речь, – его хотели выслать в Нанси. Вот чего мне удалось добиться, сударь». При этом герцогиня замечает: «Но обещаю вам не оставлять господина де Сен-Флорантена в покое, пока дело не кончится согласно вашему желанию»³⁹⁷. Однако дополнительных усилий герцогини Люксембургской не потребовалось. Через несколько дней аббата выпустили из Бастилии.

Социальные статусы патрон, клиент, посредник, могли меняться в зависимости от ситуации. Ранее мы уже рассказывали о деле, связанном с назначением компенсаций служащим генералам. В нем хозяйка одного из самых известных парижских салонов второй половины XVIII в. выступала в роли посредника между шевалье д'Оланом и герцогом де Шуазелем. Кроме того, подобные функции она также выполняла после отставки последнего и ссылки его в Шантлу, о чем пойдет речь в следующем параграфе. При этом в деле о назначении пенсии маркизе дю Деффан сама маркиза имела уже другой статус. Осенью 1763 г. она обратилась к герцогу де Шуазелю с просьбой выступить с ходатайством перед королем о назначении ей пенсии (финансового содержания). В связи с первостепенной значимостью вопроса, связанного с материальным обеспечением «светского образа жизни», мадам дю Деффан проявляла чрезмерную настойчивость в этом деле. В ответ герцог де Шуазель отправил ей письмо: «Я вам советую набраться терпения; то, чего мы хотим от двора, не делается за один день; нужно, чтобы королева поговорила с королем, она это сделает. Господин де Сен-Флорантен настроен хорошо; необходимо, чтобы он поработал с королем. Возможно, это не

³⁹⁷ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. – С. 482.

произойдет скоро, наберитесь терпения, не терзайте себя, положитесь на друзей»³⁹⁸. Этим письмом герцог де Шуазель попытался успокоить маркизу дю Деффан, заверив, что он сделает все от него возможное для удовлетворения ее просьбы.

Впоследствии к делу подключилась герцогиня де Шуазель, супруга государственного секретаря, которую связывали тесные дружеские отношения с мадам дю Деффан. Она стала пристально следить за продвижением дела и информировать маркизу³⁹⁹. Кроме того, будучи представленной при дворе, герцогиня де Шуазель решила также посодействовать. «Я придумала убедить поговорить с королевой господина де Ла Ланса» (врач королевы). При этом она добавила: «Это моя первая интрига при дворе»⁴⁰⁰. Однако из-за недомогания королевы господин де Ла Ланс не смог осуществить ее пожелание. В конечном итоге усилия супругов де Шуазель имели положительный результат. Маркизе дю Деффан была назначена пенсия в размере 2 тысяч экю⁴⁰¹. Таким образом, в деле о назначении пенсии маркиза дю Деффан имела статус клиента, обратившись за помощью в содействии к посреднику в лице известного герцога де Шуазеля. Он, в свою очередь, обладал более широким кругом возможностей, будучи королевским министром, влияния на короля, который в данной ситуации выступил в роли патрона.

Таким образом, во второй половине XVIII в. в рамках французских салонов окончательно оформилась и утвердилась модель патрон-клиентских отношений. Интеграция в сеть социальных связей обеспечивала доступ к ресурсам салонного сообщества для достижения целей репутационного, материального и политического характера. Это имело первостепенное значение для писателей и философов, поскольку в XVIII в. они еще не имели четко обозначенного социального статуса и стабильного дохода. Во второй

³⁹⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – Р. 11.

³⁹⁹ Ibid. – Р. 13.

⁴⁰⁰ Ibid.

⁴⁰¹ Ibid.

половине XVIII в. именно салон становится наиболее востребованной, отвечающей социально-политическим условиям, формой межсословного общения. Кроме того, поскольку салон соединял в себе черты формы общения и «политического клуба», происходит введение представителей третьего сословия в активную общественно-политическую жизнь. При этом главная роль в осуществлении протекционных и посреднических функций принадлежала хозяевам парижских салонов, которые их использовали в качестве инструмента собственного влияния в области политики, литературы, философии, музыки и т.д.

3.4. Салоны и придворные группы

При дворе французского монарха существовали различные группы, объединенные вокруг высокопоставленных политических деятелей. Каждая из них боролась за свое влияние на короля с целью удовлетворения собственных интересов. Нередко участниками этих придворных групп становились хозяева салонов. Так, маркиза дю Деффан представляла «партию» герцога де Шуазеля, графиня де Буффле – принца де Конти (принц крови, военачальник), маркиза де Ля Ферте-Эмболь – графа де Морепана (государственный секретарь королевского двора 1718-1749 гг., государственный секретарь по делам военно-морского флота 1723-1749 гг., государственный министр 1774-1781 гг.). Это объясняется существованием разветвленной сети межличностного общения, связывающего двор, находящийся в Версале, и Париж, а также активизацией общественно-политической жизни Франции во второй половине XVIII в.

Детально оценить характер взаимосвязи и взаимодействия можно на примере политической группы государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля и салона маркизы дю Деффан [Рис. 4]. Во второй половине XVIII в. салон мадам дю Деффан был одним из самых влиятельных и популярных в Париже. По свидетельству современников, маркиза дю

Деффан отличалась пронизательным умом, юмором, хитростью, а также тонким вкусом, сформированным под влиянием высшего общества двора и города⁴⁰². Первоначально ее посещали французские писатели и философы: Вольтер, Монтескье, д'Аламбер, Ш.-Ж.-Ф. Эно, Мармонтель, герцог Лавальер, тулузский архиепископ Ломени де Бриен. Однако после разрыва с компаньонкой Ж. де Леспинас в 1764 г. часть посетителей во главе с д'Аламбером перешла в салон последней.

После смерти ряда постоянных гостей (Монтескье, Ш.-Ж.-Ф. Эно) салон маркизы становится более аристократическим, объединяя ближайших друзей и родственников знатного происхождения. Именно в этот период завязывается тесная связь мадам дю Деффан и супругов де Шуазель (герцог приходился ей дальним родственником). Она организовала для них небольшие закрытые приемы, подчеркивающие статус гостей⁴⁰³. Как правило, такой формат встреч был предназначен для наиболее близких друзей. Кроме того, мадам дю Деффан вела интенсивную переписку с герцогиней де Шуазель.

Поддерживая дружеские отношения с государственным секретарем и его супругой, мадам дю Деффан выступала в его защиту во время светских приемов. Маркиза даже поссорилась со своей подругой, графиней де Форкалькьер, потому что она поддерживала его противников (в частности герцога д'Эгийона). Ссора двух подруг произошла во время ужина у президента Парижского парламента Ш.-Ж.-Ф. Эно. Светские практики вежливого и учтвого общения предопределили первую часть разговора: гости обменялись «взаимными извинениями за то, что долго не виделись» и договорились исправить эту ситуацию⁴⁰⁴. Напряженность возникла, когда зашел разговор о политике. Развернулась бурная дискуссия о деятельности государственного секретаря, работе Королевского совета, издаваемых указах.

⁴⁰² Marmontel J.-F. Op. cit. – Т. 2. – 1891. – P. 231; Morellet A. Op. cit. – Т. 2. – 1822. – P. 310.

⁴⁰³ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 91.

⁴⁰⁴ Du Deffand M., Walpole H. Lettres de la marquise Du Deffand à Horace Walpole, depuis comte d'Orford, écrites dans les années 1766 à 1780: En 4 vol. Т. 2. / par M. Berry, A.-F. Artaud de Montor. – Paris: Treuttel et Würtz, 1812. – P. 39.

Вскоре спор перерос в личные обвинения. Мадам дю Деффан упрекала мадам де Форкалькьер в предвзятости, так как ею руководила личная обида (ее кузен не получил ожидаемое воинское звание). В ответ же услышала от своей подруги укор в рабской привязанности к семье де Шуазель. Далее дискуссию следует рассматривать в контексте противостояния двух политических групп (герцога д'Эгийона и герцога де Шуазеля). В частности, мадам де Форкалькьер, защищая своих друзей, адресуя маркизе дю Деффан такие слова: «Вы собираете все написанное против них, вы это везде распространяете и закончили это сегодня моим оскорблением», усиливая эффект от всего сказанного напоминанием о возрасте собеседницы⁴⁰⁵. Итогом этого разговора стал разрыв дружественных связей между маркизой дю Деффан и графиней де Форкалькьер.

В 1770 г. произошли значимые для Э.Ф. де Шуазеля и его окружения события, предопределившие дальнейшую судьбу герцога. Вследствие угрозы войны с Англией, парламентского кризиса, а также заговора политической группы, возглавляемой герцогом д'Эгийоном и герцогом де Ришелье, Э.Ф. де Шуазель был вынужден покинуть свой министерский пост и удалиться из столицы в свое имение Шантлу. Немаловажная роль в этом деле принадлежала фаворитке Людовика XV мадам дю Барри. Ее влияние на короля было использовано партией д'Эгийона для достижения собственных целей. Важное значение имела также личная неприязнь к ней со стороны герцога де Шуазеля и его окружения. Так, достаточно активную деятельность против мадам дю Барри развернула сестра де Шуазеля герцогиня де Грамон. Значительно усугубил положение отказ дам из окружения герцога посещать ужины, организованные мадам дю Барри.

После отставки и ссылки в Шантлу герцога де Шуазеля (декабрь 1770 г.) происходит активизация взаимоотношений между маркизой дю Деффан и супругами де Шуазель.

⁴⁰⁵ Ibid. – P. 41.

Мадам дю Деффан сообщала опальному министру и его жене социально-политические новости Парижа. Это позволяло семье бывшего министра, находящейся в ссылке в провинции, поддерживать связь со столицей. В первое время не существовало каких-либо определенных критериев отбора сообщаемой информации. В одном из своих писем, датированном 7 мая 1771 г., мадам дю Деффан, обращаясь к герцогине де Шуазель, пишет: «Вы хотите, чтобы вам сообщали обо всем, это ваше распоряжение»⁴⁰⁶. Со временем маркиза начинает избирательно подходить к выбору новостей. Так, в письме от 21 августа 1772 г. она указывает: «Все, что не ускоряет ваше возвращение, мне безразлично»⁴⁰⁷. Таким образом, мадам дю Деффан интересовали только те события, которые прямо или косвенно могли повлиять на судьбу герцога де Шуазеля.

Анализ переписки мадам дю Деффан с герцогиней де Шуазель и аббатом Бартелеми (секретарь герцога де Шуазеля и доверенное лицо его супруги) показывает преобладание новостей политического характера. Исходя из тематики, можно выделить следующие группы политической информации:

1. *Деятельность королевских министров.* Основное внимание маркиза дю Деффан уделяет трем главным политическим фигурам Франции к. 60-н. 70-х гг. XVIII в.: канцлеру де Мопу, генеральному контролеру финансов Терре и государственному секретарю по иностранным делам герцогу д'Эгийону. Прежде всего в письме от 20 января 1771 г. она достаточно оперативно сообщает о парламентской реформе, произведенной де Мопу, особо при этом не вдаваясь в детали⁴⁰⁸. В письме, датированном 3 мая 1771 г., она жалуется, что канцлер досаждаёт своими многочисленными, «скучными», «ничтожными» распоряжениями. При этом по заверениям маркизы, публичная демонстрация их незаконности влечет за собой

⁴⁰⁶ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 429.

⁴⁰⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 230.

⁴⁰⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 320.

«ужасные последствия»⁴⁰⁹. В своих письмах мадам дю Деффан демонстрирует крайне негативное отношение к канцлеру де Мопу, называя его «отвратительным»⁴¹⁰ и «проклятым»⁴¹¹. Подобную реакцию вызывают также созданные им суды и их члены⁴¹². Не менее одиозной в глазах французской аристократии выглядела фигура генерального контролера финансов аббата Терре. На протяжении 1771 г. в высшем свете Франции постоянно муссировалась информация о его возможной отставке. В своем письме от 9 мая 1771 г. мадам дю Деффан указывает: «Надеются на скорое увольнение Терре». При этом она отмечает, что определенные круги придворной аристократии (в лице маршалши де Мирпуа и ее окружения) «рассчитывают от этого выиграть», особенно в случае назначения близкого к ним Фуллона на вакантную должность⁴¹³. В июле, а также сентябре 1771 г. маркиза дю Деффан снова сообщает информацию о грядущей отставке генерального контролера финансов, иронично замечая: «Каждый день ждут отставки Терре, и каждый день ошибаются. Когда же все это закончится? Только Нострадамус может сказать»⁴¹⁴. Информационно насыщенный в отношении личности генерального контролера финансов 1771 г. разительно отличается от скупых новостных сообщений 1772-1773 гг. В письме от 2 апреля 1773 г. мадам дю Деффан, в контексте необходимости принятия безотлагательных решений для стабилизации финансового положения страны, сообщает: «Терре согласится на все, что от него хотят»⁴¹⁵. В целом негативное отношение маркизы дю Деффан, ее язвительные и ироничные замечания, комментарии в отношении канцлера де Мопу и аббата Терре объясняются непринятием и сопротивлением французского дворянства (представительницей которого она была) их преобразованиям.

⁴⁰⁹ Ibid. – P. 411.

⁴¹⁰ Ibid. – P. 308.

⁴¹¹ Ibid. – P. 411.

⁴¹² Ibid.

⁴¹³ Ibid. – P. 420.

⁴¹⁴ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 36.

⁴¹⁵ Ibid. – P. 381.

Так, ликвидация «старых» парламентов канцлером де Мопу, а также попытки введения всеобщего налогообложения аббатом Терре расценивались как нарушение прав и привилегий аристократии. При этом встречающиеся в корреспонденции мадам дю Деффан резкие формулировки в отношении личности де Мопу и более нейтральные и пространные касательно аббата Терре при негативном отношении к обоим чиновникам связаны с тем, что канцлеру удалось провести парламентскую реформу, а генеральный контролер финансов так и не смог реализовать на практике свои фискальные преобразования.

Помимо информирования супругов де Шуазель о деятельности королевских министров, маркиза дю Деффан рассказывала об отношениях внутри этого могущественного триумvirата. Судя по ее письмам, ситуативные союзы (в частности, с целью смещения герцога де Шуазеля с должности государственного секретаря по иностранным делам) сменялись разногласиями и противостоянием. Так, в письме от 27 июля 1771 г. она рассказывает о «раздоре» между тремя основными государственными чиновниками. Герцог д'Эгийон был очень зол из-за того, что аббат Терре, «не посоветовавшись с ним, поручил заплатить все, что задолжал господин де Лашалотэ» (бывший генеральный прокурор парламента Бретани, осужденный в 1765 г. по так называемому «бретонскому делу»). Крайне негативная реакция герцога д'Эгийона объясняется тем, что, будучи в 1750-60-е гг. губернатором Бретани, он выступал ярким противником местного парламента в общем и господина де Лашалотэ как его генерального прокурора в частности. Усугубляет ситуацию еще и тот факт, что в угоду бретонскому парламенту он был отозван королем в Париж во избежание нового витка противостояния. Помимо разногласий между герцогом д'Эгийоном и аббатом Терре, маркиза дю Деффан сообщает также о другом конфликте. «Д'Эгийон хочет уничтожить парламенты Ренна, Буана, Безансона, канцлер же (я не

знаю почему) противится этому»⁴¹⁶. В письме, датированном 19 января 1773 г., мадам дю Деффан, рассказывая о политических новостях, отмечает, что война между министрами продолжается, ее исход, как и победители, не ясны⁴¹⁷. Изменение формулировок, которые использовала маркиза при характеристике отношений между канцлером де Мопу, аббатом Терре и герцогом д'Эгийоном в сторону их радикализации, свидетельствует о постепенном (начиная с 1771 г.) нарастании противоречий и разногласий между тремя основными политическими акторами. Союзнические связи со временем сменились интригами друг против друга.

2. *Кадровые перестановки (назначения и снятия с должностей).*

Сообщения маркизы дю Деффан кратки и представляют собой, как правило, констатацию свершившегося или планируемого назначения на государственную должность или увольнения с нее⁴¹⁸. Однако особый интерес мадам дю Деффан проявила к вопросу назначения нового государственного секретаря по иностранным делам (приемника герцога де Шуазеля). На протяжении фактически полугода эта тема неоднократно поднималась в ее переписке с герцогиней де Шуазель. В письме от 7 января 1771 г. маркиза дю Деффан впервые сообщает, что одним из наиболее вероятных претендентов на пост государственного секретаря является «бретонский тиран» (то есть герцог д'Эгийон, бывший губернатор Бретани). При этом она добавляет, что во властных кругах не существует единогласия в отношении данной кандидатуры, называя принца де Конде в качестве одного из ее противников⁴¹⁹. Выбор мадам дю Деффан словосочетания «бретонский тиран» для обозначения преемника герцога де Шуазеля не случаен. Он служил напоминанием о скандальной репутации герцога д'Эгийона, замешанного в так называемом

⁴¹⁶ Ibid. – P. 24.

⁴¹⁷ Ibid. – P. 330.

⁴¹⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 369-370, 394, 427.

⁴¹⁹ Ibid. – P. 308.

«бретонском деле», вследствие которого он был отозван королем из провинции в столицу. Маркиза в угоду своим друзьям хотела подчеркнуть явное превосходство господина де Шуазеля над господином д'Эгийоном. Негативное отношение к личности последнего подогревалось еще и тем, что он выступил одним из организаторов заговора против герцога де Шуазеля.

В своих последующих письмах, датированных мартом, апрелем, маем 1771 г., мадам дю Деффан с каждым днем все увереннее утверждала, что основным претендентом на пост государственного секретаря по иностранным делам является герцог д'Эгийон⁴²⁰. Французское светское общество с нетерпением ожидало это важное с политической точки зрения событие. По мнению мадам дю Деффан, даже король Швеции ради этого продлил на несколько дней свой визит во Францию⁴²¹.

В парижских салонах активно обсуждали вероятные сроки назначения нового государственного секретаря. Так, в своем письме от 8 марта 1771 г. маркиза высказывает предположение, что не стоит ожидать, что это событие произойдет в ближайшее время. По ее мнению, необходимо подождать два, три, а возможно, и четыре месяца⁴²². В письме от 15 апреля 1771 г. она уже более определенно заявляет, что, по слухам, д'Эгийон уже получил свое назначение 14 апреля⁴²³. Понимание важности сообщаемой информации требовало от мадам дю Деффан немалых усилий для ее проверки. При этом маркиза жалуется, что ей трудно выяснить, что происходит при дворе Людовика XV, где то протестуют, то слагают полномочия, то ждут назначений, которые «должны были быть сделаны на следующий день. Проходит неделя и ничего об этом не слышно»⁴²⁴. Достаточно резкий тон всего письма

⁴²⁰ Ibid. – P. 359, 402, 427.

⁴²¹ Ibid. – P. 359.

⁴²² Ibid.

⁴²³ Ibid. – P. 402.

⁴²⁴ Ibid. – P. 404.

свидетельствует о раздражении маркизы дю Деффан своим собственным бессилием. В данной ситуации сеть ее социальных связей не позволяла проверить циркулирующую во французском светском обществе информацию, имеющую важное значение для герцога де Шуазеля. А это, в свою очередь, не могло не задеть самолюбие хозяйки одного из наиболее известных салонов Парижа второй половины XVIII в.

В начале мая 1771 г. ситуация с назначением государственного секретаря по иностранным делам оставалась неясной. Так, большинство гостей салона маршальши де Мирпуа, который неоднократно посещала мадам дю Деффан, высказывало сомнение в том, что министерство иностранных дел возглавит герцог д'Эгийон⁴²⁵. И только в письме, датированном 16 мая 1771 г., маркиза сообщает, что в течение ближайших нескольких дней именно он будет назначен на должность государственного секретаря по иностранным делам Франции, поскольку его кандидатуру поддерживал канцлер⁴²⁶. Однако, несмотря на уверенность мадам дю Деффан в предоставляемой информации, герцог д'Эгийон был назначен на должность лишь 6 июня 1771 г.

3. *Королевские указы*, которые, по сообщению мадам дю Деффан, многочисленны и являются «новостью дня» светских встреч⁴²⁷. Достаточно подробно маркиза останавливается на вопросе о пожизненных рентах, что продиктовано заботой о своем материальном благосостоянии⁴²⁸.
4. *Королевская семья и двор*. Высокой детализированностью отличаются сообщения мадам дю Деффан, касающиеся состояния здоровья короля Людовика XV. В своих письмах маркиза подробно описывает признаки заболеваний, которыми страдал король в тот или иной период времени. «Говорят, что у К... (короля) худшее лицо в мире. Позавчера твердили,

⁴²⁵ Ibid. – P. 420.

⁴²⁶ Ibid. – P. 427.

⁴²⁷ Ibid. – P. 4.

⁴²⁸ Ibid. – P. 24.

что у него опухшие ноги и руки; вчера ничего не было, сообщали только о частом кашле»⁴²⁹. Поражает, с какой скрупулезностью мадам дю Деффан описывает предсмертное причастие больного оспой Людовика XV. «Около четырех часов утра король сказал господину де Дюра, который дежурил около него, привести его духовника. Отдав приказ, он заснул, а проснувшись через полчаса спросил, пришел ли духовник. Его завели вскоре после этого. Он был шестнадцать минут с королем, который затем послал за господином д'Эгийоном, с которым говорил несколько минут. Затем он снова был со своим духовником и спросил тотчас свои таинства. После причастия король приблизился к нему. Король ему сказал, что не может говорить. Кардинал повторил: «Господа, король мне приказывает сказать вам (не в состоянии сказать сам), что он раскаивается в своих грехах и, что, если он оскорбил свой народ, ему жаль, что он твердо решил вернуться на пути своей юности и использовать всю оставшуюся ему жизнь, чтобы защищать религию». Король выдержал всю эту церемонию с максимальной твердостью и не казался очень плохим»⁴³⁰. Пристальный интерес к состоянию здоровья короля вызван тем, что в начале 1770-х гг. он имел почтенный возраст и любая болезнь, учитывая уровень медицины XVIII в., могла закончиться смертельным исходом, что в свою очередь, имело не столько светское, сколько политическое значение. Кроме того, по сообщению английского писателя Х. Уолпола, знание правил хорошего тона, которым очень гордятся французы, сводится к бесконечным разговорам о светских приемах и болезнях⁴³¹.

Отдельное внимание мадам дю Деффан уделяет положению принцев. В письме от 8 декабря 1771 г. маркиза сообщает: «Здесь говорят только о разорении принцев». Это стало следствием, как далее она пишет реформ

⁴²⁹ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 24.

⁴³⁰ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 3. – 1866. – P. 111.

⁴³¹ Walpole H. Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775) / par Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – P. 75.

королевских министров⁴³². Данная информация была актуальна для реанимирования политической карьеры герцога де Шуазеля в контексте разворачивающейся во Франции фронды принцев. В апреле 1772 г. маркиза дю Деффан сообщает о возможном примирении принцев с королем и его окружением. При этом она размышляет в письме об условиях вероятного компромисса. Так, по ее мнению, принцам в качестве «жертвы» принесут канцлера, отправив его в отставку, и новые парламенты (вернут некоторых старых членов парламентов, исключив при этом новых). Тем самым будет восстановлен «старый порядок», которым «принцы будут довольны»⁴³³. Далее в декабре 1772 г. произошло, по мнению мадам дю Деффан, «великое событие»: влиятельный принц де Конде, изгнанный королем в 1771 г. за несогласие с парламентской реформой, заключив мир, вернулся ко двору⁴³⁴. А уже в январе 1773 г. маркиза сообщила о том, что примирение с принцами вероятнее всего достигнуто. Особо не вдаваясь в подробности этого события, она избегает также его оценки, ограничиваясь только фразой: «Это нам время покажет»⁴³⁵.

Сообщения мадам дю Деффан герцогине де Шуазель касались также Дофина и его супруги⁴³⁶, а также отдельных придворных дам⁴³⁷. Несмотря на их немногочисленность и краткость, они помогали дополнить картину придворной жизни Версаля. Особый интерес представляет информация, которую мадам дю Деффан сообщила в августе 1772 г.: «Говорят, что великая дю Барри сослана», добавляя при этом «но это не доказано»⁴³⁸. По сути, удаление от Двора влиятельной фаворитки короля влекло за собой значительные политические последствия. Это свидетельствовало об изменениях в расстановке групп влияния в окружении короля.

⁴³² Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – Р. 100.

⁴³³ Ibid. – Р. 163.

⁴³⁴ Ibid. – Р. 307.

⁴³⁵ Ibid. – Р. 322.

⁴³⁶ Ibid. – Р. 413, 433-434.

⁴³⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 3. – 1866. – Р. 85-86.

⁴³⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – Р. 230.

Важность данного сообщения для герцога де Шуазеля заключалась в получении возможности возвращения ко двору, так как именно с помощью мадам дю Барри он лишился занимаемой должности и был отправлен в ссылку. Однако впоследствии эта новость не подтвердилась. Мадам дю Барри продолжала оставаться фавориткой короля Людовика XV.

5. *События, произошедшие в иностранных государствах.* В июне 1772 г. мадам дю Деффан сообщает о напряженности и разногласиях в отношениях Пруссии и России. Причиной этому являлись, по заверению маркизы, «искусные» действия министра иностранных дел Священной Римской империи князя де Кауница⁴³⁹. Изложенная в письме мадам дю Деффан информация прямо свидетельствует о складывании на европейской внешнеполитической арене антипруссского союза в лице Австрии, Франции и России.

Особое внимание маркиза дю Деффан уделила государственному перевороту, совершенному Густавом III в августе 1772 г. в Швеции. Интерес к шведским событиям продиктован близкими дружескими отношениями, которые связывали мадам дю Деффан со шведскими дипломатами графом де Крейцем и графом де Шеффером. Кроме того, французский король Людовик XV, заинтересованный в установлении сильной монархической власти в Швеции, достаточно благосклонно относился к шведскому правителю Густаву III, что предопределило особый характер взаимоотношений двух стран, а также формирование положительного образа шведского монарха у французской элиты. В своих письмах маркиза дю Деффан рассказывает о первых после переворота преобразованиях. Она отмечает, что «активный», «благоразумный», «гуманный» король в первую очередь отменил пытки. Кроме того, мадам дю Деффан сообщает о принятии «адаптированной к настоящему

⁴³⁹ Ibid. – P. 195.

времени конституции»⁴⁴⁰. При этом, озвучивая факты, она избегает их оценок. Маркиза обращается к герцогине де Шуазель (в надежде на богатый опыт внешнеполитической деятельности ее мужа) с просьбой разъяснить ей происходящее в шведском государстве⁴⁴¹.

В целом сведения об иностранных государствах, предоставляемые мадам дю Деффан, малочисленны и фрагментарны. Это объясняется тем, что она не имела информированного источника по данной проблематике. «Этот вид новостей находится вне зоны моей досягаемости»⁴⁴².

Помимо политических новостей маркиза дю Деффан сообщала супругам де Шуазель также светские новости Парижа. Нередко подобного рода информация имела скрытый политический подтекст. Так, в письме от 4 апреля 1771 г. маркиза, рассказывая об обеде, организованном графиней де Валентинуа, добавила, что среди двадцати пяти присутствующих были замечены генеральный контролер Терре, камердинер короля Людовика XV, генеральный откупщик господин де Ла Борд, а также иностранные министры (в частности португальский министр господин де Соуза)⁴⁴³. Высокий уровень представительства на званом ужине в доме знатной дамы предопределяет значимость данного сообщения и заставляет обратить на него внимание. Из письма мадам дю Деффан следует, что графиня де Валентинуа и ряд присутствующих на обеде гостей принадлежали к партии министра Терре, а следовательно, разделяли его позицию и отстаивали его интересы. Участие же высокопоставленных иностранцев в этой встрече лишь подчеркивало ее важность с политической точки зрения. В целом подобные сообщения маркизы помогали герцогу де Шуазелю, находившемуся в ссылке в провинции, понять постоянно меняющуюся конъюнктуру и выяснить расстановку сил во властных кругах.

⁴⁴⁰ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 250.

⁴⁴¹ Ibid. – P. 253.

⁴⁴² Ibid. – P. 195.

⁴⁴³ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 392.

Проживая в Париже, мадам дю Деффан могла не только собирать информацию, но и анализировать, а также проверять ее подлинность. Так, в январе 1773 г. маркиза узнала от мадам де Караман, что мадам де Форкалькьер посещала Шуази, где присутствовала на спектакле и ужинала с мадам дю Барри. Этот поступок означает присоединение ее к лагерю власти. Для того, чтобы подтвердить подлинность события, имеющего большое политическое значение, и уточнить его детали, маркиза дю Деффан отправилась с визитом к мадам де Караман. Там, в непринужденной обстановке во время светского разговора маркизе удалось установить первоисточник информации – ужин у мадам де Ля Валльер, где новость вызвала сначала недоверие, но впоследствии была подтверждена. На следующий день это событие стало главной темой разговора в салоне мадам дю Деффан⁴⁴⁴.

Однако не всегда сеть социальных связей маркизы позволяла ей окончательно подтвердить или опровергнуть распространяемые в высшем французском обществе слухи. Например, в апреле 1771 г. мадам дю Деффан была крайне удивлена, когда узнала от принцессы де Бово, что ходят слухи о возможной ссылке пэров и гвардейских полководцев. При этом как бы в подтверждение этой важной информации, она вспоминала, что «мадам д'Эгийон казалась слишком серьезной» во время последней их встречи. За разъяснением ситуации маркиза дю Деффан отправилась к герцогине Люксембургской. Однако в доме этой влиятельной в придворных кругах особы ей не удалось получить исчерпывающий ответ. Оказалось, что она не владеет информацией по этому поводу и может высказать лишь свои предположения. По мнению герцогини, ссылка маловероятна, но могут быть назначены другие виды наказаний⁴⁴⁵. На этом мадам дю Деффан прекратила свои поиски, оставив открытым для супругов де Шуазель вопрос подлинности циркулирующего в высшем обществе слуха.

⁴⁴⁴ Ibid. – P. 334-337.

⁴⁴⁵ Ibid. – P. 402.

Маркиза дю Деффан отстаивала интересы бывшего министра в Париже, выступая своеобразным связующим звеном между супругами де Шуазель, находящимися в ссылке, и представителями высшего французского общества. Она активно распространяла в своем салоне и других парижских сообществах новости из Шантлу, что имело явный политический подтекст: партия Шуазеля продолжает существовать, а сам бывший министр, несмотря на немилость, остается активным политическим игроком⁴⁴⁶.

Шведский король Густав III, пребывая в Париже весной 1771 г., именно у мадам дю Деффан интересуется последними новостями из резиденции бывшего государственного секретаря по иностранным делам, а также просит передать герцогу де Шуазелю слова своей личной привязанности и глубокого сожаления из-за невозможности личной встречи⁴⁴⁷. В сентябре 1772 г. барон де Ливен просил ее передать супругам де Шуазель слова его уважения и личной привязанности. При этом маркиза вспоминает, что он заставил повторить эту фразу около ста раз⁴⁴⁸.

В случае отсутствия новостей из Шантлу маркиза дю Деффан, имея огромный опыт светской жизни, используя разнообразные формы взаимовежливого общения, пыталась напомнить в Париже о супругам де Шуазель. В своем письме, датированном 15 апреля 1771 г., она указывает: «Я буду распространять ваши комплементы. Я их уже передала вашему поклоннику (господину де Соуза, португальскому министру), с которым ужинала вчера у маршальши де Мирпуа»⁴⁴⁹. В письме от 9 мая 1771 г. маркиза дю Деффан отмечает: «Я прочитаю мадам де Буффле ваши кокетничанья», добавляя при этом «она будет ими очарована»⁴⁵⁰.

Герцогиня де Шуазель, а также ее приближенный аббат Бартелеми, в свою очередь, постоянно демонстрировали мадам дю Деффан политическую значимость герцога де Шуазеля, тем самым побуждая маркизу преданно и

⁴⁴⁶ Ibid. – P. 371; T. 2. – P. 4, 12.

⁴⁴⁷ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 359.

⁴⁴⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 250.

⁴⁴⁹ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 401.

⁴⁵⁰ Ibid. – P. 421.

уверенно отстаивать его интересы. Их письма содержали списки высокопоставленных гостей Шантлу, приезжающих из Парижа и Версаля для встречи с бывшим министром⁴⁵¹. «Это напоминает приливы и отливы. Я нахожусь в устье гавани, где наблюдаю непрекращающиеся приходы множества кораблей разных национальностей», – писал аббат Бартеlemi мадам дю Деффан⁴⁵². В конечном итоге, убежденная в исключительной значимости приемов, организованных супругами де Шуазель в Шантлу, маркиза дю Деффан указывала: «Поехать в Шантлу, значит поехать ко двору, это поиски высокого общества, развлечений, это возможность проникнуться хорошим тоном, получить светскость и изысканные манеры»⁴⁵³.

Мадам дю Деффан выполняла различные поручения герцогини де Шуазель, превратившись фактически в ее доверенное лицо. Она передавала письма герцогини их адресатам в Париже⁴⁵⁴. Кроме того, маркиза лично озвучивала просьбы, указания, распоряжения герцогини указанным ею лицам. Например, мадам дю Деффан объявила послу Англии решение опального министра в отношении посещения господином Стенли Шантлу. Герцог де Шуазель не был против такого визита, предупреждая, однако, что для этого необходимо получить разрешение двора⁴⁵⁵. В другом случае герцогиня де Шуазель просила уточнить у господина де Крейца, каким образом письмо герцога де Шуазеля будет доставлено шведскому королю⁴⁵⁶.

Маркиза дю Деффан поддерживала интенсивную связь со сторонниками герцога де Шуазеля: принцем и принцессой де Бово, графом де Крейцем, аббатом Бартеlemi, Л.-А. Караччиоли, герцогом де Лозе и т.д. Она принимала их в своем салоне в Париже⁴⁵⁷. «Я нечто вроде центра для них», – отмечала мадам дю Деффан в одном из своих писем. Подчеркивая свою личную значимость, маркиза указывала, что они часто посещают ее салон в

⁴⁵¹ Ibid. – P. 363.

⁴⁵² Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 49.

⁴⁵³ Ibid. – P. 401.

⁴⁵⁴ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 357, 370, 382; T. 2. – P. 43.

⁴⁵⁵ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 432.

⁴⁵⁶ Ibid. – P. 364.

⁴⁵⁷ Ibid. – P. 308, 396, 413; T. 2. – P. 90, 153.

надежде максимально сблизиться с отсутствующими во французской столице супругами де Шуазель⁴⁵⁸.

Несмотря на открытую поддержку опального де Шуазеля, маркиза не прерывала связь с его противниками, которые принадлежали к кругу друзей мадам дю Барри и Людовика XV⁴⁵⁹. Она принимала их в своем салоне, а также регулярно посещала их званые приемы. Таким образом, герцог де Шуазель посредством маркизы дю Деффан рассчитывал получить доступ к информации из противоположного лагеря, находившегося при власти.

По настоянию бывшего министра мадам дю Деффан продолжала поддерживать отношения с герцогиней Люксембургской⁴⁶⁰ и маршальшей де Мирпуа⁴⁶¹. При этом маркиза признавалась, что эта связь, имея спокойный характер, поддерживается с определенной долей осторожности и невысокой заинтересованности с ее стороны. Цель сохранения подобного рода связей становится понятной из следующей фразы мадам дю Деффан, произнесенной ею в отношении герцогини Люксембургской: «Я не выманиваю ее секреты, я слушаю то, что у нее вырывается, чтобы использовать при случае»⁴⁶².

Маркиза продолжала также поддерживать связь с герцогиней д'Эгийон (матерью Эммануэля Армана д'Эгийона, государственного секретаря по иностранным делам 1771-1774 гг.). Ввиду принадлежности к разным политическим партиям, они вынуждены были встречаться в нейтральной обстановке (салонах своих друзей). Поддерживая эту связь, мадам дю Деффан удавалось играть роль посредника. Неоднократно в своих письмах герцогине де Шуазель она положительно отзывалась о мадам д'Эгийон, всячески подчеркивая интерес последней к новостям из Шантлу⁴⁶³. Однако даже у такой умелой и опытной хозяйки салона случались оплошности. В одном из своих писем маркиза дю Деффан написала похвалу мадам

⁴⁵⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 412.

⁴⁵⁹ Ibid. – P. 309.

⁴⁶⁰ Ibid. – P. 308.

⁴⁶¹ Ibid. – P. 420; Т. 2. – P. 90.

⁴⁶² Ibid. – P. 357.

⁴⁶³ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 4.

д'Эгийон, на что герцогиня де Шуазель ответила, что также уважительно относится к этой даме. Маркиза же поспешила передать эти слова мадам д'Эгийон⁴⁶⁴. Когда герцогиня де Шуазель узнала об этом, то написала своей подруге гневное письмо. Она высказала свое негодование и разочарование, поскольку якобы складывалось впечатление, что она ищет благосклонность и протекцию мадам д'Эгийон. Она объявила себя скомпрометированной и попросила мадам дю Деффан исправить свою ошибку. Следует заметить, что использование похвальных слов в переписках было обычной светской практикой, основывающейся на деликатной интерпретации намерений автора⁴⁶⁵. Маркиза дю Деффан посчитала, что этот случай вписывается в рамки светского вежливого общения. Герцогиня де Шуазель же настаивала на политическом подтексте: «Когда ее сын пребывал в очень досадной ситуации, такой, как немилость, а мой муж имел более благоприятное положение, такое, как благосклонность, я должна была сообщить мадам д'Эгийон о своем уважении к ней, чтобы подсластить горечь и приблизить удаленность...Сегодня все изменилось. Ее сын имеет власть, а у моего мужа ничего не осталось, кроме почета, это было бы подло с моей стороны искать способы угодить мадам д'Эгийон»⁴⁶⁶. Эта ситуация является ярким подтверждением влияния политических трансформаций, происходивших во внутренней жизни Франции второй половины XVIII в., на светские практики высшего французского общества. Мадам дю Деффан, имеющая огромный опыт светского общения, передав в переписке комплимент, основывалась прежде всего на светском обычае (циркуляция похвальных слов). Она поспешила исполнить свои посреднические функции, пренебрегая политическим анализом. Герцогиня де Шуазель же оценивала этот достаточно скромный комплимент сквозь призму политической

⁴⁶⁴ Ibid. – P. 12.

⁴⁶⁵ Lilti A. Op. cit. – P. 368.

⁴⁶⁶ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 13.

действительности, указывая: «Это я вам сказала, не ей, не для того, чтобы ей это повторить»⁴⁶⁷.

Следует отметить, что сторонники, а вернее сказать, сторонницы герцога де Шуазеля (в частности, мадам де Граммон и мадам де Бово) высказывали сомнение в верности и преданности маркизы дю Деффан из-за этих «подозрительных» связей с противниками опального министра⁴⁶⁸. На лицо, скрытая борьба за первенство в демонстрации своей приверженности и полезности среди женского окружения герцога.

Итак, во второй половине XVIII в. прослеживается связь между салонами и придворными группами. Салоны являлись площадкой для встреч и общения единомышленников, а также отстаивания интересов влиятельных общественно-политических деятелей, принимая на себя функции «политического клуба». Хозяйка салонов, посещая разные светские сообщества и нередко выступая связующим звеном (посредником), поддерживали интерес высшего света к той или иной политической фигуре. В частности, салон мадам дю Деффан стал своего рода объединяющим центром для сторонников герцога де Шуазеля, а также источником наиболее актуальной и достоверной политической информации (что было особо важно в условиях ссылки опального министра). Сама же маркиза была доверенным лицом супруги де Шуазеля в Париже, где, используя практику гостеприимства, постоянно подогревала интерес высшего общества к судьбе бывшего министра и его жены.

Таким образом, во второй половине XVIII в. Франция представляла собой государство со стабильным экономическим ростом и устаревшей финансовой системой, следствием чего стал огромный дефицит бюджета. Попытки проведения реформ были провалены. Слабая центральная власть не смогла преодолеть сопротивление оппозиционно настроенных сил (привилегированные сословия, парламенты).

⁴⁶⁷ Ibid.

⁴⁶⁸ Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – Р. 309.

Значительную популярность во французском обществе конца Старого порядка получают просветительские идеи, основывающиеся на принципах рационализма, прогресса и свободы. Под их влиянием изменяется сознание человека. Происходит отказ от религиозного мировоззрения и утверждение разума как основного критерия познания. Восприятие знания в качестве достоинства исключительно привилегированных сословий сменяется стремлением популяризировать его среди широких слоев населения. Оно становится предметом обсуждений и дискуссий, т.е. включается в общественную коммуникацию.

Вторая половина XVIII в. во Франции отмечена бурным развитием форм общественной жизни. Наряду с существенным расширением общественного пространства, усложнением и разнообразием форм социальных связей и коммуникации, устойчивое значение и новое содержание получает общественное мнение. Оно превращается в мощный фактор общественно-политической жизни, заставляя считаться со своими «суждениями» даже королевскую власть. Общественное мнение являлось полем диалога и дискуссий между просвещенной элитой и властью. В связи с этим салоны как форма общения играли важную роль в формировании и консолидации общественного мнения. При этом социальное взаимодействие происходило как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости (дворянство – третье сословие). На этом фоне расширялась межсословная коммуникация, и прежде всего, ввиду особенностей организации, в рамках салонов. Действуя традиционными методами, представители дворянства реализовывали возможность влияния на общественное мнение, преследуя собственные узкосословные интересы. Таким образом создавался и апробировался механизм организации государственного переворота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании салон рассмотрен как многоплановое историческое явление, получившее развитие во Франции в XVIII в.

Анализ научной литературы, посвященной французским салонам XVIII в., показал, что в зарубежной историографии основное внимание акцентируется на изучении социального, культурного, гендерного аспектов деятельности салонов, при этом общественно–политический игнорируется. В отечественной историографии наблюдается невысокий научный интерес к данной проблеме, отсутствуют комплексные исследования, посвященные изучению французских салонов.

Источниковая база исследования является достаточно репрезентативной. Она включает следующие группы: законодательные акты, документы делопроизводства, документы личного происхождения, произведения художественной литературы, публицистика, периодическая печать, научно-справочная литература.

Проблема салонной культуры Франции XVIII в. имеет наряду с конкретно-историческим, также историко-теоретический и междисциплинарный характер, что, в свою очередь, обуславливает необходимость применения широкого спектра разнообразных научных принципов и методов при написании диссертационной работы. Методологическую основу исследования составляют историко–антропологический и социологический подходы. Они базируются на принципах объективности, научности, историзма и системности. Для реализации указанных принципов применялись как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), так и специально–исторические методы (проблемно–хронологический, историко–сравнительный, историко–генетический).

Во Франции в первой половине XVII в. складывается комплекс факторов, который приводит к заметному оживлению социальной

активности разных слоев. Экономические успехи, государственная централизация, религиозная терпимость, распространение гуманистических ценностей, расширение интеллектуальных занятий во французском обществе – все это становится условием появления новой формы социального взаимодействия, которая оформляется в «салон».

Собрание представителей дворянского сословия сформировало пространство вне двора, заняв место между частной и публичной сферами. С ослаблением центральной власти во Франции существующие практики социального общения актуализируются.

В выявлении характеристик и социального значения салона акцент сделан на его коммуникативной функции. Оформление данного явления происходит на протяжении XVII – начала XVIII вв. О динамике оформления салона как формы коммуникации высших сословий свидетельствует следующее: существование единичных «салонов» в XVII – первой трети XVIII вв. и отсутствие устоявшейся терминологии.

Рассмотренные источники демонстрируют расширение на протяжении века (до Французской революции) форм деятельности салонов (от камерных форм досуга, в т.ч. интеллектуального общения, литературных сообществ до политических групп). Динамика их деятельности (частота собраний, количество салонов, состав участников, тематика бесед) отчетливо коррелируется с периодами социально–политических обострений в стране.

В первой половине XVIII в. формируются черты салонной практики, среди которых: 1) место проведения – частный особняк, квартира; 2) регулярность проводимых встреч; 3) смешанный характер приемов (совместное участие мужчин и женщин, межсословность); 4) отсутствие институционализации; 5) основная форма общения – интеллектуальная беседа; 6) регламентация поведения.

Главную роль в деятельности салонов играли их хозяева, выступавшие инициаторами собраний. Они выполняли ряд определенных обязанностей: подбор гостей, обдумывание тематики бесед, модерация встреч, оценка

произведений литературы, философии, искусства. От способностей, умений, социального опыта хозяина зависела репутация и популярность салона.

В условиях неравенства полов, сохраняющегося во Франции XVII–XVIII вв., показательна главенствующая роль салона в социализации женщин, которые, как правило, выступали организаторами салонных встреч.

К 70–м гг. XVIII в. сложился комплекс обстоятельств, обусловивший особую значимость салонов в условиях социально–политического кризиса (предреволюционной ситуации): упадок влияния двора при Людовике XV и Людовике XVI, распространение просветительской идеологии, расширение интеллектуального движения, межсословный характер собраний, социальная активность женщин высшего света, наличие неформальных центров общения.

Анализ общественно–политической ситуации во Франции XVIII в. показывает, что основными проблемами французского общества являлись – финансовые, политические, религиозные. Они стали причиной противостояния государства в лице королевской власти и социальных слоев. Это вылилось в формирование оппозиции разнородного состава с включением представителей третьего сословия. Кульминация противостояния 1774–1776 гг. продемонстрировала определенное равновесие королевской власти и оппозиции.

В этой ситуации салон как форма коммуникации аристократии через неформальные собрания берет на себя функции регулирования отношений и адаптации к новым социально–экономическим и политическим реалиям. Салон выступает в условиях общественной иерархии Франции как место взаимодействия различных по социальному положению групп.

Салон стал транслятором актуальной политической информации, что являлось особо ценным в условиях замкнутого образа жизни французского короля и высших чиновников, а также малочисленности и цензуры периодических изданий. Принадлежность салонов к дворянской культуре обусловила проблематику обсуждений (отставки и назначения на должности,

противостояние королевской власти и парламентов, королевские указы, король и его семья, проекты политических преобразований, выдвинутые философами–просветителями). В целом, тематика салонных бесед, ограниченная рамками узкословных интересов дворянства, касалась внутреннего положения Франции. Включение салонов в сферу светских развлечений, досуга представителей привилегированного сословия предопределило формы представления политической информации (рассказ, забавный случай/шутка, песня) и степень ее достоверности. Объединяя интеллектуальную элиту французского общества и обсуждая злободневные проблемы, салоны выступали центрами формирования общественного мнения.

Во второй половине XVIII в. в рамках французских салонов окончательно оформилась и утвердилась модель патрон-клиентских отношений. Интеграция в сеть социальных связей обеспечивала доступ к ресурсам салонного сообщества для достижения целей репутационного, материального и политического характера. Это имело первостепенное значение для писателей и философов, поскольку в XVIII в. они еще не имели четко обозначенного социального статуса и стабильного дохода. Во второй половине XVIII в. именно салон становится наиболее востребованной, отвечающей социально–политическим условиям, формой межсословного общения. Кроме того, поскольку салон соединял в себе черты формы общения и «политического клуба», происходит введение представителей третьего сословия в активную общественно–политическую жизнь.

Главную роль в осуществлении протекционных и посреднических функций играли хозяева салонов, стремившиеся оказывать влияние на общественно–политическую и культурную жизнь французского государства. Тем самым они пытались удовлетворить свои амбиции и получить репутацию сведущего, просвещенного, а главное светского человека.

Исходя из особенностей политического устройства Франции в XVIII в. и широкого распространения неформальных способов политического влияния,

салоны активно включаются в механизм принятия государственных решений, представляя собой особую форму взаимодействия общества и властных структур.

Во второй половине XVIII в. прослеживается связь между салонами и придворными группами. Салоны являлись площадкой для встреч и общения единомышленников, а также отстаивания интересов влиятельных общественно–политических деятелей, принимая на себя функции «политического клуба». Хозяева салонов, посещая разные светские сообщества и нередко выступая связующим звеном (посредником), поддерживали интерес высшего света к той или иной политической фигуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Законодательные акты

- 1.1. Recueil général des anciennes lois française: En 29 vol. T. 22. / par Mm Isambert, Decrusy, Taillandier. – Paris: Belin-Leprieur, 1830. – 564 p.
- 1.2. Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle: En 3 vol. / par J. Flammermont. – Paris: Imprimerie nationale. – T. 1. – 1888. – 718 p.; T. 3. – 1898. – 804 p.
- 1.3. Remontrances du Parlement de Toulouse // Dubédat M. Histoire du Parlement de Toulouse: En 2 vol. T. 2. – Paris: A. Rousseau, 1885. – P. 459.

2. Документы делопроизводства

- 2.1. Notes de police de juillet-août 1729 // Masson P.-M. Madame de Tencin (1682-1749). – Paris: Hachette et Cie, 1909. – P. 177-179.
- 2.2. Rapport de M. de Schonfeld du 27 octobre 1780 // Flammermont J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – P. 189-190.
- 2.3. Rapport du 19 avril 1782 // ААЕ, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 43. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 65.
- 2.4. Rapport du 8 décembre 1786 // ААЕ, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 62. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 378.
- 2.5. Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 20 mars 1779 // ААЕ, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 380.

3. Документы личного происхождения

- 3.1. Аиссе Ш. Письма к госпоже Каландрины / Ш. Аиссе. – Ленинград: Наука, 1985. – 224 с.

- 3.2. Записки Максимилиана Бетюна герцога Сюлли, первого министра Генриха IV: Приведенные в порядок и примечаниями снабденные, новейшего вновь просмотренного и исправленного издания в Лондоне: В 10 т. Т. 1. / пер. с фр. М.И. Веревкина. – М.: При Имп. Моск. ун-те, 1770. – 552 с.
- 3.3. Ролан. Личные мемуары г-жи Ролан / Ролан; пер. Н.Г. Вернадской. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 154 с.
- 3.4. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова. – М.: Изд-во худ. л-ры, 1949. – 705 с.
- 3.5. Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / Ж. Таллеман де Рео; пер. с фр. А.А. Энгельке, Э.Л. Линецкой. – Л.: Наука, 1974. – 316 с.
- 3.6. Цицерон М.Т. Письма: В 3 т. Т. 2. / М.Т. Цицерон; пер. с лат. В.О. Горенштейна. – М.: Ладомир, 1994. – 502 с.
- 3.7. Barbier E.-J.-F. Chronique de la régence et du règne de Louis XV (1718-1763) ou Journal de Barbier: En 8 vol. Т. 5. / E.-J.-F. Barbier. – Paris: Charpentier, 1858. – 455 p.
- 3.8. Bernis F.-J. de Pierre de. Mémoires et lettres de François-Joachim de Pierre cardinal de Bernis (1715-1758): En 2 vol. / F.-J. de Pierre de Bernis; par F. Masson. – Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1903. – Т. 1. – 478 p.; Т. 2. – 503 p.
- 3.9. Bombelles M. Journal: En 2 vol. Т. 2. / M. Bombelles; par J. Grassion, F. Durif. – Genève: Droz, 1982. – 414 p.
- 3.10. Buffon G.-L. Correspondance générale de Buffon: En 2 vol. Т. 1. / G.-L. Buffon; par H. Nadault de Buffon. – Genève: Slatkine reprints, 1971. – 459 p.
- 3.11. Buffon G.-L. Correspondance générale: En 2 vol. Т. 1. / G.-L. Leclerc comte de Buffon; par H. Nadault de Buffon. – Genève: Slatkine reprints, 1971. – 459 p.
- 3.12. Buvat J. Journal de la Régence (1715-1723): En 2 vol. Т. 2. / J. Buvat; par E. Campardon. – Paris: H. Plon, 1865. – 559 p.

- 3.13. Collé Ch. Journal et mémoires de Charles Collé: En 3 vol. T. 3. / Ch. Collé; par H. Bonhomme. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1868. – 430 p.
- 3.14. D'Argenson R.-L. Journal et mémoires du marquis d'Argenson: En 9 vol. T. 1. / R.-L. d'Argenson; par E.J.B. Rathery. – Paris: Mme V. Jules Renouard, 1859. – 389 p.
- 3.15. D'Épinay L. Mémoires et correspondance de Mme d'Épinay: En 3 vol. T. 3. / L. d'Épinay. – Paris: Volland le Jeune, 1818. – 431 p.
- 3.16. Dangeau P., Saint-Simon L., duc de. Journal du marquis de Dangeau avec les additions inédites du duc de Saint-Simon: En 19 vol. T. 18. / par E. Soulié, L. Dussieux. – Paris: Firmin Didot frères, fils et Cie, 1860. – 490 p.
- 3.17. Du Deffand M. Correspondance complète de la marquise du Deffand avec ses amis: le Président Hénault, Montesquieu, d'Alembert, Voltaire, Horace Walpole: En 2 vol. / M. du Deffand; par M. de Lescure. – Paris: H. Plon, 1865. – T. 1. – 591 p.; T. 2. – 794 p.
- 3.18. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. / M. du Deffand, L. Choiseul, J.-J. Barthélemy; par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – T. 1. – 461 p.; T. 2. – 508 p.; T. 3. – 510 p.
- 3.19. Du Deffand M., Walpole H. Lettres de la marquise Du Deffand à Horace Walpole, depuis comte d'Orford, écrites dans les années 1766 à 1780: En 4 vol. T. 2. / M. du Deffand, H. Walpole; par M. Berry, A.-F. Artaud de Montor. – Paris: Treuttel et Würtz, 1812. – 472 p.
- 3.20. Dubois G. Lettre de Dubois à Georges I du 14 octobre 1718 / G. Dubois // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 171.

- 3.21. Favart Ch.-S. Mémoires et correspondance littéraires, dramatiques et anecdotiques de Ch.-S. Favart: En 3 vol. T. 2. / Ch.-S. Favart; par A.P.Ch. Favart. – Paris: Léopold Collin, 1808. – 440 p.
- 3.22. Galiani F., D'Épinay L. Correspondance de F. Galiani et L. d'Épinay: En 5 vol. T. 1-2. / F. Galiani, L. d'Épinay; par G. Dulac, D. Maggetti. – Paris: Desjonquères. – T. 1. – 1992. – 330 p.; T. 2. – 1993. – 304 p.
- 3.23. Hénault Ch.-J.-F. Mémoires du président Hénault / Ch.-J.-F. Hénault; par M. le baron de Vigan. – Paris: E.Dentu, 1855. – 436 p.
- 3.24. Hoym Ch.-H. Lettre du comte Hoym du 24 janvier 1721 / Ch.-H. Hoym // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 283-284.
- 3.25. Hoym Ch.-H., comte de. Lettres de Hoym à Mme de Tencin, 1 juin 1717 / Ch.-H. Hoym // Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym, ambassadeur de Saxe-Pologne en France et célèbre amateur de livres: En 2 vol. T. 2. – Paris: Techener, 1880. – P. 239-241.
- 3.26. La Harpe J.-F., de. Letters to the Schuvalow / J.-F. de La Harpe // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. – T. 108. – Banbury, 1973. – P. 74.
- 3.27. Lecocq M. Lettre de Lecocq à Hoym du 4 mai 1722 / M. Lecocq // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). – Paris: Hachette, 1910. – P. 169.
- 3.28. Lespinasse J. de. Lettres inédites de mademoiselle de Lespinasse à Condorcet, à d'Alembert, à Guibert, au comte de Crillon / J. de Lespinasse; par Ch. Henry. – Paris: E. Dentu, 1887. – 408 p.
- 3.29. Maine A.L.B., Simiane P. Lettres de Madame la duchesse du Maine et de Madame la marquise de Simiane / A.L.B. Maine, P. Simiane. – Paris: Léopold Collin, 1805. – 318 p.
- 3.30. Marais M. Journal et mémoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris, sur la régence et le règne de Louis XV (1715-1737): En 4 vol. / M. Marais; par A. de Lescure. – Paris: Librairie de Firmin Didot frères, fils

- et Cie. – T. 1. – 1863. – 491 p.; T. 2. – 1864. – 491 p.; T. 3. – 1864. – 596 p.; T. 4. – 1868. – 328 p.
- 3.31. Marais M. Lettres de Mathieu Marais: En 3 vol. T. 3. / M. Marais. – Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 1983. – 311 p.
- 3.32. Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. / J.-F. Marmontel; par M. Tourneux. – Paris: Librairie des bibliophiles, 1891. – T. 1. – 297 p.; T. 2. – 378 p.; T. 3. – 377 p.
- 3.33. Mémoires secrets pour servir à l’histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu’a nos jours ou Journal d’un observateur: En 36 vol. T. 5. – Londres: John Adamson, 1780. – 328 p.
- 3.34. Mirabeau, marquis de. Lettre du marquis de Mirabeau à la comtesse de Rochefort, 9 août 1767 / marquis de Mirabeau // Lomenie L., de. La Comtesse de Rochefort et ses amis: Étude sur les mœurs en France au XVIIIe siècle, avec des documents inédits. – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – P. 96.
- 3.35. Montbarrey A.M.E., prince de. Mémoires de Montbarrey / A.M.E. prince de Montbarrey // Egret J. Necker, ministre de Louis XVI. – Paris: Champion, 1975. – P. 41.
- 3.36. Montesquieu Ch. Correspondance de Montesquieu: En 2 vol. T. 1. / Ch. Montesquieu; par F. Gebelin, A. Morize. – Bordeaux: Imprimeries Gounouilhou, 1914. – 448 p.
- 3.37. Morellet A. Mémoires inédits de l’abbé Morellet,... sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution: En 2 vol. / A. Morellet; par M. Lémontey. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1822. – T. 1. – 472 p.; T. 2. – 516 p.
- 3.38. Poniatowski Stanislas II Auguste, Geoffrin M.-T. Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764-1777) / Stanislas II Auguste Poniatowski, M.-T. Geoffrin; par Ch. de Moüy. – Paris: E. Plon et Cie, 1875. – 529 p.

- 3.39. Richelieu L.-F.-A., duc de. Mémoires du maréchal duc de Richelieu: En 4 vol. T. 2. / L.-F.-A. Richelieu. – Liege: De l'imprimerie du Journal général de l'Europe, 1790. – 304 p.
- 3.40. Roland J.-M. Lettres de Mme Roland: En 2 vol. T. 1. / J.-M. Roland; par C. Perroud. – Paris: Imprimerie nationale, 1913. – 588 p.
- 3.41. Saint-Pierre, abbé de. Lettre de l'Abbé de Saint-Pierre à Mme Dupin du 29 septembre 1735 / l'abbé de Saint-Pierre // Portefeuille de Mme Dupin / par le comte G. De Villeneuve-Guibert. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – P. 166-170.
- 3.42. Saint-Pierre, abbé de. Lettre de l'Abbé de Saint-Pierre à Mme Dupin du 6 novembre 1740 / l'abbé de Saint-Pierre // Portefeuille de Mme Dupin / par le comte G. De Villeneuve-Guibert. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – P. 219-221.
- 3.43. Saint-Simon L., duc de. Mémoires du duc de Saint-Simon: En 22 vol. T. 16. / L. duc de Saint-Simon; par Mm. Chéruel, Ad. Regnier fils. – Paris: Hachette et Cie, 1874. – 472 p.
- 3.44. Tencin C.-A. Lettres de Mme de Tencin à Hoym, 9 may 1718 / C.-A. Tencin // Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym, ambassadeur de Saxe-Pologne en France et célèbre amateur de livres: En 2 vol. T. 2. – Paris: Techener, 1880. – P. 238-239.
- 3.45. Tencin P.G., Tencin C.-A. Correspondance du cardinal de Tencin, ministre d'état, et de madame de Tencin, sa sœur, avec le duc de Richelieu / P.G. Tencin, C.-A. Tencin; par J.-B. de la Borde, J.-L. Soulavie. – Paris: S.l., 1790. – 385 p.
- 3.46. Trublet N.Ch.J. Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des ouvrages de M. De Fontenelle / N.Ch.J. Trublet. – Amsterdam: Marc-Michel Rey; Paris: Desaint et Saillant, 1761. – 442 p.
- 3.47. Villars L.-H., de. Mémoires du maréchal de Villars: En 5 vol. T. 5. / L.-H. de Villars; par M. de Vogüé. – Paris: Renoard, 1892. – 440 p.

- 3.48. Walpole H. Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775) / H. Walpole; Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – 327 p.
- 3.49. Walpole H. The Yale edition of Horace Walpole's: En 48 vol. T. 3. / H. Walpole. – New Haven: Yale university press; London: Oxford university press. – 455 p.

4. Произведения художественной литературы

- 4.1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1997. – 73 с.
- 4.2. Гораций К.Ф. Сатиры / К.Ф. Гораций // Гораций К.Ф. Оды, эподы, сатиры, послания. – М.: Художественная литература, 1970. – С. 245-317.
- 4.3. Марциал М.В. Эпиграммы / М.В. Марциал; пер. с лат. Ф. Петровского. – М.: Художественная литература, 1968. – 488 с.
- 4.4. Мерсье Л.-С. Картины Парижа: В 2 т. Т. 1. / Л.-С. Мерсье; пер. с фр. В.А. Барбашевой. – М.: Academia, 1935. – 566 с.
- 4.5. Тансен, мадам де. Записки графа де Комменжа. Повесть: [Электронный ресурс] / мадам де Тансен; пер. с фр. Е. Морозовой // Новая Юность. – № 5. – 1999. – Режим доступа:
https://magazines.gorky.media/nov_yun/1999/5/zapiski-grafa-de-kommenzha.html
- 4.6. Тибулл А. Элегии / А. Тибулл // Катулл Г.В., Тибулл А., Проперций С. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1963. – С. 221-227.
- 4.7. Cerceau Du. Le conseil d'Embrun: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: satires18.univ-st-etienne.fr/texte/embrun-m-et-mme-de-tencin-soanen-la-fresnaye-belzunce-jansénisme-lafitau-malissol/le-concile-d
- 4.8. D'Alembert J. Éloge de La Motte / J. d'Alembert // D'Alembert J. Œuvres complètes de D'Alembert: En 5 vol. T. 3. Partie 1. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 121-174.

- 4.9. D'Alembert J. Éloge de Saint-Aulaire / J. d'Alembert // D'Alembert J. Œuvres complètes de D'Alembert: En 5 vol. T. 3. – Paris: A. Belin, Bossange père et fils, Bossange frères, 1821. – P. 289-310.
- 4.10. D'Épinay L. Les conversations d'Émilie: En 2 vol. / L. d'Épinay. – Paris: Humblot, 1781. – T. 1. – 472 p.; T. 2. – 470 p.
- 4.11. Fontenelle B., de. Éloge de la Marquise de Lambert / B. Fontenelle // Fontenelle B. Œuvres de M. de Fontenelle: En 11 vol. T. 9. – Paris: Les Libraires associés, 1766. – P. 427-434.
- 4.12. Genlis S.-F. De l'influence des femmes sur la littérature française, comme protectrices des lettres et comme auteurs, ou Précis de l'histoire des femmes françaises les plus célèbres: En 2 vol. T. 2. / S.-F. Genlis. – Paris: Lecointe et Durey, 1826. – 279 p.
- 4.13. Genlis S.-F. Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, des usages du monde, des amusemens, des modes, des mœurs, etc: En 2 vol. T. 1. / S.-F. Genlis. – Paris: P. Mongie aîné, 1818. – 409 p.
- 4.14. La Chimère embrunoise: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: satires18.univ-st-etienne.fr/texte/jansénisme-embrun-tencin-mme-de-tencin-houdard-astruc-fontenelle/la-chimère-embrunoise-au-mois
- 4.15. Lambert A.-T. Avis d'une mere à son fils et à sa fille / A.-T. Lambert. – Paris: E. Ganeau, 1728. – 212 p.
- 4.16. Mercier L.-S. Tableau de Paris: En 12 vol. T. 11. / L.-S. Mercier. – Amsterdam, 1788. – 376 p.
- 4.17. Morellet A. Portrait de madame Geoffrin / A. Morellet // Morellet A., Thomas A.-L., d'Alembert J. Éloges de madame Geoffrin. – Paris: H. Nicolle, 1812. – P. 3-74.
- 4.18. Piron A. Epitres et Poésies diverses / A. Piron // Piron A. Œuvres complètes d'Alexis Piron: En 7 vol. T. 6. / par J.-A. par Rigoley de Juvigny. – Paris: De l'Imprimerie de M. Lambert, 1776. – P. 3-236.
- 4.19. Piron A. Œuvres inédites de Piron (prose et vers) / A. Piron; par H. Bonhomme. – Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859. – 413 p.

- 4.20. Staël-Holstein G., de. Considérations sur les principaux événemens de la Révolution Française: En 3 vol. T. 1. / G. de Staël-Holstein. – Paris: Delaunay; Bossange et Masson, 1818. – 440 p.
- 4.21. Staël-Holstein G., de. Corinne ou l'Italie: En 2 vol. T. 1. / G. de Staël-Holstein. – Londres: M. Peltier, 1807. – 425 p.
- 4.22. Staël-Holstein G., de. De l'Allemagne: En 3 vol. T. 1. / G. de Staël-Holstein. – Paris: H. Nicolle, 1814. – 348 p.

5. Публицистика

- 5.1. Вольтер. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Театр; Стихотворения; Мемуары; Исторические сочинения. Письма в Россию. Статьи, памфлеты / Вольтер; под общ. ред. Б.Т. Грибанова. – М.: Литература: Сигма-пресс, 1998. – 656 с.
- 5.2. Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 т. / П.А. Гольбах; под общ. ред. Х.Н. Момджяна. – М.: Соцэкгиз, 1963. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2. – 563 с.
- 5.3. Гольбах П.А. Карманное богословие / П.А. Гольбах; ред. И. Пантин. – М.: Госполитиздат, 1959. – 207 с.
- 5.4. Дидро Д. Избранные атеистические произведения / Д. Дидро; отв. ред. В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 480 с.
- 5.5. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / Ш.Л. Монтескье; под общ. ред. М.П. Баткина. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.
- 5.6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. А.Д. Хаютиной, В.С. Алексеевой-Поповой. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.

6. Произведения специальной литературы

- 6.1. Плутарх. Перикл / Плутарх // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. 1. / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 196-224.

- 6.2. Светоний Г.Т. О знаменитых людях. Вергилий / Г.Т. Светоний // Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1964. – С. 237-241.
- 6.3. Bachaumont L. Mémoires secrets pour servir à l’histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu’à nos jours, ou Journal d’un observateur: En 39 vol. T. 5. / L. Bachaumont. – Londres: John Adamson, 1780. – 328 p.
- 6.4. Feller F.-X., de. Journal historique et littéraire: En 60 vol. T. 16. / F.-X. de Feller. – Luxembourg: Chez les Héritiers d’André Chevalier, 1783. – 642 p.
- 6.5. Galerie de l’ancienne cour, ou Mémoires anecdotes pour servir à l’histoire des regnes de Louis XIV et de Louis XV: En 4 vol. T. 4. – Maestricht: J.E. Dufour et Ph. Roux, 1789. – 427 p.
- 6.6. Mouffle d’Angerville B.-F.-J. Vie privée de Louis XV ou principaux événemens, particularités et anecdotes de son Règne: En 4 vol. T. 4. / B.-F.-J. Mouffle d’Angerville. – Londres: Chez John Peter Lyton, 1788. – 308 p.
- 6.7. Pinot Duclos Ch. Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la régence et le règne de Louis XV / Ch. Pinot Duclos // Pinot Duclos Ch. Œuvres complètes de Duclos: En 10 vol. T. 6. – Paris: Janet et Cotelte, 1821. – 426 p.

7. Периодическая печать

- 7.1. Grimm F.M., Diderot D., Raynal G.-Th. Correspondance littéraire, philosophique et critique: En 16 vol. T. 9. / F.M. Grimm, D. Diderot, G.-Th. Raynal; par M. Tourneux. – Paris: Garnier frères, 1879. – 522 p.
- 7.2. Journal de Paris. – 11.09.1787. – № 254. – P. 1103-1106.
- 7.3. Nouvelles ecclésiastiques, ou mémoires pour servir à l’histoire de la constitution: En 10 vol. – Utrecht: Aux depens de la Compagnie, 1735-1765.
- 7.4. Recueil des Gazettes de France. – Paris: Du Bureau d’Adresse, aux Galleries du Louvre. – 1759. – № 1-53. – 656 p.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Монографии

- 1.1. Альбрехт М. История Римской литературы: от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи: В 3 т. Т. 2. / М. Альбрехт; пер. с нем. А.И. Любжина. – М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2004. – 1390 с.
- 1.2. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность / М.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1997. – 301 с.
- 1.3. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция / Д.Ю. Бовыкин, А.В. Чудинов. – М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. – 468 с.
- 1.4. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
- 1.5. Важнер Ф. Госпожа Рекамье / Ф. Важнер. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 369 с.
- 1.6. Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века / Р. Дарнтон; пер. с англ. М. Солнцевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 192 с.
- 1.7. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения / Т.Л. Лабутина. – М.: Наука, 2005. – 458 с.
- 1.8. Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр. Е.Н. Корендясова, В.А. Павлова. – М.: Международные отношения, 2004. – 417 с.
- 1.9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
- 1.10. Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815-1848 / А. Мартен-Фюжье; пер. с фр. О.Э. Гринберг, В.А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 480 с.

- 1.11. Монгредьен Ж. Повседневная жизнь комедиантов во времена Мольера / Ж. Монгредьен; пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. – М.: Молодавая гвардия, 2008. – 306 с.
- 1.12. Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: век Людовика XIV / М.С. Неклюдова. – М.: ОГИ, 2008. – 438 с.
- 1.13. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж // История женщин на Западе: В 5 т. Т. 3. / под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро; пер. с англ.; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2008. – 560 с.
- 1.14. Плещеев А.Н. Женщина в XVIII веке (по Гонкуру) / А.Н. Плещеев. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. – 233 с.
- 1.15. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
- 1.16. Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
- 1.17. Ру С. Повседневная жизнь Парижа в Средние века / С. Ру; пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. – М.: Молодавая гвардия, 2008. – 252 с.
- 1.18. Токвиль А. Старый порядок и революция / А. Токвиль; пер. с фр. Л.Н. Ефимова. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.
- 1.19. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» римской республики / Н.Н. Трухина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 183 с.
- 1.20. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия / О. Тьерри // Тьерри О. Избранные сочинения. – М.: Государственное издательство социально-экономической литературы, 1937. – С. 1-204.
- 1.21. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр; пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. – М.: Наука, 1991. – 635 с.
- 1.22. Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. / Э. Фор; пер. с фр. Е.М. Шишмаревой. – М.: Прогресс, 1979. – 567 с.

- 1.23. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В.Н. Фурс. – Минск: Экономпресс, 2000. – 224 с.
- 1.24. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер. с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.
- 1.25. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.
- 1.26. Чекалов К.А. Формирование массовой литературы во Франции: XVII – первая треть XVIII века / К.А. Чекалов. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 248 с.
- 1.27. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы / А.В. Чудинов. – М.: Наука, 2007. – 310 с.
- 1.28. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. – М.; СПб: Университетская книга, 2001. – 336 с.
- 1.29. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас; пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой, А.К. Судакова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
- 1.30. Abrantès L.J., duchesse d'. Histoire des salons de Paris: En 6 vol. T. 1-2. / L.J. d'Abrantès. – Paris: Ladvocat, 1837. – Т. 1. – 406 p.; Т. 2. – 415 p.
- 1.31. Abrantès L.J., duchesse d'. Une Soirée chez Mme Geoffrin / L.J. d'Abrantès. – Bruxelles: Hauman, Cattoir et Cie, 1837. – 256 p.
- 1.32. Aldis J. Madame Geoffrin, her salon and her times, 1750-1777 / J. Aldis. – New York: G.P. Putnam's Sons; London: Methuen & Co., 1905. – 1167 p.
- 1.33. Armaille M., comtesse d'. La Comtesse d'Egmont, d'après ses lettres inédites à Gustave III / M. d'Armaille. – Paris: Perrin, 1890. – 305 p.
- 1.34. Ballieu J. Un Dîner littéraire au XVIIIe siècle. Le dîner du Bout-du-Banc / J. Ballieu. – Paris: Dupret, 1887. – 107 p.

- 1.35. Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions / J. Boissevain. – Oxford: Blackwell, 1978. – 285 p.
- 1.36. Bonhomme H. Grandes dames et pécheresses: études d’histoire et de mœurs au XVIIIe d’après des documents inédits / H. Bonhomme. – Paris: Charavay frères, 1883. – 377 p.
- 1.37. Bouissounouse J. Julie de Lespinasse: ses amitiés – sa passion / J. Bouissounouse. – Paris: Hachette, 1958. – 320 p.
- 1.38. Buffenoir H. La maréchale de Luxembourg (1707-1787): souvenirs, documents, témoignages / H. Buffenoir. – Paris: Émile-Paul frères, 1924. – 255 p.
- 1.39. Buffenoir M. Sur les pas de la comtesse d’Egmont ou Les Beaux jours de Braine au XVIIIe siècle / M. Buffenoir. – Soissons: Société archéologique, 1930. – 275 p.
- 1.40. Burke P. History and social theory / P. Burke. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 198 p.
- 1.41. Calvet J. Les salons de Marguerite de Navarre (1492-1549) à Suzanne Necker (1740-1794) / J. Calvet. – Québec: La Plume d’Oie Edition, 2000. – 217 p.
- 1.42. Cogné A., Blond S., Montègre G. Les circulations internationales en Europe (1680-1780) / A. Cogné, S. Blond, G. Montègre. – Paris: Atlande, 2011. – 448 p.
- 1.43. Colet L. Deux femmes célèbres, Madame du Châtelet et Madame Hoffmann-Tanska: En 2 vol. T. 1. / L. Colet. – Paris: Pétion, 1847. – 334 p.
- 1.44. Corbaz A. Madame Necker, humble vaudoise et grande dame / A. Corbaz. – Paris: Payot, 1945. – 224 p.
- 1.45. Cousin V. La société française au XVIIe siècle d’après «Le grand Cyrus» de Mlle de Scudéry: En 2 vol. / V. Cousin. – Paris: Michaud, 1858. – T. 1. – 443 p.; T. 2. – 480 p.
- 1.46. Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758) / Ch. Coynart. – Paris: Hachette, 1910. – 464 p.

- 1.47. Craveri B. L'Âge de la conversation / B. Craveri. – Paris: Gallimard, 2002. – 496 p.
- 1.48. Craveri B. Mme du Deffand et son monde / B. Craveri. – Paris: Seuil, 1987. – 443 p.
- 1.49. D'Aragnon M.-Ch., Lacouture J. Julie de Lespinasse. Mourir d'amour / M.-Ch. d'Aragnon, J. Lacouture. – Paris: Complexe, 2006. – 352 p.
- 1.50. Delille J. La conversation / J. Delille. – Paris: Michaud frères, 1812. – 235 p.
- 1.51. Des Guerrois Ch. De la Causerie et des causeurs littéraires au XVIII et au XIX siècles / Ch. Des Guerrois. – Paris: Ledoyen, 1855. – 104 p.
- 1.52. Deschanel E. Histoire de la conversation / E. Deschanel. – Paris: M. Lévy frères, 1857. – 216 p.
- 1.53. Ferval C. Madame Du Deffand: l'esprit et l'amour au XVIIIe siècle / C. Ferval. – Paris: Arthème Fayard et Cie, 1933. – 414 p.
- 1.54. Feuillet de Conches F.-S. Les salons de conversation au dix-huitième siècle / F.-S. Feuillet de Conches. – Paris: Charavay frères éditeurs, 1882. – 227 p.
- 1.55. Flammermont J. Les Correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution / J. Flammermont. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – 628 p.
- 1.56. Garat D.J. Mémoires historiques sur la vie de M. Suard, sur ses écrits et sur le XVIIIe siècle: En 2 vol. T. 1. / D.J. Garat. – Paris: A. Belin, 1812. – 263 p.
- 1.57. Gay S. Salons célèbres / S. Gay. – Paris: Calmann-Lévy, 1882. – 263 p.
- 1.58. Glotz M., Maire M. Salons du XVIII siècle / M. Glotz, M. Maire. – Paris: Nouvelles Éditions latines, 1949. – 341 p.
- 1.59. Goncourt E. et J. La femme au XVIIIe siècle / E. et J. Goncourt. – Paris: Fermin Didot frères, fils et Cie, 1862. – 459 p.
- 1.60. Goodman D. La République des Lettres: Une histoire culturelle des Lumières françaises / D. Goodman. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 338 p.

- 1.61. Gougy-François M. Les Grands salons féminins / M. Gougy-François. – Paris: Debresse, 1965. – 190 p.
- 1.62. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft Neuwied / J. Habermas. – Berlin: Luchterhand, 1962. – 291 p.
- 1.63. Hamon M. Madame Geoffrin: femme d'influence, femme d'affaires au temps des Lumières / M. Hamon. – Paris: Fayard, 2010. – 782 p.
- 1.64. Harth E. Cartesian Women: Versions and Subversions of Rational Discourse in the Old Regime / E. Harth. – Ithaca: Cornell University Press, 1992. – 267 p.
- 1.65. Haussonville, comte d'. Le Salon de Mme Necker d'après les documents tirés des archives de Coppet: En 2 vol. T. 1. / comte d' Haussonville. – Paris: Calmann-Lévy, 1882. – 668 p.
- 1.66. Hellegouarc'h J. L'Esprit de société. Cercles et «salons parisiens» au XVIIIe siècle / J. Hellegouarc'h. – Paris: Garnier, 2000. – 524 p.
- 1.67. Hours B. Louis XV et sa cour. Le Roi, l'étiquette et le courtisan / B. Hours. – Paris: PUF, 2002. – 302 p.
- 1.68. Janin J. La comtesse d'Egmont / J. Janin. – Bruxelles et Leipzig: Kiessling, Schnée et comp., 1855. – 196 p.
- 1.69. Kale S. Salons français: Haute société et sociabilité politique de l'Ancien Régime à la Révolution de 1848 / S. Kale. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. – 308 p.
- 1.70. Kors A.Ch. D'Holbach's coterie: an Enlightenment in Paris / A.Ch. Kors. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 359 p.
- 1.71. Lacretelle Ch. Histoire de France pendant le dix-huitième siècle: En 6 vol. T. 3-4. / Ch. Lacretelle. – Paris: Delaunay, 1819. – T. 3. – 404 p.; T. 4. – 399 p.
- 1.72. Landes J. Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution / J. Landes. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988. – 276 p.

- 1.73. Lanson G. Histoire de la littérature française / G. Lanson. – Paris: Hachette, 1895. – 1166 p.
- 1.74. Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle / A. Lilti. – Paris: Fayard, 2005. – 568 p.
- 1.75. Lomenie L., de. La Comtesse de Rochefort et ses amis: Études sur les mœurs en France au XVIIIe siècle, avec des documents inédits / L. de Lomenie. – Paris: Michel Lévy frères, 1870. – 370 p.
- 1.76. Lougee C. Le Paradis des femmes, women salons and social stratification in 17th Century France / C. Lougee. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 265 p.
- 1.77. Marchal R. Mme de Lambert et son entourage / R. Marchal. – Oxford: The Voltaire Foundation, 1991. – 798 p.
- 1.78. Martin-Fugier A. Les salons de la III-e République: Art, littérature, politique / A. Martin-Fugier. – Paris: Librairie Académique Perrin, 2003. – 376 p.
- 1.79. Mason A. The Women of the French salons / A. Mason. – New York: The Century Co, 1891. – 286 p.
- 1.80. Masson P.-M. Madame de Tencin: (1682-1749) / P.-M. Masson. – Genève: Slatkine reprints, 1970. – 339 p.
- 1.81. Maugras G. La disgrâce du duc et de la duchesse de Choiseul, la vie à Chanteloup, le retour à Paris, la mort / G. Maugras. – Paris: Plon, 1903. – 527 p.
- 1.82. Maugras G. Le duc et la duchesse de Choiseul, leur vie intime, leurs amis et leur temps / G. Maugras. – Paris: Plon, 1902. – 473 p.
- 1.83. Mongredien G. La Vie de société au XVIIe et au XVIIIe siècle / G. Mongredien. – Paris: Hachette, 1950. – 320 p.
- 1.84. Pekacz J.T. Conservative Tradition in Pre-Revolutionary France. Parisian Salon Women / J.T. Pekacz. – New York: Peter Lang, 1999. – 256 p.
- 1.85. Picard R. Les Salons littéraires et la société française (1610-1789) / R. Picard. – New York: Brentano's, 1943. – 361 p.

- 1.86. Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym: En 2 vol. / J. Pichon. – Paris: Techener, 1880. – T. 1. – 247 p.; T. 2. – 359 p.
- 1.87. Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Dans les beaux quartiers / M. Pinçon, M. Pinçon-Charlot. – Paris: Éditions du Seuil, 1989. – 257 p.
- 1.88. Rageot G. Madame Du Deffand / G. Rageot. – Paris: A. Michel, 1937. – 251 p.
- 1.89. Sainte-Beuve Ch.-A. Causeries du Lundi: En 15 vol. T.1-4. / Ch.-A. Sainte-Beuve. – Paris: Garnier frères. – T. 1. – 1851. – 474 p.; T. 2. – 1851. – 564 p.; T. 3. – 1851. – 422 p.; T. 4. – 1852. – 586 p.
- 1.90. Sareil J. Les Tencin. Histoire d'une famille au XVIII siècle, d'après de nombreux documents inédits / J. Sareil. – Genève: Droz, 1969. – 444 p.
- 1.91. Ségur P., de. Julie de Lespinasse / P. de Ségur. – Paris: Calmann-Lévy, 1906. – 651 p.
- 1.92. Ségur P., de. Le royaume de la rue Saint-Honoré / P. de Ségur. – Paris: Calmann-Lévy, 1897. – 503 p.
- 1.93. Summer M. Quelques salons de Paris au XVIII siècle / M. Summer. – Paris: Société française d'éditions d'art, L. H. May, 1898. – 271 p.
- 1.94. Tallentyre S.G. The Women of the Salons, and Other French Portraits / S.G. Tallentyre. – London: Longsmans, 1901. – 235 p.
- 1.95. Tornezy A. Un Bureau D'esprit au XVIII Siècle, le Salon de Mme Geoffrin / A. Tornezy. – Paris: Lecène, Oudin et Cie, 1895. – 274 p.
- 1.96. Viguerie J. Filles des Lumières: femmes et sociétés d'esprit à Paris au XVIIIe siècle / J. Viguerie. – Bouère: Dominique Martin Morin, 2007. – 302 p.

2. Статьи

- 2.1. Берго И.Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции / И.Б. Берго // Новая и новейшая история. – 1988. – № 6. – С. 39-55.

- 2.2. Век Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп; сост. Г.А. Космолинская. – М.: Наука, 2006. – Вып. 6: Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. – 2018. – 455 с.
- 2.3. Воскобойников О.С. Интервью с Жаком Ле Гоффом / О.С. Воскобойников // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2004. – С. 496-502.
- 2.4. Голубков А.В. У истоков аристократических салонов и Французской академии: «Голубая гостиная» маркизы де Рамбуйе / А.В. Голубков // Казанская наука. – 2017. – № 4. – С. 24-26.
- 2.5. Киселева М.С. История философии – интеллектуальная история – история идей: [Электронный ресурс] / М.С. Киселева // Материалы Российской научной конференции «История философии: вызовы XXI века». Москва, 15–16 ноября 2012. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page19767824.htm>
- 2.6. Куцева Е.А. Маркиза дю Деффан и ее салон / Е.А. Куцева // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 16. – Самара, 2014. – № 3. – С. 166-169.
- 2.7. Лосев С.А. Женщина и революция: трагедия Манон Ролан / С.А. Лосев // История и историография зарубежного мира в лицах. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – С. 65-88.
- 2.8. Мосина З. Франция при Генрихе IV / З. Мосина // Исторический журнал. – сентябрь 1938. – № 9. – С. 95-104.
- 2.9. Никонова А.В. Салон в культуре Франции / А.В. Никонова // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 508-519.
- 2.10. Носко К.Г. Античные «кружки друзей» и французские салоны периода Нового времени: сравнительная характеристика / К.Г. Носко // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1(3). – С. 76-83.
- 2.11. Носко К.Г. Образ хозяйки французского салона XVIII в. / К.Г. Носко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 2(56). – С. 82-87.

- 2.12. Носко К.Г. Патронаж во французских салонах XVIII в. / К.Г. Носко // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки / отв. ред. Е.В. Андриенко. – 2020. – № 1. – С. 44-50.
- 2.13. Носко К.Г. «Политика» в парижских салонах XVIII в. / К.Г. Носко // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки / отв. ред. В.И. Теркулов. – 2017. – № 4. – С. 90-95.
- 2.14. Носко К.Г. Салон как явление культурной жизни Франции XVIII в. / К.Г. Носко // Історичні і політологічні дослідження. – 2013. – № 2. – С. 230-236.
- 2.15. Носко К.Г. Салоны во Франции первой половины XVIII в. / К.Г. Носко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – № 3(66). – С. 75-82.
- 2.16. Пахсарьян Н.Т. Прециозность / Н.Т. Пахсарьян // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 802-804.
- 2.17. Плешкова С.Л. Генрих IV Французский / С.Л. Плешкова // Вопросы истории. – 1999. – № 10. – С. 65-81.
- 2.18. Смирнов А.А. Кружок Маргариты Наваррской / А.А. Смирнов // История западноевропейской литературы: Раннее Средневековье и Возрождение. – М.: Наука, 1947. – С. 408-413.
- 2.19. Стогова А.В. Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции: [Электронный ресурс] / А.В. Стогова. – Режим доступа: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/stogova-salony.htm>
- 2.20. Стогова А.В. Салонная культура XVII в. и женское творчество / А.В. Стогова // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое Время / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 151-202.
- 2.21. Суммер М. Парижские салоны XVIII ст. / М. Суммер // Сборник статей о Наполеоне. – СПб., 1899. – С.3-28.

- 2.22. Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII-XVIII вв. / В.И. Успенская // Женщины. История. Общество. – Вып. 2. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 2002. – С. 171-199.
- 2.23. Чудинов А.В. «Слух, который нашептала история»: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) / А.В. Чудинов // Французский ежегодник. – 2004. – С. 39-55.
- 2.24. Чудинов А.В. Мифы о Французской революции: [Электронный ресурс] / А.В. Чудинов // Историк. – июль-август 2015. – № 7-8. – Режим доступа: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/7/mifyi-o-frantsuzskoj-revolyuutsii-9f.html>
- 2.25. Чудинов А.В. Просвещенная элита (к истории понятия) / А.В. Чудинов // Французский ежегодник. – 2001. – С. 266-279.
- 2.26. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? / Р. Шартье // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). – С. 17-47.
- 2.27. Эмар М. История и компаративизм / М. Эмар // Новая и новейшая история. – 1999. – № 5. – С. 90-98.
- 2.28. Bersot E. Sociétés et salons / E. Bersot // Études sur le XVIII siècle. – Т. 1. – Paris, 1865. – P. 419-505.
- 2.29. Blanc O. La situation des femmes et les salons au XVIIIe siècle / O. Blanc // CLIO. Histoire, femmes et sociétés. – 2008. – № 21. – P. 34-44.
- 2.30. Bourdieu P. Champ intellectuel et projet créateur / P. Bourdieu // Les Temps modernes. – 1966. – № 246. – P. 865-906.
- 2.31. Boyenval A. Les salons du XVIII et leur influence sociale / A. Boyenval // Réforme sociale. – Т. VI. – 1883. – P. 543-576.
- 2.32. Craveri B. La conversation. Les salons et l'esprit de société / B. Craveri // L'Esprit de l'Europe. – Т. 3. – Paris: Flammarion, 1993. – P. 116-127.
- 2.33. Dacremont H. Femmes et salons / H. Dacremont // La Nouvelle Revue. – 1917. – № 29. – P. 342-350.

- 2.34. Darnton R. The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-Revolutionary France / R. Darnton // *Past & Present*. – 1971. – vol. 51. – P. 81-115.
- 2.35. Delorme S. Académies et salons / S. Delorme // *Revue de Synthèse*. – 1950. – № 62. – P. 115-132.
- 2.36. Du Bled V. La société française et les salons du XVIII siècle / V. Du Bled // *Revue hebdomadaire*. – 1903. – № 1. – P. 191-206.
- 2.37. Gemayel R. Le maréchal de Soubise, courtisan et homme de guerre (1715-1787) / R. Gemayel // DEA de l'Université de Paris-IV. – 1986. – P. 89-100.
- 2.38. Haase-Dubosc D. Intellectuelles, femmes d'esprit et femmes savantes au XVIIe siècle / D. Haase-Dubosc // *CLIO. Histoire, femmes et sociétés*. – 2001. – № 13. – P. 43-67.
- 2.39. Hamon M. Les salons littéraires des femmes / M. Hamon // *Historicités de l'action publique*. – Paris: Presses Universitaires de France, 2007. – P. 514-521.
- 2.40. Hannin V. Une ambition de femme au siècle des Lumières: le cas de Mme Necker / V. Hannin // *Cahiers Staëliens*. – 1985. – № 36. – P. 5-29.
- 2.41. Kafker F. L'Encyclopédie et le cercle du baron d'Holbach / F. Kafker // *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. – 1987. – № 3. – P. 118-124.
- 2.42. Masseau D. La marquise de la Ferté-Imbault, reine antiphilophe des Lanturelus / D. Masseau // *Les Dérèglements De L'art*. – Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2000. – P. 35-50.
- 2.43. Mornet D. La vie mondaine et les salons / D. Mornet // *La Vie parisienne au XVIII siècle: leçons faites à l'école des hautes études sociales*. – Paris, 1914. – P. 121-147.
- 2.44. Pascal J.-N. La muse de l'Encyclopédie / J.-N. Pascal // Bonnel R., Runbinger C. *Femmes savantes et femmes d'esprit. Women intellectuals of the French Eighteenth Century*. – New York: Peter Lang, 1994. – P. 243-265.

- 2.45. Turgeon F.K. Fanny de Beauharnais: Biographical notes and a bibliography // *Modern Philology*. – 1932-1933. – № 30. – P. 61-80.
- 2.46. Vie des salons et activités littéraires, de Marguerite de Valois à Mme de Staël // *Actes du colloque international de Nancy (6-8 octobre 1999)* / par R. Marchal. – Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 2001. – 343 p.
- 2.47. Williams E.A. Physicians, vitalism and gender in the salon / E.A. Williams // *Studies in the Eighteenth-Century Culture*. – 2000. – № 29. – P. 1-21.

3. Диссертации

- 3.1. Азерникова И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02) / И.П. Азерникова / Науч. рук. Л.Г. Березовая; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2011. – 231 с.
- 3.2. Голубков А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века: Дис. на соиск. учен. степ. доктора филолог. наук (10.01.03) / А.В. Голубков / Федер. гос. бюджет. учрежд. науки Ин-та мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН ФАНО России. – М., 2017. – 253 с.
- 3.3. Куцева Е.А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.03) / Е.А. Куцева / Науч. рук. д.и.н., проф. С.Б. Семенов; ГОУ ВПО Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2006. – 217 с.
- 3.4. Палий Е.Н. Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность: Дис. на соиск. учен. степ. доктора культурологии (24.00.01) / Е.Н. Палий / Науч. консульт. д.ф.н., проф. И.К. Кучмаева; Государственная академия славянской культуры. – М., 2008. – 313 с.
- 3.5. Пименова Л.А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.): Дис. на соиск. учен. степ. канд.

ист. наук (07.00.03) / Л.А. Пименова / Науч. рук. д.и.н., проф. А.В. Адо; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова (МГУ). – М., 1984. – 282 с.

- 3.6. Robert P.A. Les remontrances et arrêtés du Parlement de Provence au XVIIIe siècle, 1715-1790: thèse pour le doctorat / P.A. Robert. – Paris: A. Rousseau, 1912. – 687 p.

4. Справочная литература

- 4.1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 22.: Ремень-Сафи / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 628 с.
- 4.2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
- 4.3. Салон // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/fine_art/text/3529282
- 4.4. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
- 4.5. Энциклопедический словарь: В 41 т. Т. 28а (56). / ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – 496 с.
- 4.6. Barbier A.-A. Dictionnaire des ouvrages anonymes: En 4 vol. Т. 3. / A.-A. Barbier. – Paris: P. Daffis, 1875. – 1166 p.
- 4.7. Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française: En 3 vol. Т. 1. / J.-F. Féraud. – Marseille: Jean Mossy Père et Fils, 1787. – 840 p.
- 4.8. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc.: En 17 vol. Т. 14. / P. Larousse. – Paris: Administration du Grand dictionnaire universel, 1875. – 1666 p.
- 4.9. Rey A. Le Grand Robert de la langue française: En 9 vol. Т. 8. / A. Rey. – Paris: Le Robert, 1991. – 548 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список картин

1. Портрет маркизы де Рамбуйе. Неизвестный автор.
2. Портрет маркизы де Ламбер. Автор: Н. де Ларжильер.
3. Портрет мадам де Тансен. Автор: В. Кассиен.
4. Портрет маркизы дю Деффан. Автор: Ж. Энсина.
5. Портрет Ж. де Леспинас. Автор: Кармонтель.
6. Портрет мадам Жоффрен. Автор: Ж.-М. Натье.
7. Портрет маркизы де Ла Ферте-Эмболь. Автор: Ж.-М. Натье.
8. Портрет герцогини д'Эгийон. Неизвестный автор.
9. Портрет графини де Буффле. Автор: Кармонтель.
10. Портрет мадам де ла Поплиньер. Автор: М. Кантен де Ла Тур.
11. Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне госпожи Жоффрен. Автор: А. Ш. Г. Лемонье.
12. Портрет мадам д'Эпине. Автор: Ж.-Э. Лиотар.
13. Портрет Ж. Неккера. Автор: Ж.-С. Дюплесси.
14. Портрет С. Неккер. Автор: Ж.-С. Дюплесси.

Рис. 1. Портрет маркизы де Рамбуйе. Неизвестный автор.

Рис. 2. Портрет маркизы де Ламбер. Автор: Н. де Ларжильер.

Рис. 3. Портрет мадам де Тансен. Автор: В. Кассиен.

Рис. 4. Портрет маркизы дю Деффан. Автор: Ж. Энсина.

Рис. 5. Портрет Ж. де Леспинас. Автор: Кармонтель.

Рис. 6. Портрет мадам Жоффрен. Автор: Ж.-М. Натъе.

Рис. 7. Портрет маркизы де Ла Ферте-Эмболь. Автор: Ж.-М. Натье.

Рис. 8. Портрет герцогини д'Эгийон. Неизвестный автор.

Рис. 9. Портрет графини де Буффле. Автор: Кармонтель.

Рис. 10. Портрет мадам де ла Поплиньер. Автор: М. Кантен де Ла Тур.

Рис. 11. Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне госпожи Жоффрен. Автор: А. Ш. Г. Лемонье.

Рис. 12. Портрет мадам д'Эпине. Автор: Ж.-Э. Лиотар.

Рис. 13. Портрет Ж. Неккера. Автор: Ж.-С. Дюпlessи.

Рис. 14. Портрет С. Неккер. Автор: Ж.-С. Дюпlessи.